КАВКАЗ
ЧЕРКЕСИЯ
COSAQUES
GRANDE KABARDIE

Сборник

Кавказ. Выпуск XVII. Черкесия

2014

УДК 91(479)031
ББК 26.9(531)Я2

Сборник

Кавказ. Выпуск XVII. Черкесия / Сборник — 2014

ISBN 978-5-93680-746-6

В результате последствий Кавказской войны, административных преобразований царской власти в XIX веке, а позже и советской власти, адыгский (черкесский) народ на своей родине оказался разделен на множество анклавов, большинство из которых впоследствии были территориально объединены в четыре массива, именуемые шапсуги, кабардинцы, адыгейцы и черкесы. Какой она была, Черкесия — страна, которой нет на карте? Об этом можно узнать из многочисленных публикаций дореволюционного периода, составивших очередной том серии «Кавказ». В него вошли работы известных историков и государственных деятелей России, публикуемые в хронологическом порядке. Этнограф-кавказовед Л. Я. Люлье (1805–1862) представлен в томе работами «Общий взгляд на страны, занимаемые горскими народами, называемыми черкесами (адыге), абхазцами (азега) и другими, смежными с ними», «О натухайцах, шапсугах и абадзехах», «Верования, религиозные обряды и предрассудки у черкесов», «Учреждения и народные обычаи шапсугов и натухайцев». Н. Ф. Дубровин (1837–1904) — автор шеститомного труда «История войны и владычества русских на Кавказе», составной частью которого является статья «Черкесы (адыге)», в которой ученый рассматривает адыгские народы как единый субстрат, как один этнос. Важное место в этнографии адыгов занимают труды генерала от инфантерии Николая Ивановича Карлгофа (1806–877) — «Восточный берег Черного моря» и «О политическом устройстве черкесских племен, населяющих северо-восточный берег Черного моря», последний из которых напечатан в настоящем издании. Также публикуются «Очерк горских народов Правого крыла Кавказской линии» военного писателя Д. Г. Анучина (1833–1900); «Очерки этнографии Кавказа» государственного деятеля Е. П. Ковалевского (1790–1867); «Этнографический очерк черкесского народа» профессионального военного К. Ф. Сталя (1817–188?), являющийся одним

из лучших трудов по этнографии адыгов. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 91(479)031
ББК 26.9(531)Я2

ISBN 978-5-93680-746-6

© Сборник, 2014

Содержание

От издательства. Страна, которой нет на карте 7
Николай Карлгоф. О политическом устройстве черкесских племен, населяющих северо-восточный берег Черного моря 9
I 10
II 19
III 23
Дмитрий Анучин. Очерк горских народов Правого крыла Кавказской линии 29
Леонтий Люлье. Черкесия 50
Общий взгляд на страны, занимаемые черкесами (Адыге), абхазцами (Азега) и другими смежными с ними горскими народами 51
I. Адыге, или черкесское племя 51
II. Азега, то есть абхазские племена[22] 54
О натухажцах, шапсугах и абадзехах 61
Верования, религиозные обряды и предрассудки у черкесов 67
Учреждения и народные обычаи шапсугов и натухажцев 75
Обычаи и обязательства, составляющие основные начала гражданского и уголовного права горцев 80
Евграф Ковалевский. Очерки этнографии Кавказа 84
Предисловие 85
I 86
Народы Западного Кавказа 90
Черкесы 90
Конец ознакомительного фрагмента. 100

Мария и Виктор Котляровы
Кавказ. Выпуск XVII. Черкесия

© Издательство М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2014
© М. и В. Котляровы, составление, 2014
© Ж. А. Шогенова, оформление, 2014

От издательства. Страна, которой нет на карте

Черкесы (самоназвание *адыги*) – древнейшие жители Северо-Западного Кавказа, чья история уходит в далекое прошлое. «Их история, – читаем в «Иллюстрированном журнале Глисона» (1854, январь), – столь продолжительна, что за исключением Китая, Египта и Персии, история любой другой страны не более чем рассказ о вчерашнем дне. …Черкесы …представляют собой единственный народ на поверхности земного шара, который столь далеко в прошлое может проследить независимую национальную историю. Они немногочисленны, но их регион столь важен, а их характер столь поразителен, что черкесы хорошо известны древним цивилизациям. Упоминания о них в обилии встречаются у Герадота, Вария Флакка, Помпония Мелы, Страбона, Плутарха и других великих писателей. Их предания, легенды, эпос представляют собой героическое повествование о свободе, которую они сохраняют, по меньшей мере, в течение последних 2300 лет перед лицом самых могущественных в человеческой памяти правителей».

А теперь обратимся к энциклопедии Брокгауза и Ефрона, ибо статья о черкесах, помещенная в этом фундаментальном издании (1890–1907), раскрывает, по большому счету, исторические рамки данного тома. Итак, черкесы – это «группа разноплеменных, но родственных по языку и культуре западно-горских народностей Кавказа, занимавших (до выселения своего из России) большую половину Кабардинской плоскости, значительную часть обоих склонов Кавказского хребта и восточный берег Черного моря. …Черкесы жили на Кавказе почти на тех же самых местах с древнейших времен: первые исторические сведения о них восходят к началу VI в. до Р. Х. Название Ч. дано им окружающими их народами, сами же себя они всегда называли адиге. …Уже у греческих историков встречается название керкет, которое относят именно к Ч. Греки их называли также зюхой (у Appiana). В древности территория Ч., кроме Западного Кавказа, простиралась и на Крымский полуостров. Еще в 1502 г. они занимали весь восточный берег Азовского моря до Босфора Киммерийского, откуда были вытеснены русскими и татарами. О древнейшей истории Ч. сохранилось очень мало данных.

…От XVI в. дошло до нас первое детальное описание быта Ч., сделанное генуэзцем Интериано. Он рисует конгломерат независимых племен, организованных на феодальных началах, общества, состоявшие из благородных, вассалов, крепостных и рабов. Последние служили предметом торговли даже с Каиром. Свободные знали только охоту и войну, предпринимали отдаленные походы, даже на Херсонес, беспрерывно воевали с соседними тюркскими племенами, а в промежутках резали друг друга или делали набеги на крестьян, укрывавшихся от них в горах и образовавших союзы для защиты. Их храбрость, лихое наездничество, рыцарство, великодушие, гостеприимство так же славились, как красота и грация их мужчин и женщин.

…Письменности они не знали. Единственной их монетой служили куски материи, хотя драгоценные металлы они ценили, употребляя во время пиршеств огромные чаши из золота и серебра. В образе жизни (жилища, пища) они были просты; роскошь проявлялась только в оружии и отчасти в одежде. …По заключении Адрианопольского мира в 1829 г., когда все турецкие владения на Кавказе перешли к России, Ч. (с территорией которых Россия граничила по реке Кубани), как бывшие до того в зависимости от Турции, должны были перейти в русское подданство. Отказ от подчинения вызвал долголетнюю войну, кончившуюся эмиграцией большинства Ч. в Турцию и принудительным выселением оставшихся с гор на плоскости.

…Собственно Ч.-адиге стройны и широкоплечи. Их волосы, чаще всего темно-русые, обрамляют лицо с прекрасным овалом, с блестящими глазами, почти всегда темными. Их внешность дышит достоинством и внушает симпатию. Они с гордостью говорят: «ssé adighé – я адиге» (Шантр). Костюм Ч. состоит из бешмета или архалука, черкески, пуговиц, чевяков, бурки и папахи, обшитой галуном, с башлыком, напоминающим фригийскую шапку. Оружие –

шашка (название, от Ч. перешедшее к нам), ружье, кинжал и пистолеты; на черкеске по обеим сторонам кожаные гнезда для ружейных патронов, на поясе – жирницы, отвертка и сумочка с принадлежностями для чистки оружия. Женщины поверх шаровар надевают длинную рубашку из бязи или кисеи, с широкими рукавами, поверх рубахи шелковый бешмет, чевяки, обшитые галуном, а на голове круглую шапочку, повитую белой кисейной, чалмой. Девушки до замужества носили особый корсет, сжимавший грудь.

Усадьба Ч. обыкновенно расположена совершению уединенно. Она состоит из сакли, построенной из турлука и крытой соломой, амбара на столбах и хлева, обнесенных плотным тыном, за которым тянутся огороды, засеянные преимущественно кукурузой и просом. К забору с наружной стороны примыкает кунакская, состоящая из дома и конюшни, огороженных частоколом. Сакля состоит из нескольких комнат, с окнами без стекол. Вместо печи в земляном полу углубление для огня, с плетеной, обмазанной глиной трубой. Обстановка самая незатейливая: полки по стенам, несколько столиков, кровать, застланная войлоком. Каменные постройки редки и только на вершинах гор: воинственный Ч. считал постыдным искать защиты за каменными оградами.

Еще в 50-х гг. XIX в. социальный строй Ч. напоминал собой даже до деталей феодальный быт средневековой Европы. Князья, благородные, вассалы, крепостные, рабы, вольноотпущенные, крестьяне, крепко сплоченные для взаимной защиты – такова была сложная организация Ч. В одном они отличались от средневековых европейцев: наличностью родового быта, со всеми его особенностями, с его адатом, кровной местью, институтом гостеприимства. Эти черты, особенно последние две, сохранились и до настоящего времени.

…Язык Ч. совершенно отличен от прочих кавказских языков. Самое чистое наречие – кабардинское; оно отличается обилием губных и палатальных звуков, делающих усвоение произношения почти немыслимым для европейца».

А вот что читаем в современной энциклопедии: «В результате последствий Кавказской войны, административных преобразований царской власти в XIX в., а позже и советской власти, адыгский (черкесский) народ на своей родине оказался разделен на множество анклавов, большинство из которых были территориально объединены в четыре массива, именуемые шапсуги, кабардинцы, адыгейцы и черкесы. В настоящее время, в России, термин Черке́сы (самоназвание: адыгэ), помимо указанного выше значения, является обозначением адыгов, проживающих в Российской Федерации, Турции, Сирии, Ираке, Иордании, Иране. За рубежом этноним Черкес продолжает употребляться в отношении потомков черкесских мухаджиров, а также потомков черкесских мамлюков, проживающих в адыгской диаспоре».

В приложении публикуются историко-этнографические очерки исследователя А. И. Дьячкова-Тарасова «Абадзехи» и «Мамхеги».

Мария и Виктор Котляровы

Николай Карлгоф. О политическом устройстве черкесских племен, населяющих северо-восточный берег Черного моря

Труды генерала от инфантерии *Николая Ивановича Карлгофа* (1806–1877) – «Восточный берег Черного моря» и «О политическом устройстве черкесских племен, населяющих северо-восточный берег Черного моря» – занимают важное место в этнографии адыгов.

Н. И. Карлгоф, профессиональный военный (окончил Военную академию, на службе с 1824 года), с 1845 года служил на Кавказе: начальник штаба Черноморской береговой линии, обер-квартирмейстер Кавказской армии; с 1871 года – член Государственного совета.

Первая из его работ представляет краткий этнографический очерк причерноморских адыгов, а вторая, как пишет кавказовед М. О. Косвен, «содержит, наряду с общим очерком страны и описанием племенного деления адыгов, попытку общей характеристики их общественного строя и тех изменений, которые в этом строе происходят в последнее время. Автор описывает, в частности, сословные, семейные и родовые отношения, организацию суда, хозяйство, торговлю и пр.».

Н. И. Карлгоф являлся помощником председателя Кавказского отдела Русского географического общества; его перу принадлежит также работа «Магомет-Амин» (1860) – о наибе Шамиля среди черкесских племен.

Кавказ представляет много любопытных образцов устройства человеческих обществ. Тщательное изучение этих живых образцов может пояснить темные и загадочные стороны в истории первых времен образования государств. Робертсон, например, для подтверждения исторических выводов своих о древних германских племенах, сравнивал политическое их состояние с тем, в котором находятся нынешние дикари Северной Америки, и находил, что разительное между ними сходство подтверждает верность его выводов даже более, чем свидетельства Цезаря и Тацита. Но если бы, вместо этого бедного материала, известны были Робертсону и другим знаменитым историческим исследователям кавказские племена, которых политическое устройство не составляет исключительной особенности их, а принадлежит всем младенчествующим народам, то они нашли бы у этих племен много данных для новых выводов и даже для переработки первоначальной истории новейших европейских государств.

Предметом нашей статьи будет политическое устройство черкесских племен, населяющих северо-восточный берег Черного моря. Главные основания этого первобытного устройства сохранились и во всех других обществах кавказских племен, с той только разницей, что некоторые из них представляют его на дальнейших степенях его развития.

В статье этой мы слегка коснемся общественного устройства и других соседственных черкесам племен, сколько это будет необходимо для объяснения предмета нашей статьи, и изложим происходившие в последние пятнадцать лет в Черкесском обществе неудачные попытки к переворотам. Для полноты и ясности описания, необходимо начать его с топографического и этнографического обозрения края.

I

Пространство земли, населяемое черкесскими племенами на северо-восточном берегу Черного моря, ограничивается с севера рекой Кубанью, от устья ее до впадения в нее Лабы, и нижней частью течения последней; с востока – Лабой, притоками ее Ходзь и Губс и хребтом, отделяющим реку Ходзь от реки Белой; с юго-запада – Черным морем.

Пространство это пересекается по направлению от северо-запада к юго-востоку Главным Кавказским хребтом, который, начинаясь в углу между устьем Кубани и Черным морем, прилегает к самому морскому берегу до укрепления Гагры; далее, сохраняя то же направление, хребет входит внутрь Кавказского перешейка, а морской берег, описывая дугу к югу, постепенно отходит и наконец совсем удаляется от гор.

При начале своем, в углу между низовьем Кубани и морем, Кавказский хребет имеет еще незначительную высоту, но обнаженные каменные и остроконечные гребни его и резкие очертания боков, изломанных угловатыми ребрами, представляют уже общий характер этой первозданной цепи гор. Далее он постепенно увеличивается в ширину и высоту и, не доходя еще до укрепления Гагры, превышает местами черту вечных снегов.

Опускаясь от гребня в обе стороны террасами и потом отбрасывая ветви к Кубани и к морю, Кавказский хребет имеет, кроме Главного, параллельные ему пониженные гребни, между которыми находятся высокие населенные долины. Северная покатость хребта понижается к Кубани довольно отлого, и наконец сливается с обширными прикубанскими равнинами. Напротив того, южная покатость падает к морю утесистыми обрывами, а короткие, высокие и массивные ветви, упираясь в морской берег, оканчиваются при нем отвесной крутизной.

Со стороны моря Кавказский хребет имеет вид дикой и почти необитаемой местности. Вековые леса покрывают его крутые скаты, и мало где видна возделанная земля. На северной стороне хребта лесная полоса оканчивается у подошвы последних его уступов; равнины же, расстилающиеся от подножия гор до Кубани, представляют большей частью местность открытую, с небольшими кое-где перелесками.

Из рек значительные протекают только на северной стороне Главного хребта, а именно: Кубань и левые притоки ее: Уруп, Большая и Малая Лаба, Белая, Пшиш, Псекупс, Супс, Адагум и многие другие, из которых только одна Кубань судоходна. По южную же сторону хребта, от Анапы до пределов Абхазии, реки, сбегающие с короткой и крутой покатости по каменистому ложу, имеют характер стремительных горных потоков, непроходимых после дождей и во время весеннего и осеннего полноводья и везде представляющих удобные броды в обыкновенное время; однако некоторые из них имеют при устье достаточную глубину, так что по ним могут подниматься плоскодонные турецкие кочермы на 3 или на 4 версты от берега. Таковы Пшада, Джуба, Шапсуго, Туапсе, Мокупсе, Псезуапе, Субаши, Шахе, Вордане (или Сюхпсе), Сочи (или Саше), Мздымта и некоторые другие. При устьях этих рек, кроме Джубы, Мокупсе и Вордане, построены были русские укрепления, которые разрушены нами во время минувшей войны и по окончании ее не возобновлены.

Колесные сообщения через Главный Кавказский хребет, с северо-восточного берега моря на равнины Кубани, существуют только на северной его оконечности до бывшего укрепления Геленджик; к югу же от последнего пункта есть только горные тропы, едва проходимые для конных.

Черное море, омывая Кавказский перешеек у самой подошвы Главного Кавказского хребта на протяжении от Гагр почти до Геленджика, отмыло оконечности упирающихся в него горных ветвей, но нигде не могло вторгнуться внутрь материка. На этом протяжении берег имеет очертание почти прямое и только в немногих местах выдается в море короткими и тупыми мысами, или, уступив действию моря, изгибается внутрь пологими дугами. Между

утесами отмытых морем оконечностей горных ветвей и морским бассейном находится узкая полоса из песка, щебня и камня, набросанная морским прибоем, шириной от 5 до 10 саженей, которая, при тихой погоде в море, составляет единственный удобный путь для сообщения жителей прибрежных долин, разделенных между собой отбрасываемыми от Главного хребта к морю высокими и малодоступными горными ветвями; во время же морских прибоев волны, ударяясь в самое подножие береговых скал, прекращают прибрежное сообщение. К северу от устья реки Пшады море вдается в берег двумя бухтами: Геленджикской и Суджукской, удобными для якорной стоянки во время восьми месяцев в году, но весьма опасными, особенно первая, для судов в зимние четыре месяца, по причине берегового ветра, известного под названием *бора*, который срывается с горного хребта с силой урагана. Вне пределов описываемого нами пространства, где Кавказский хребет уже расходится с морским берегом, море образует еще одну хорошую бухту – Сухумскую; хотя она и открыта со стороны моря на полкруга, но обступающие ее со всех сторон высокие горы останавливают течение воздуха, и потому ни один морской ветер не доходит в бухту. То же явление замечается при укреплении Гагры: высокий хребет поднимается стеной у самого берега.

Кроме трех описанных бухт и рейда при Пицунде, прикрытого от северных ветров выдающимся в море самым значительным из мысов этого берега, нигде открытые рейды не представляют никакого убежища судам.

Черное море от устья Кубани до устья Кодора имеет берег приглубый, без отмелей и рифов, дозволяющий судам близко подходить к берегу; к югу же, от впадения Кодора, то есть вне пределов описываемого нами пространства, плоская и болотистая местность, нечувствительно понижаясь в море, образует на значительное расстояние от берега мель, которая увеличивается еще наносами рек.

Такова местность; что касается до обитателей, то народ *адиге*, который населяет большую часть этого пространства, более известен под названием *черкесов* и разделяется на большое число племен, имеющих разные наименования. Вот сильнейшие из этих племен:

1. *Натухайцы* (нодкуадж) населяют угол между Черным морем и низовьем Кубани, на северной покатости Кавказского хребта до реки Адагум и на южной, несколько далее реки Пшады[1].

2. *Шапсуги*, соседственные натухайцам, живут по обеим сторонам Кавказского хребта, занимая на северной его стороне пространство от Адагума до реки Супс[2] и на южной стороне от Пшады до реки Шахе. К востоку племя это распространяется не везде до самой Кубани.

3. *Бжедухи* примыкают к шапсугам с востока и занимают на левом берегу Кубани земли от реки Пшиш до Супса.

4. *Абадзехи* населяют земли только по северную сторону Кавказского хребта сопредельно с шапсугами и бжедухами, до реки Белой включительно.

5. *Кабардинцы* (кабертай) населяют край вне пределов описываемого нами пространства, близ Военно-Грузинской дороги, между реками Малкой и Тереком и землями осетинских племен. Они составляют особый отдел народа адиге и не входят в наше описание по отличию общественного их устройства от черкесских племен, населяющих земли между Кубанью и Черным морем.

---

[1] Господин Люлье, живший у черкесов 8 лет (с 1820-го по 1828 год) в качестве комиссара русского правительства, в миссии г-на Скасси, и известный изданием черкесского словаря и грамматики того же языка, а также и некоторыми статьями о черкесах, в статье своей, напечатанной в IV книжке Записок Кавказского отдела Географического общества (1857) под названием: «Общий взгляд на страны, занимаемые горскими народами и пр.», причисляет к натухайскому племени всех жителей южной покатости Кавказского хребта от Анапы до реки Шахе и несколько далее к югу. Не отвергая справедливости его предположения, мы придерживаемся здесь общепринятого разделения племен.

[2] Река Супс не показана на дорожной карте Кавказа, изданной в 1858 году и поступившей во всеобщую продажу; река эта впадает в Кубань между Афипсом и Псекупсом.

К востоку от бжедухов и абадзехов, примыкают к ним небольшие черкесские племена: *хатукай* и *темиргой*, живущие в углу между Лабой и Белой; *махош* и *бесленей*, населяющие пространство южнее предыдущих двух племен также между Лабой и Белой.

Кроме того, мы причисляем еще к нашему описанию племя *убыхов*, которые хотя по происхождению и языку вовсе не принадлежат к народу адиге, но по нравам, обычаям, общественному устройству и по всеобщему употреблению у них черкесского языка наравне с природным их языком могут быть причислены к группе черкесских племен. Они живут на южном склоне Кавказского хребта, между реками Шахе и Хамыш[3].

К черкесским племенам примыкает *абхазское* племя, отличающееся от них и от убыхов происхождением, языком и общественным устройством. На южной покатости хребта живут подле убыхов на берегу моря *джигеты* и выше, в горах, *медовеевцы* (медозюэ), а на северной покатости – *баг, баракай, шагирей* и далее к востоку – *там, кизильбек, башилбай* и *басхог*, распространяясь до самого Карачая, населенного *ногайским* племенем. К джигетам и медовеевцам примыкают на южной покатости хребта владения Абхазское и Цебельда, также обитаемые абхазским племенем.

Все исчисленные нами племена, черкесские и абхазские, кроме шапсугов, убыхов и джигетов, покорны русскому правительству, но управляются по их народным обычаям.

Трудно определить даже приблизительно народонаселение описываемого нами края, но, кажется, мы не много ошибемся, сказав, что число жителей обоего пола в черкесских племенах на восточном берегу Черного моря не превышает 300 тысяч душ мужского пола.

Черкесское общество основано на следующих началах:

1. Семейство.

2. Право собственности.

3. Право употребления оружия для всякого свободного человека.

4. Родовые союзы со взаимной обязанностью всех и каждого защищать друг друга, мстить за смерть, оскорбление и нарушение прав собственности всем за каждого, и ответствовать перед чужими родовыми союзами за всех своих.

Эти коренные начала, которые мы рассмотрим ниже, составляли искони основание общественного устройства у черкесов; но само общество не оставалось неподвижным, а постепенно изменялось, не нарушая этих начал, и достигло нынешнего своего состояния после переворота в значении и правах общественных сословий.

Черкесское общество разделяется на следующие сословия: 1) *пши* (князь), 2) *ворк* (дворянин), 3) *тфокотль* (среднее сословие свободных людей), 4) *об* (клиенты, состоящие в зависимости от покровителей), 5) *пшитль* (подвластный хлебопашец, обрабатывавший землю своего господина) и 6) *ясырь* (раб, дворовый человек).

Князья и дворяне пользовались в прежние времена некоторой властью над народом в делах общественных и в мерах общей безопасности, а также некоторыми личными преимуществами перед другими сословиями; но около середины прошедшего столетия произошел у черкесов общественный переворот, в котором оба означенных сословия лишились всех своих преимуществ и уравнялись в правах с тфокотлями, сделавшимися после того, по своей многочисленности, первенствующим классом в народе. Однако князья и дворяне помнят свое происхождение, ведут свой род и, сохраняя многие понятия своих сословий, избегают мешаться браками с людьми других сословий.

Таким образом, у черкесов существуют теперь три свободных, равных между собой, и три подвластных сословия. Три низких сословия состоят в зависимости от своих владельцев на различных правах. Сословие *об* можно считать почти свободным, потому что оно пользуется правом перехода от одного владельца к другому, хотя для собственной безопасности своей, как

[3] Хамыш также не показана на означенной карте; она впадает в Черное море между Сочи и Мздымтой.

мы увидим ниже, люди этого сословия не могут жить в крае в совершенной независимости. Сословие *пшитль* вполне подчинено владельцам, которые имеют право продавать принадлежащих к нему людей, но не иначе как за преступление, и притом целыми семействами; *ясыри* же, к которым принадлежат пленные и потомки их, не имеют никаких человеческих прав; господин может продавать их поодиночке, подвергать жестоким наказаниям и даже убивать, не ответствуя ни перед кем. Кроме того, обы и пшитли пользуются правами собственности, но обязаны своим владельцам разными натуральными повинностями – как работой, так и взносом определенной части земельных произведений и приплода от скота в положенные сроки. Ясыри, напротив, не имеют никакой собственности, и весь труд их принадлежит владельцам.

Переходя затем к началам, на которых устроено Черкесское общество, рассмотрим прежде всего черкесское семейство. Отец семейства есть полновластный господин над своими женами и несовершеннолетними детьми: он может поступать с ними совершенно по своему произволу; жизнь и свобода их в его власти; но если он без вины убьет или продаст свою жену, то подвергается мщению со стороны ее родственников. По магометанскому закону, каждый может иметь четырех жен, но, однако, немногие из черкесов пользуются этим правом; по коренному народному обычаю, принято иметь только по одной жене. У черкесов, как и у всех восточных народов, жених должен платить за женщину, которую берет в замужество, родственникам ее условленную плату, которая называется *калым*. Разводы дозволительны и обычно исполняются простой отсылкой жены к ее родственникам; но если она ни в чем не виновата, то муж не имеет права требовать возврата калыма и, сверх того, может еще подвергнуться мщению со стороны ее родственников. Если женщина овдовеет, то на ней обязан жениться один из братьев покойного ее мужа, но, по согласию обеих сторон, брак может и не состояться. Черкесы вообще очень обходительны с женщинами, и хотя на долю женщин падают все тяжелые домашние работы, но это принадлежит к народным обычаям, а не происходит от жестокости нравов. Случаи сурового обращения с женщинами бывают весьма редки, и где они встречаются, там всегда виной тому бывают женщины. Незамужние женщины пользуются свободой и могут показываться посторонним людям; замужние же, по восточному обычаю, закрывают свои лица и ведут жизнь затворническую. У горцев, по суровым воинственным нравам их, считается неприличным мужу показываться вместе с женой вне своего дома и отцу ласкать своих детей в присутствии посторонних. Достаточные люди отдают своих детей на воспитание в чужие семейства до совершеннолетия, и этот взаимный обмен детьми составляет одно из средств к поддержанию между разными семействами связей и дружбы, столько необходимых в народе, не имеющем над собой никаких властей. Дети, воспитанные в чужих семействах, имеют такие же обязанности к своим воспитателям, называемым *аталыками*, как и к родителям; они часто привязываются к аталыку даже более, чем к своему отцу, который, побеждая в себе чувство природы, избегает видеть своих детей до их совершеннолетия, потому что родительская нежность признается слабостью, недостойной мужчины и воина. Продажа отцами собственных малолетних детей обоего пола в Турцию составляет у черкесов явление весьма обыкновенное. Хотя их побуждает к тому нужда и корыстолюбие, но в извинение им можно сказать, что они надеются на счастливую будущность своих детей, зная много примеров, что проданные в Турцию мальчики, по врожденной их сметливости и ловкости, резко отличающей их от природных турок, выслуживались там до высоких степеней государственной службы, а девочки попадали в гаремы султана и пашей.

Права собственности у черкесов распространяются на имущество движимое, из которого главное богатство составляет скот, а также и на такое недвижимое имущество, которое находится *в действительном и непосредственном* обладании частных лиц и требовало от них собственного труда, как то: дома и другие постройки, поля, постоянно обрабатываемые; земля же, лежащая впусте, пастбищные и луговые места, равно как и леса, не составляют частной собственности.

Земли состоят в нераздельном владении обществ и фамилий, из которых каждое имеет свои земли, переходившие из рода в род, но правильного раздела и ясного обозначения границ никогда между ними не было. Частные лица пользуются землей своих фамилий или обществ по мере действительной надобности. Продажа земель не существует в народных обычаях; отдача внаем – то же; но за пастьбу скота на чужой земле платится в некоторых местах условный процент приплода.

Естественное право человека защищать себя, свое семейство и свое имущество и даже предупреждать противников нападением, если от этой меры зависит его спасение, заменяется в благоустроенных народах попечением правительства об охранении народа извне и о поддержании у него общей безопасности и спокойствия внутри посредством вооруженной силы и власти закона, приводимого в действие административными и судебными властями и учреждениями. Но рассматриваемое нами общество не развилось еще до степени учреждения правительства, а потому политическое право употребления оружия нигде не сосредоточилось, не могло уступить в народе места праву гражданскому и остается во власти каждого семейства первых трех свободных сословий. Что же касается до трех низших сословий, то они разделены между семействами высших и вместе с ними должны основывать свою безопасность на употреблении оружия. Таким образом, первый элемент общества составляет *свободное семейство с его подвластными и рабами*, в котором все люди различного происхождения, связанные между собой общим интересом безопасности, обязаны взаимной защитой.

В обществе, раздробленном на такие мелкие самостоятельные части, по естественному порядку вещей должны были образоваться союзы, и они составились на родовом начале.

Семейства одного родового происхождения, или одной фамилии, освобожденные ими семейства низших сословий и посторонние люди, отдавшиеся под покровительство фамилии с потомствами их, составляют родовой союз наподобие прежних шотландских кланов. Все люди, принадлежащие к одному союзу, имеют обязанности, взаимные между собой и к целому обществу, так же как и общество имеет обязанности к каждому человеку порознь.

Взаимные обязанности людей, принадлежащих к одному родовому союзу, заключаются в защите друг друга против набегов и насилия людей посторонних. Люди, принадлежащие к одному семейству, подвластные и рабы их обязаны не только один другого защищать, но и мстить чужим семействам, хотя бы и принадлежащим к той же фамилии, за нарушение личной неприкосновенности и прав собственности каждого из своих.

Личная обязанность каждого человека к своей общине состоит в том, что он должен принимать участие в общественных делах своего родового союза по внутренним интересам и по столкновениям их с посторонними союзами и являться по общему требованию или на тревогу с оружием.

Целое общество родового союза покровительствует каждому из принадлежащих к нему людей, защищает своих и мстит за каждого посторонним обществам.

Многочисленные фамилии разделяются по происхождению на отрасли, из которых каждая составляет свой родовой союз, имеющий то же значение относительно других отраслей, какое имеет целый союз к посторонним.

Хотя по коренным условиям родовых союзов злоупотребление свободой оружия ограничивается, с одной стороны, ответственностью, а с другой – местью, но, опираясь на одно только оружие, общество не могло бы продолжительно существовать. Для избежания беспрерывной и истребительной войны, которая неразлучна с полной свободой употребления оружия, должны были возникнуть и другие начала, ограничивающие право оружия общепринятыми, условными понятиями и постановлениями. Эти начала у черкесов состоят: 1) во всеобщей ответственности каждого союза перед другими за действия и поведение всех принадлежащих к нему людей, 2) в уплате виновной стороной пеней и 3) в суде посредников.

По народным понятиям, уплата пеней удовлетворяет честь обиженной фамилии, или семейства, и обязывает к прекращению дальнейшей вражды. Пеню уплачивают людьми, скотом, оружием, товарами и другим имуществом. Пеня обыкновенно бывает так значительна, особенно за кровь, что один виновный не в состоянии уплатить ее, и потому она разлагается на целую фамилию. Это установление, касаясь материальных интересов целого общества, ставит его в необходимость наблюдать за действиями каждого и удерживать беспокойных людей. Виновный не подвергается другому взысканию, кроме уплаты части пени по своему состоянию, но если кто-нибудь часто вводит свою фамилию в ответственность перед другими фамилиями, то против таких нарушителей общественного спокойствия существует народный обычай – исключать их из фамилии. В народе, в котором личная безопасность и неприкосновенность имущества основаны на покровительстве общин, исключение из фамилии имеет одинаковое значение с объявлением в Европе преступников вне покровительства законов. Человека, исключенного из фамилии, всякий может оскорбить, ограбить, убить или взять в рабство, не навлекая на себя ничьей мести, если виновный не найдет покровительства в какой-либо другой фамилии. Покровительство, оказываемое фамилиями людям посторонним, прибегающим под их защиту, принадлежит к обычаям гостеприимства, которое всегда составляло отличительную черту народов первобытных и происходит от общей потребности людей оказывать друг другу услуги в такой стране, где нет общественной безопасности; от услуг же, требующих взаимности, рождаются обязанности. К числу обычаев гостеприимства принадлежит и право убежища, которое избавляет людей, исключенных из фамилии, от тяжкой участи их положения. Прибегнувший под покровительство фамилии делается ее гостем, и пока находится на ее земле, до тех пор вся фамилия обязана, по долгу гостеприимства, охранять его. По народным понятиям, обязанность эта так священна, что хозяин дома готов пожертвовать своей жизнью за безопасность гостя, и даже личный враг его пользуется у него безопасностью, если был принят кем-нибудь из его семейства.

Всякая кровная вражда оканчивается примирением враждующих сторон судом посредников. Старики, пользующиеся уважением народа, вмешиваются в распри и уговаривают обе стороны решить дело посредниками. Каждая сторона избирает своих посредников, но нужно согласие противной стороны для утверждения выбора. В назначенном месте сходятся обе стороны со своими свидетелями. Суд происходит под открытым небом гласно и публично; чем важнее дело, тем более собирается любопытных. Враждующие стороны садятся в разных местах, в отдалении одна от другой, чтоб избегнуть столкновений, к которым обязывает их понятие о чести, до тех пор пока виновная сторона не удовлетворит другую. Судьи садятся в средине и по очереди выслушивают показание избранного с каждой стороны депутата и свидетелей, а потом, по совещании между собой, объявляют решение, которое обе стороны обязаны выполнить беспрекословно.

В коренных народных установлениях черкесов нет другого суда, кроме суда посредников: общество не развилось до степени учреждения постоянных судей. Мусульманская вера внесла к ним еще духовный суд, *шариат*, но к нему прибегают черкесы только в маловажных делах. Предпочитая народные постановления шариату, по привязанности к своим обычаям, с которыми шариат во многом не сходен, а также и потому, что мусульманский суд допускает произвольное толкование муллами Корана, который мало известен черкесам, они во всех сколько-нибудь важных случаях разбираются по народным обычаям; в мелких же делах враждующие стороны обращаются к муллам для избежания медленности и затруднений в приискании посредников, по обоюдному согласию, тем более что не всякий охотно принимает на себя эту обязанность, могущую навлечь вражду со стороны, недовольной решением дела.

Суд посредников определяет пени не произвольно, а по установленным правилам, в которых на каждый случай определена особая пеня. Собрание всех народных постановлений, пере-

даваемых от одного поколения другому изустно, по неимению письменности на черкесском языке, называется *адатом*.

Адат не остается неподвижным. По естественному ходу вещей, с постепенным, хотя и медленным, развитием народа являются у него новые потребности и новые интересы, которыми усложняются взаимные отношения между людьми. Суд посредников, не находя в адате установлений на новые случаи, должен произносить решения еще небывалые, хотя и применяющиеся к общему духу адата. Для решения подобного рода обыкновенно приглашаются люди, сведущие в народных обычаях, и старики, которые могли сохранить в своей памяти какие-нибудь случаи, похожие на разбираемый. Постановленное таким образом решение называется *маслагатом*. Маслагат, повторенный потом в других подобных же случаях, присоединяется к общей массе народных обычаев и окончательно обращается в адат.

Взаимные отношения родовых союзов показывают, что они основаны на началах политических, а не гражданских. Право употребления оружия и мести есть право войны, предоставленное у черкесов каждому свободному человеку; суд посредников не есть в собственном смысле тот суд, которого решения в обществах, имеющих гражданское благоустройство, опираются на власть исполнительную и бывают обязательны, а есть только мировое соглашение, поддерживаемое страхом оружия. В делах мести не ищут непременно убийцу или нарушителя чести, спокойствия или прав собственности, а обращают оружие на того, кто первый попадется под руку из родственников, однофамильцев или даже рабов зачинщика; в мировых соглашениях не домогаются наказания последнего, а только требуют, чтобы семейство или тот родовой союз, к которому он принадлежит, удовлетворили честь обиженной стороны уплатой пени. В коренных народных понятиях черкесов не только нет того разделения преступлений, которое известно у нас под названием уголовных и гражданских, но даже и большая часть тех действий, которые называем мы преступлениями, принадлежит к праву войны. Под названием преступления мы понимаем совершение воспрещенных законом действий, за которые виновный подвергается ответственности перед общественными властями или по крайней мере перед общественным мнением. Рассматривая в этом смысле действия, которые, по понятиям черкесов, называются преступлениями и проступками, мы находим, что к ним принадлежат:

1. Измена народу.
2. Отцеубийство.
3. Кровосмешение.
4. Нарушение супружеской верности женщинами.
5. Поступки трусости.
6. Нарушение гостеприимства.
7. Воровство у своей семьи и у ближних соседей[4].
8. Восстание раба против своего господина, неповиновение и бегство его.

Все прочие действия, относящиеся до нарушения чести, личной неприкосновенности, безопасности и свободы каждого, прав собственности и общественного спокойствия, не подходят у них под понятие о преступлениях, а принадлежат к праву сильного и встречают препятствие только в силе оружия противника. Человек, причинивший другому какой-либо вред, может подвергнуться возмездию или должен примириться, но у него нет судьи, перед которым он был бы обязан стать в положение ответчика, и он вправе, не подвергаясь обвинению в незаконности, поддерживать свое насилие оружием. Власть охранительная и власть правосудия заменяется у них страхом оружия, возмездием и мирным соглашением, а адат ближе подходит к разряду международных прав, чем гражданских законов.

---

[4] По нашим законам воровство разделяется на два разряда: воровство-кража и воровство-мошенничество; у кавказских же горцев есть еще третий вид этого действия: воровство-удальство, предпринимаемое с опасностью для жизни, с отвагой и ловкостью; оно, по их понятиям, не составляет преступления, а принадлежит к военным подвигам.

В делах общественных, относящихся до нескольких фамилий или до целых племен, созываются *народные собрания*. Если бы каждая фамилия жила нераздельно на особом участке земли, то, без сомнения, народные собрания составлялись бы из депутатов от фамилий; но все фамилии живут так разбросанно по разным местам, частью значительно удаленным одно от другого, что удобнее и скорее собирать депутатов и передавать решения народных собраний по местному разделению края. В этой горной стране народонаселение расположено по долинам, разделенным между собой отраслями Кавказского хребта. Ни одна фамилия не живет вместе в одной долине, так же как в каждой долине живут семейства разных фамилий, или родовых союзов. Жители одной долины, разбираясь в своих *внутренних* делах по условиям родовых союзов, имеют общий местный интерес по *внешним* делам: так, например, они должны принимать общие меры предосторожности против воровства на пастбищах скота, против набегов хищнических партий других племен, против наших наступательных действий и т. п. Во всех этих и подобных случаях опасность угрожает жителям всей долины, а не той или другой фамилии, и занятие каких-нибудь мест постоянными караулами, укрепление какой-нибудь теснины завалами и другие местные предосторожности одинаково приносят пользу всем жителям. Народные собрания созываются преимущественно для общественных дел, в которых местные интересы имеют преимущество перед фамильными, а потому и депутаты посылаются от долин, а не от фамилий.

Народные собрания имеют характер сходбищ совещательных и не облечены никакой властью; но если меры, предложенные в совещаниях, соответствуют желанию значительного большинства народа или, по крайней мере, сильной, деятельной и беспокойной партии, преимущественно религиозной, то могут сделаться обязательными и для всего народа. Иногда народные собрания судят изменников и нарушителей общественного спокойствия. Сходбища эти не имеют ни постоянного места, ни определенного времени; для созвания их нет никаких общественных властей; они собираются по общему голосу народа, который, по большому практическому навыку в политике своего края, сам чувствует, в какое время настает надобность в общих совещаниях. Для выбора депутатов не существует никаких определенных правил и формальностей; обыкновенно посылаются в собрания старики из каждой долины, давно известные народу и внушившие к себе полное его доверие.

На изложенных выше началах общество существует без всяких общественных властей. В цепи союзов, составляющих общий родовой союз, который в свою очередь разветвляется до отдельных свободных семейств, нет других признанных властей, кроме отца и мужа в семействе и власти господина над рабом. Люди, которых мы привыкли называть старшинами, пользуются только уважением народа по прежним заслугам, по благоразумным советам и по дознанной на опыте верности их, но им не присвоено никакой власти. Возможность продолжительного существования такого общества объясняется тем, что простота образа жизни народа, ограниченность нужд его, малосложность взаимных отношений жителей и большой простор в землях, которых соразмерность с народонаселением искони поддерживалась торговлей людьми, отвращают столкновение частных интересов. Единство происхождения, языка, веры, нравов и обычаев связывает этот народ в одно целое, а общая опасность извне, от нашего оружия, установившееся временем равновесие родовых союзов, взаимный страх оружия, опасение подвергнуться платежу больших пеней и наконец привычка к этому порядку вещей отвращают внутренние раздоры. Уважение к старикам, перед которыми молодые люди не садятся и с которыми без их вопроса не начинают разговора, обычаи гостеприимства и условные формы вежливости, смягчая их нравы, много способствуют к сохранению у них общественного спокойствия.

Однако в последнее пятнадцатилетие начал готовиться у черкесов коренной переворот в общественном устройстве, который не состоялся только вследствие важных событий, окончившихся покорением русской державе всего Восточного Кавказа и большей части независимых

племен в западной его части. Но прежде чем приступим к описанию внутренних потрясений в Черкесском обществе, считаем нелишним дать краткое понятие о религии, промышленности, торговле и образованности горцев, чтобы можно было судить, на какой высоте нравственного и материального развития стоит Черкесское общество, а также рассмотрим Абхазское общество, которое объяснит нам политическое состояние черкесских племен до переворота, лишившего князей и дворян прежних прав их.

II

Черкесы и убыхи считаются мусульманами, но настоящие мусульмане составляют незначительную часть народонаселения – это преимущественно люди, находящиеся в сношениях с турками по торговым делам и семейным связям; в большей же части народа, особенно в низших сословиях, религиозные верования состоят из смеси остатков христианства и язычества с малым прибавлением исламизма. От христианства осталось у них поклонение крестам, чествование некоторых праздников, совпадающих с христианскими по времени и напоминающих их по способу празднования, и наконец обряды, совершенно сходные с обрядами святого причастия, в которых деревянная чаша, имеющая одинаковую форму с потиром церковной утвари, наполненная бузой (крепкий напиток) вместо вина, с кусками гомии (род пшена, который в виде каши употребляется горцами вместо хлеба), обходит всех присутствующих у подножия креста, и все из нее вкушают. От язычества осталось у черкесов поклонение священным рощам, жертвоприношения и разные языческие празднества. Мы не будем их описывать, предоставляя читателям ознакомиться с этим любопытным предметом из приготовляемого к печати труда г-на Люлье, и обратимся к торговле.

Жители северо-восточного берега Черного моря вели с доисторических времен обширную торговлю людьми. Греческие колонии, покрывавшие этот берег, обязаны были этой торговле цветущим своим состоянием. Купленных там невольников они отправляли в большие города и крепости, где часть употребляли на публичные работы и часть продавали для домашней прислуги. После падения Греческой империи и утверждения на берегах Черного моря владычества мусульман, а особенно когда турки овладели Гурией, Мингрелией и Абхазией и потом основали на северной оконечности северо-восточного берега крепости Анапа и Сухум, торговля значительно усилилась; гаремы наполнялись черкешенками, преувеличенная слава о красоте их далеко разносилась на Восток и поддерживала сбыт живого товара. Вывоз женщин в Турцию производился в таком большом числе, что черкешенкам приписывают улучшение турецкой породы.

При такой давней и обширной торговле людьми, не только не могла развиться в народе никакая промышленность, но даже само общество не могло выйти из первобытного полудикого состояния. Легко удовлетворяя нуждам человека, торговля эта не требует никакого труда; порождает праздность, тунеядство и дух хищничества; нарушает внутреннее спокойствие общества, поощряя к междоусобиям и набегам для приобретения пленных; ослабляет священное родительское чувство, приучая смотреть на детей, как на товар, и наконец оскорбляет человеческое достоинство. При таком положении общества не может быть в нем никаких успехов в гражданском быте народа; мужчины должны быть вечно вооружены и настороже, а на долю женщин падает тяжелый труд.

После присоединения Анапы к Российской империи правительство тотчас же приняло, посредством крейсерства, меры к прекращению торговли невольниками; но так как эти меры оказались недостаточными, то постепенно занят был весь берег рядом укреплений, между которыми открылась вторая линия крейсерства, ближайшая к берегу, из гребной флотилии азовских казачьих баркасов. Мало-помалу торговля невольниками была прекращена, и жители по необходимости должны были обратиться к труду и промышленности; но невозделанный край, которого богатства еще не раскрыты, представлял мало к тому способов. Гарнизоны укреплений покупали у местных жителей скот, домашнюю птицу, масло, яйца и молоко, а вольнопромышленники – кожи, мед, воск, пиявки, дерево букс, похожее в выделке на пальму, в небольшом количестве гомию (род пшена) и кукурузу. По малому количеству лугов, прибрежные жители не имеют обширного скотоводства; скот их мелок и не отличается хорошими качествами; на северной же покатости обширные равнины доставляют жителям возможность

держать большие табуны лошадей и значительное количество рогатого скота и овец. Лошади горских пород, употребляемые только для верховой езды, замечательны по крепости и способности переносить большие труды в горах, но не отличаются красотой. Главное богатство края составляет строевой лес, растущий в горных местах, но горцы никогда не занимались лесной промышленностью в размере, соответствующем обилию материала. Ближайшие к нашим поселениям жители привозят к нам на продажу дровяной лес и в небольшом количестве строевой; но последний, добываемый не в горной полосе, а в тех лесных участках, из которых вывоз не требует большого труда, принадлежит не к лучшим породам, мелок и крив. По непривычке к труду, горцы не пользуются хорошим строевым лесом даже и для собственных надобностей, предпочитая прочим деревянным постройкам, требующим затруднительного вывоза леса из гор, легкую постройку плетенных из хвороста и обмазанных глиной саклей, состоящих из двух небольших комнат, мужской и женской половины.

Из внутренней промышленности горцев, для собственного их потребления, замечательнейшие предметы: оружие, с обделкой его серебряной оправой с чернью, женской работы серебряные позументы для поясов и для обшивки праздничной одежды мужчин и пр. Женщины также ткут грубые сукна для мужской одежды и шерстяные материи для себя. Кроме оружейников, горцы не имеют у себя других ремесленников.

До занятия северо-восточного берега Черного моря русскими укреплениями жители не имели никакого понятия о монетах и вели только меновую торговлю. Во внутренних торговых сделках ценность вещей определялась у них людьми различных возрастов, скотом и числом штук материи. Предметы эти заменяли у них монету, означая различные ценности; так, например, человек равнялся, смотря по возрасту, известному числу рогатого скота, лошадей и овец; рогатый скот приравнивался к известному числу штук материи, не разбирая какой именно; штука скота представляла собой как бы основную мысленную монету, подобно фунту стерлингов в Англии. В этой грубой монетной системе курс никогда не менялся; сравнительная ценность предметов, заменявших монету, оставалась постоянно одинаковой. Впоследствии торговля с русскими промышленниками в укреплениях ввела у горцев в обращение нашу монету, и серебряный рубль, известный у горцев под названием «монет», сделался основной единицей для определения ценности предметов.

Из привозных предметов горцы более всего нуждаются в соли и в мануфактурных произведениях для одежды. Соль они добывают у себя только посредством выварки из морской воды, но, не умея очищать ее от посторонних составных частей морского раствора, получают всегда горькую. Что же касается предметов одежды, то хотя женщины и удовлетворяют эту потребность своими работами, но в недостаточном количестве и дурного качества. Из привозных мануфактурных товаров наибольший сбыт имеют: американзон, кисея, сукна, шелковые и шерстяные материи для архалуков и частью для женских платьев, одеяла, ковры и кованые сундуки.

Торговое сословие в горах состоит из живущих там армян, которые не причисляются к народу, а считаются гостями, хотя большая часть из них составляет потомство людей, поселившихся в горах много поколений назад. В понятиях народа занятие торговлей считается презрительным.

По степени развития общественного их быта черкесы не могли еще попасть на путь умственного образования. Язык их, необработанный и не имеющий письменности, стоит на ряду варварских; все сношения и сделки между жителями производятся изустно, и никаких письменных актов у них не существует. Для внешних письменных сношений они употребляют язык турецкий, на котором говорят многие из прибрежных жителей, ведущих с турками торговые сношения. Муллы, кроме того, знают еще арабский язык, но он редко употребляется для письменных сношений. Изучение турецкого языка и догматов магометанской веры составляет

исключительный предмет образования того класса людей, который сколько-нибудь заботится о воспитании детей.

Впрочем, черкесы довольно развиты в умственном отношении, чему способствует политическое их устройство. В народе, не имеющем над собой никаких властей, каждый должен заботиться о себе и об общественной пользе, заводить связи и употреблять силу слова для ограждения своих интересов. Это общественное положение производит в народе навык к политике своего края, изощряет умственные способности, развивает предусмотрительность и приучает к ораторскому искусству, особенно необходимому в народных собраниях. И действительно, между черкесами есть много людей, говорящих с необыкновенным искусством длинные речи, замечательные по составу, логическому порядку выводов и силе убеждений.

Теперешнее разделение черкесских племен, живущих на северо-восточном берегу Черного моря, на сословия, показывает, что нынешнее общественное их устройство произошло вследствие развития демократических начал, взявших верх над аристократическим элементом, некогда господствовавшим в крае. По неимению у черкесов никаких письменных памятников и по запутанности и сбивчивости изустных преданий трудно с какой-либо достоверностью определить время этого общественного переворота, но, по некоторым сведениям, можно полагать, что он произошел, как выше сказано, около половины прошлого столетия. Каким образом были устроены черкесские племена до этой революции, можно судить по общественному устройству абхазских племен, которые, сохранив в полной силе аристократический элемент, составляют общества, устроенные во всех прочих отношениях совершенно на тех же началах, как и черкесские.

В абхазском племени есть две различные системы политического устройства: 1) абхазское владение составляет смесь феодальной системы с удельной; 2) прочие общества абхазского племени, независимые от владетеля Абхазии, составляют средину между устройством владетеля абхазского и черкесских обществ.

Обратимся сначала к последним.

В абхазских племенах, независимых от владетеля Абхазии, существуют те же родовые союзы и на тех же основаниях, как и в черкесских племенах, но с той значительной разницей, что союзы эти состоят только из двух свободных сословий: князей и самостоятельных дворян; среднего сословия, многочисленного и сильного, подобного черкесским тфокотлям, у них нет; прочие же сословия, и в том числе несамостоятельные дворяне, зависимые от князей, не пользуются политическими правами. Адат дает князьям такое высокое значение, что не только признает их неприкосновенными для людей низших сословий, но даже не определяет и пени за их кровь, как бы не допуская и мысли о возможности посягательства на их жизнь. В случае убийства князя человеком низшего сословия, хотя бы он был убит и нечаянно, от неосторожного случая или при сопротивлении князю совершить какое-либо преступление, адат осуждает на истребление весь род убийцы. Конечно, это жестокое установление теперь уже не исполняется, но оно существует как право князей, которого у них никто не оспаривает. Подвластные обязаны защищать своего князя, выходить по его требованию с оружием, наносить вред его врагам и мстить за него. В свою очередь князь обязан им покровительствовать, защищать их от обид, насилия и от нарушения прав их собственности, за которые требует удовлетворения от других фамилий или родовых союзов, но и сам обязан ответствовать перед последними за проступки своих подвластных и уплачивать за них пени. В раздорах и тяжбах между своими подвластными он есть натуральный посредник, разбирает дело вместе с другими посредниками, избранными от тяжущихся сторон и получает в свою пользу особую пеню, независимо от пени, присуждаемой обиженной стороне. Подвластные обязаны ему разного рода повинностями. Несамостоятельные дворяне имеют право, хотя и оспариваемое в некоторых племенах, свободного перехода от одного князя к другому, но они непременно должны состоять под властью какого-либо князя, чего требует и собственная их безопасность. Самостоятельные дво-

ряне, уступая князьям в некоторых личных преимуществах, пользуются политическими правами наравне с ними.

Во владении Абхазском, кроме того же порядка, который существует и в других абхазских племенах, аристократия имеет главу в лице наследственного владетеля из фамилии князей Шервашидзе. Права владетеля сходны с теми, которые имели в Европе в Средние века феодальные властители. Отношения его к князьям суть только личные, без права вмешательства во внутреннее их управление. На обязанности владетеля лежит попечение о безопасности всего края от внешнего неприятеля, о внутреннем его спокойствии и принятии необходимых к тому мер. Во внутренних раздорах он есть натуральный посредник; по требованию его враждующие стороны должны прекратить раздор, избрать своих посредников и идти к нему с ними на разбирательство. Князья обязаны выставлять по требованию владетеля в определенном числе и на назначенном месте милицию с обеспеченным продовольствием; во время поездок его по краю продовольствовать его со свитой и с телохранителями его, составляющими особое сословие в народе; не щадя своей жизни и своего достояния, защищать владетеля, мстить за него и выручать его из плена, если б он впал во власть неприятеля. Владетельный дом имеет свои родовые владения, которыми управляет наравне с прочими князьями. До сих пор права и обязанности владетеля ничем не отличаются от тех, которыми пользовались феодальные властители Средних веков в Европе, но вот и особенность: владетельный дом, со всеми побочными линиями своей фамилии, составляет общий родовой союз, имеющий те же права и обязанности относительно других княжеских фамилий, какие они имеют между собой. К этому общему очерку политического устройства Абхазии остается еще прибавить, что две боковые линии владетельной фамилии передают наследственно в виде уделов управляемые ими округа Абхазский и Абживский.

Мы не можем положительно сказать, которая из двух форм политического устройства абхазских племен составляет первоначальную, то есть мелкие ли абхазские племена отторглись от зависимости владетелей, некогда, может быть, общей во всем абхазском народе, или устройство владетеля абхазского есть развитие Абхазского общества; образовалось ли оно в последнем случае самобытно или произошло от присвоения наследственной власти одним из правителей народа, поставленным грузинскими царями. Самое древнее сказание о князьях Шервашидзе относится к исходу XII столетия, в котором между именами эриставов (старшин или правителей народа) царицы Тамары встречается имя Дотаго Шервашидзе. Сами князья Шервашидзе считают свою фамилию вышедшей из Ширвана. Однако нельзя, основываясь даже на этом свидетельстве, утверждать, что в абхазском народе не было и прежде того же феодального устройства под управлением владетелей из другой фамилии.

Мы выше видели, что развитие Черкесского общества пошло в противоположную сторону в сравнении с Абхазским. Малочисленность княжеских и дворянских фамилий, особенно первых, и могущество сословия тфокотлей было тому причиной. Революция, произведенная последними, уравняла их с князьями и дворянами, дала им политические права и поставила в народе вместо двух сословий три, как господствующие. Но в этом еще не заключается вся разница между нынешними черкесскими и мелкими абхазскими обществами. После освобождения от власти князей и дворян тфокотли, продолжая более и более уравнивать свои права с княжескими и дворянскими, не присваивали себе прежних их преимуществ, а, напротив, уравнивали оба сословия с собой. Так они уничтожили различие в уплате пени за кровь, положив ту же плату за княжескую и дворянскую кровь, какая полагается адатом за кровь тфокотлей; и хотя понятие о личной неприкосновенности князей еще живет в народе, однако адат уже не признает его.

III

В продолжение нынешнего столетия три элемента в Черкесском обществе, населяющем северо-восточный берег Черного моря: аристократия, среднее сословие и духовенство – усиливались произвести в нем переворот.

Партия аристократическая, слабая и отжившая у черкесов (исключая кабардинцев, у которых она еще в полной силе) свое значение, не оставляет своего желания и надежды восстановить утраченные свои права. Несколько раз она обращалась к нам с просьбой помочь ей, обещая признать над собой власть русского правительства, но двусмысленное ее поведение, шаткость ее правил и трудность самого дела не дозволяли нам принять участие в ее замыслах. Уличенная средним сословием в тайных переговорах с нами, партия эта один раз была призвана на суд народного собрания и обложена большими пенями и после того уже не отваживалась составлять общие заговоры.

Среднее сословие, продолжая уничтожать остатки прав князей и дворян и видя опасность, угрожающую народной независимости от успехов нашего оружия, замышляло соединить все племена в одно благоустроенное политическое тело.

Мюридизм, проникнув к черкесам северо-восточного берега Черного моря, стремился, до самого падения своего, к утверждению у них владычества шариата и к устройству общества наподобие того, которое устроил Шамиль в Дагестане. Но, по несходству своему с адатом, шариат не мог одновременно с ним существовать в полной своей силе; черкесы же, как выше сказано, прибегали к шариатскому суду только в маловажных случаях, предпочитая ему свои народные установления, то есть адат.

В половине тридцатых годов нынешнего столетия черкесские племена, устрашенные перенесением нашей военной передовой Линии с Кубани на Лабу и устройством другой военной Линии по Кавказскому берегу Черного моря, заключили между собой тесный союз, в условиях которого было постановлено: прекратить все междоусобные распри, не входить с нами ни в какие сношения, ни в торговые, ни в какие-либо другие, и не вести ни одному обществу отдельных с нами переговоров без согласия всех племен. Однако союз этот, опиравшийся только на общественное мнение и не имевший никаких твердых оснований в народных учреждениях, недолго оставался ненарушимым. Ближайшие к нашим укреплениям и станицам жители вошли с нами в сношения и мало-помалу начали вести в занятых нами местах торговлю, которая скоро их обогатила. Пример этот невольно увлек других, и, наконец, в народе образовалась партия, желавшая сближения с нами. Все подтверждения народных собраний о соблюдении в точности условий общего союза племен оставались недействительными, несмотря на то что значительное большинство народа было против нас.

Народные собрания, как сходбища совещательные, не располагали никакими средствами для понуждения многочисленных приверженцев торговых сношений с нами к выполнению своих постановлений. Как скоро собрания эти расходились, то, по неимению в народе никакой исполнительной власти, ни на ком не лежала обязанность и никто не был вправе наблюдать за исполнением мнения, одобренного большинством народного собрания. В подобных случаях только употребление силы с единодушием и настойчивости со стороны той партии, которой мнение было господствующим в народном собрании, могло бы заставить уважать требование большинства. Однако враждебная нам партия, рассеянная по всему краю, не могла принудить партию наших приверженцев, хотя и значительно слабейшую, но соединенную вместе на пространстве, ближайшем к нашим поселениям, к выполнению своего требования; для того надобно было бы постоянно содержать у них вооруженную силу, достаточную для удержания их в повиновении. В народе, не организованном в одно целое, такое постоянное напряжете сил, требующее устройства и порядка, было невозможно. Высылая иногда вооруженные партии в

окрестности наших поселений, противники наши временно успевали прекращать торговлю с нами ближайших к нам жителей, но, истощив свое продовольствие и соскучившись, партии расходились, и тогда все опять входило в прежний порядок.

Это бессилие большинства показывало, что одного политического союза племен было недостаточно для единодушного действия всего народа и что необходимо было для достижения этой цели дать народу другое устройство, которое связало бы раздробленное общество в одно целое. Кроме того, в народном устройстве черкесов есть еще один коренной недостаток – это двойственность разделения его на родовые союзы и на местные общины. Хотя от этих двух различных организаций народа, ничем между собой не связанных, не происходило еще никаких невыгод, но позднейшее образование местных общин показывало уже устарелость формы прежнего общественного устройства, основанного на родовых союзах, и необходимость введения нового порядка, сообразного с обстоятельствами времени. Решение этой задачи было потребностью времени, и, прежде всего, предложил свои услуги народу некто Бесней-Абат, родом шапсуг, имевший случай расширить круг своих понятий в поездках своих в Турцию и Египет. Мысль Беснея-Абата, которую мы изложим ниже, не была принята, и скоро сам он подвергся преследованию народа, вышел к нам и умер в одной из казачьих станиц. После него явились с новой системой организации народа проповедники мюридизма.

Религиозная сторона учения мюридизма состояла в обновлении мусульманства посредством строгого следования уставам его и в восстановлении деятельной войны против неверных; но, возбуждая фанатизм, проповедники этого учения употребляли его только как орудие для властолюбивых своих видов. В мюридизме заключалась целая политическая система, которая выдавалась за средство к очищению и утверждению религии, а на самом деле составляла настоящую цель преобразователей. Основания этой системы состояли в том, чтобы: вверить неограниченную власть над народом духовному лицу; ввести в народ правильную администрацию разделением края на округа и учреждением в каждом округе управления из кади и мулл; опереть все власти на верную, избранную стражу из таких людей, которые, не имея ни достатка, ни правил, находили бы для себя полезным быть соучастниками тайных замыслов преобразователей; установить шариат единственным законом, стараться всеми мерами искоренить адат и все его учреждения, на которых основано общество; уравнять права всех народных сословий; уничтожить значение каждого частного лица, заимствованное от настоящего порядка вещей; разъединить таким образом народ и, составив из него толпу без связи, руководителей, силы и общественного духа, довести его до того, чтоб у него осталась только одна возможная и необходимая власть – духовная. Средствами к достижению этой цели являлись, кроме избранной стражи, носившей у черкесов название *мутазагов*, возбуждение религиозного фанатизма и основание духовных училищ для воспитания будущего поколения в правилах веры и нового порядка вещей. Таким образом, политическая система мюридизма состояла собственно в деспотизме духовного правителя и в развитии демократических начал в народе до уравнения прав всех сословий.

Первый появившийся у черкесов в 1842 году проповедник мюридизма, Хаджи-Магомет, имел большой успех, но когда он коснулся вопроса об освобождении подвластных и рабов, то встретил сильное сопротивление не только в князьях и дворянах, но и в тфокотлях, также владеющих крестьянами. В конце 1844 года Хаджи-Магомет умер, и тогда Шамиль прислал вместо него Сулеймана-эфенди. Этот ученый мулла принят был черкесами уже не с такой доверенностью, как его предшественник. Прожив два года в их крае и не успев подчинить себе народ, Сулейман-эфенди возвратился к Шамилю и в скором времени, поссорившись со своим повелителем, вышел к нам и начал писать воззвания против его власти, учения и системы управления.

После двух опытов применения политической системы мюридизма к преобразованию народных установлений черкесы, вообще не имеющие религиозного фанатизма, охладели к

этому учению. Не оставляя, однако, намерения ввести у себя твердое и связное общественное устройство, они обратились к мысли Беснея-Абата, уже достаточно созревшей в народе. В 1847 году, по его предположениям, черкесские племена, живущие на северной стороне Кавказского хребта, согласились между собой предоставить народному собранию власть над народом и ввести у себя то, чего у них недостает для установления единства и порядка, а именно: учредить администрацию и земскую полицию. Для выполнения этого намерения они положили принять следующие меры:

1. Признать постановления народного собрания обязательными для всех обществ и принуждать силой к повиновению те из них, которые будут уклоняться от исполнения его повелений.

2. Для доставления народному собранию материальных средств к тому, чтобы постановления его уважались, образовать и отдать в его распоряжение постоянное ополчение на содержании народа.

3. Разделить народ на общины, каждую по 100 дворов, и поручить управление общинами избранным ими старшинам, которых обязать присягой исполнять распоряжения народного собрания и представлять ослушников и преступников на его суд. Для поддержания власти старшин назначить в распоряжение их некоторое число мутазагов.

Честь этих разумных постановлений принадлежит тфокотлям. В 1848 году они начали уже приводиться в исполнение. Постоянное ополчение набиралось и располагалось отрядами на избранных местах. Жителей, ближайших к нашим укреплениям, Анапе и Новороссийску, и жителей прибрежной полосы, которые не соглашались ввести у себя новый порядок, принудили к тому силой.

Между тем в народном собрании происходили горячие споры о важном вопросе: в какое положение должен поставить себя народ в отношении к нам. Первая мысль собрания, как и первоначальная цель преобразования, была относительно нас враждебна. Противники наши предложили употребить все усилия, чтобы вытеснить нас с берега моря и из всего Закубанского края. Однако люди умеренные взяли в этих спорах верх. Они убеждали собрание не начинать бесполезного кровопролития и предлагали ограничиться охранением народной независимости, не предпринимая на наши укрепления и станицы нападений, не обещающих никакого успеха. Они говорили, что мы по необходимости действовали против них враждебно, чтоб унять их хищничества и набеги, но что мы оставим их в покое и не будем домогаться покорения их, если они введут у себя строгий порядок. В этих видах они предлагали заключить с нами мирные условия: определить взаимную границу, отделив для укреплений и станиц, находящихся в их крае, достаточное количество пахотных полей, лугов и лесов; разрешить народу свободную торговлю и сношения с нами и строго воспретить самовольный набор партии хищников[5] для набегов в наши пределы. Они желали, чтобы право употребления против нас ору-

[5] Партии хищников собирались у черкесов из охотников по вызову людей, получивших военную славу прежними подвигами удальства и верными военными соображениями. Вызывающий приводил к присяге являвшихся к нему охотников в том, что они будут ему повиноваться, и принимал на себя предводительство партией. Эти набеги были не что иное, как частные предприятия для добычи, не воспрещаемые народными постановлениями, однако и не служившие выражением политического действия всего народа; каждый человек, имеющий право употребления оружия внутри края по своему произволу, тем более имел право обратить его против неприятеля. Только большие народные предприятия, решаемые в народных собраниях, как, например, нападения на наши укрепления и станицы, составляли в собственном смысле проявления общей народной воли и действия политического права войны. В нападениях древних германских народов на провинции Западной Римской империи можно также отличить произвольные действия партии охотников от больших народных предприятий. Когда варвары, почувствовав свою силу, начали, вместо набегов мелкими партиями для добычи, предпринимать большие вторжения многочисленными массами для завоеваний, то они должны были для успеха улучшить свою военную организацию учреждением иерархии властей и предоставить предводителям более обширные права, которые, обратясь в наследственные, дали начало феодальному государственному устройству. Прежнее феодальное устройство черкесских племен и нынешнее абхазское устройство служат признаком завоевательного утверждения их в занимаемом ими крае. Исторические события потом поставили эти племена в такое положение, что у одной части абхазского народа феодальные учреждения развились вполне, у другой части не дозрели или пришли в упадок, а у черкесских племен совершенно рушились.

жия было предоставлено только народному собранию, как правительству, при объявлении нам войны и чтобы за каждый самовольный выстрел налагались на виновных тяжкие пени, исключая те случаи, когда мы сами вынудим жителей взяться за оружие для собственной их обороны. Наблюдение за исполнением этого постановления и ответственность они полагали возложить на старшин.

Предположениям этим, однако, не суждено было осуществиться. Народ, привыкший к необузданной свободе и к хищничеству, не стерпел, с самого начала, повелительного тона мутазагов, которые присылались с приказаниями от народного собрания; скоро произошли между ними и народом драки, оканчивавшиеся по большей части не в пользу мутазагов, и после нескольких такого рода столкновений все нововведения окончательно рушились.

Около того же времени прибыл к абадзехам от Шамиля Магомет-Амин. Медленно и с величайшим терпением распространял он свою власть в народе, не падая духом ни от каких неудач. Когда он наконец утвердился в земле абадзехов и ввел у них управление, основанное на политической системе мюридизма, он начал подчинять себе другие племена отчасти убеждением и отчасти силой. Подробное описание действий Магомет-Амина не относится к предмету этой статьи, которая имеет цель только рассмотреть основания народного устройства черкесов и элементы, приготовлявшие в нем внутренний переворот. Довольно сказать, что с 1848 года до начала Восточной войны, то есть в продолжение пяти лет, Магомет-Амин два раза с быстротой подчинял себе все черкесские племена, населяющие северо-восточный берег Черного моря, и столь же скоро терял свою власть. Когда же началась Восточная война, то Магомет-Амин встретил на своем поприще сильного противника в лице Сефер-бея.

Сефер-бей происходит от княжеской фамилии Зан, которая прежде властвовала над целым племенем черкесского происхождения, *хеаки*, жившим в окрестностях Анапы. Племя это ныне рассеялось, и слабые остатки его находятся в разных местах земли натухайцев и шапсугов. Фамилия Зан потеряла свою власть при общем политическом перевороте, совершившемся у черкесов около половины прошлого столетия, но она еще пользуется большим уважением в народе. При взятии нами Анапы в 1807 году Сефер-бей, в то время еще несовершеннолетний, был отдан нам окрестными жителями в виде заложника и отправлен в Одессу для воспитания в Ришельевском лицее, но оставался там недолго и мало чему выучился. После того он определен был юнкером в полк, находившийся в Анапе, где жил в доме полкового командира Рудзевича, впоследствии бывшего корпусным командиром. Незадолго перед возвращением этой крепости Турции Сефер-бей бежал в горы и потом поступил в турецкую службу. В 1828 году, во время осады князем Меншиковым Анапы, Сефер-бей был уже в чине полковника и состоял при анапском паше в качестве его помощника; по взятии же этой крепости был отправлен военнопленным в Одессу, где оставался до заключения мира, а потом дозволено было ему возвратиться на родину. Поселясь между натухайцами, он стал в голове черкесского восстания против нас и в 1830 году отправился на контрабандном судне в Константинополь с депутацией от народа просить султана о присылке к ним войск для овладения Анапой и освобождения их края от нашего владычества. Открыто отвергнутый, но тайно обласканный Портой, он остался в Турции; несколько времени жил в Анатолии; посылал оттуда черкесам порох и оружие и волновал народ обещаниями скорой помощи от Турции. Наконец, по настоянию нашей миссии в Константинополе Сефер-бей был отправлен в Адрианополь с воспрещением выезда и жил там до последней войны под надзором Порты, получая от нее достаточное содержание и не переставая время от времени посылать своим единоплеменникам письма, которыми в продолжение 22 лет поддерживал в них дух вражды против России и надежду на помощь Турции. В последнюю войну он прибыл сначала в Сухум, со званием паши, но без всякой власти над небольшим десантным отрядом, который был там высажен; а потом спустя год, когда мы уже оставили Новороссийск и Анапу, переехал к натухайцам. Порта поручила ему набрать из горцев ополчение для усиления Батумского корпуса, но, несмотря на все

свои старания, он не успел склонить к тому горцев. Привыкнув в своей земле к непродолжительным военным действиям, в которых предоставляется произволу каждого оставаться в поле столько времени, сколько пожелает, и возвращаться домой, когда вздумается, горцы устрашались мысли оставить родину, отправиться в отдаленный край и попасть в полную зависимость от турецких начальников, которые могли продержать их у себя долгое время и даже записать их в регулярные войска. Эта неудача подала первый повод к столкновению между Сефер-беем и Магомет-Амином, хотя и без того, представляя собой два противоположных начала: один – аристократию, другой – религиозно-демократическое учение, – они не могли ужиться между собой в мире. Уверив Порту, что все черкесское народонаселение поднимется поголовно по одному его слову и последует за ним всюду, Сефер-бей чувствовал себя униженным, что обещания его не оправдались на деле, и старался отнести всю вину к Магомет-Амину, обвиняя его в том, что он ввел в заблуждение Порту ложными донесениями о введении у черкесов порядка и повиновения. Вынужденный оправдываться, Магомет-Амин ездил в Константинополь и был там обласкан Портой, но, воротясь без всякого полномочия, удалился на несколько времени от всяких дел; когда же Сефер-бей, пользуясь умышленным его бездействием, старался распространить свое влияние на все закубанские племена, то Магомет-Амин, снова призванный на политическое поприще, вступил с ним в открытую борьбу. С того времени черкесы разделились на два враждебных стана: натухайцы стали на стороне Сефер-бея, абадзехи поддерживали Магомет-Амина, шапсуги по большей части оставались нейтральными, принимая по временам сторону то одного, то другого. Несколько раз дела между обоими противниками доходили до схваток с оружием в руках, но по нерешительности их действия оставались без всяких последствий.

Сефер-бею не была предоставлена народом никакая власть; он пользовался только влиянием, основанным на закоренелой вражде его к России и на убеждении народа, что он имел большую силу у правительств турецкого и западных европейских держав. Однако одного личного значения, относящегося преимущественно к делам внешней политики, было для Сефер-бея недостаточно для того, чтоб обезопасить себя от такого могучего противника, каким был Магомет-Амин. Во внутренних делах ему необходимо было найти себе опору в народных партиях, противных мюридизму. Представитель аристократического сословия, он не мог, однако же, опереться на одну эту слабую партию. Главные причины медленного успеха мюридизма в Закубанском крае заключались в неукротимом характере жителей свободных сословий, не терпящих над собой никаких властей, и в твердом намерении их сохранить свою власть над низшими сословиями, а особенно над рабами. Общие интересы эти соединили среднее сословие с аристократическим, но у них недоставало предводителя, которым и явился Сефер-бей.

В противоположность этой бессвязной партии со случайным предводителем, не облеченным никакой властью, последователи мюридизма составляли общество, правильно организованное и управляемое иерархией властей, во главе которых стоял общий начальник со званием наиба, действовавший полновластно во имя религии.

Борьба Сефер-бея с Магомет-Амином была не что иное, как борьба адата с шариатом, из которых первый, оставаясь в прежних формах, не мог соединить общество в связное и сильное политическое тело, а последний, организованный мюридизмом, предлагал обществу такие начала, которые могли придать ему единство, порядок и твердость. Все выгоды были на стороне мюридизма, и хотя, по всей вероятности, долго еще усилия религиозной секты оставались бы безуспешными при столкновениях с духом личной независимости жителей и с родовыми их союзами; но, наконец, исход борьбы должен был обратиться на сторону единства и порядка, то есть мюридизма, если бы партия адата, в свою очередь, не устроилась. Это было весьма сомнительно. Но знаменитый в летописях Кавказа 1859 год разом окончил эту борьбу неожиданной развязкой: мюридизм пал, Магомет-Амин с абадзехами покорился России, натухайцы последовали их примеру; бжедухи и все мелкие племена, живущие между Белой и Лабой, покорились

еще прежде; Сефер-бей умер, и в покорившихся племенах окончательно восторжествовал адат, на основаниях которого и на избирательных началах частью ввелось и частью вводится русское управление. Остаются еще в неопределенном положении только шапсуги и убыхи, которые продолжают отстаивать свою независимость, но у них политические партии смолкли, и в народе, не имеющем предводителей, появилась страшная неурядица.

Русский вестник. М., 1860. Т. 2. Вып. 8. С. 517–550.

Дмитрий Анучин. Очерк горских народов Правого крыла Кавказской линии

Долгое время было неизвестно, кто написал «Очерк горских народов Правого крыла Кавказской линии», так как вместо подписи под материалом стояли инициалы А.-Д. Г.

И лишь спустя годы (из некролога, опубликованного в санкт-петербургской газете «Новое время» 20 января 1900 года) стало известно, что автором этого и целого ряда других материалов, опубликованных в «Военном сборнике» в конце 50-х – начале 60-х годов XIX века, является сенатор, генерал от инфантерии, военный писатель Дмитрий Гаврилович Анучин (1833–1900).

В журналах «Русский инвалид», «Современник», «Кавказец», «Современное слово», ведомственных изданиях были опубликованы его труды: «Перевозка войск по железным дорогам» (1858), «Участие Суворова в усмирении пугачевщины и поимка Пугачева» (1868), «Очерки экономического положения крестьян в губерниях Царства Польского» (1875), «В. А. Черкасский и гражданское управление в Болгарии» (1895) и др.

Самым известным среди них является «Поход в 1846 году в Дарго» (1859), освещающий одно из знаковых военных событий на Кавказе.

Д. Г. Анучин в течение всей жизни занимал высокие военно-административные должности, в том числе в Царстве Польском, в Европейской Турции; в 1877 году был произведен в генерал-лейтенанты, в 1879 году назначен генерал-губернатором Восточной Сибири.

Его имя носят залив и пролив на острове Сахалин.

Все прочие народы, населяющие описанный нами край, принадлежат к племени черкесскому и вообще называются русскими *закубанскими народами.* Сами же они разделяют себя на племена *адыге* и *абадзе*.

Все эти народы, без всякого сомнения, одного происхождения и принадлежат к древнейшим обитателям Кавказа. Исторических памятников они не имеют и до сих пор невозможно, вооружаясь неопровержимыми фактами, доказать их происхождение. Можно сказать, что они жили на Кавказе в самые отдаленные времена, занимая сперва ущелья гор, и только впоследствии расселились по скатам гор и равнинам.

Населяя бассейн Кубани, они, однако, были не единственными обитателями этой части Кавказа. Множество развалин древних храмов и поселений свидетельствует, что кроме черкесских племен там обитали народы образованные, которые вели большую торговлю и были богаты, как это видно по обширности развалин их жилищ. Между всеми горскими племенами сохранились предания о франках. Это имя они дают без различия всем вообще народам европейского происхождения, жившим прежде на Кавказе; однако же им известны также греки, венецианцы, или венеди, и генуэзцы, или джениди. Говоря о переходах через горы, мы имели случай заметить, что к нескольким из них ведут дороги: с одной стороны – от Пицунды и Сухум-Кале на берега Черного моря, а с другой – от Хумары на Кубань. Это, вероятно, была главная торговая дорога греков, венецианцев, генуэзцев, имевших свои колонии на восточном берегу Черного моря. Доказательством этому могут служить развалины древних колоний, встречаемые в этой части Кавказа, то есть в верховьях Лабы и Кубани, а также в окрестностях Сухум-Кале и Пицунды. Эти остатки колоний показываются горцами и были посещаемы

многими нашими офицерами. На основании слов одного из этих очевидцев упомянем и мы о нескольких, более замечательных.

На Кефаре (Кефар с рекой Бежгон впадает в Большой Зеленчук), в 12 верстах от укрепления Надежинского, у нынешнего аула Сидова, на мысу, образуемом крутыми берегами Кефара и впадающего в него ручья, находятся развалины большой колонии. Она сильно защищена природой, окружена рвами и обнесена была каменной стеной с одним входом. На развалинах каменных домов порос вековой лес, но некоторые стены домов ясно сохранили в себе амбразуры окон и дверей. Вне стены, окружавшей колонию, находится древнее кладбище с памятниками кубической формы; около входа в одну из таких гробниц стоит крест. В самой долине Кефара, внизу, под стенами этой колонии, видны развалины другой, меньшей, вероятно, выселившейся из верхней. Вообще в верховьях малодоступного для нас Кефара находится множество различных статуй и фигур, высеченных на камне, и есть также большое здание, стены которого, по словам туземцев, исписаны надписями и разрисованы изображениями рыцарей, зверей, птиц и рыб.

При слиянии Кефара и Бежгона, на месте нынешнего Надежинского укрепления, прежде тоже существовала колония, от которой остался весьма заметный доселе земляной вал, а при постройке в 1843 году укрепления найдены были в гробницах медные налокотники, серьги с драгоценными камнями и различные сосуды. Около этого же места найдены были четыре статуи. Две из них, сбитые с оснований и лишенные голов, представляют рыцарей в кирасах, вооруженных топором, кинжалом и крючком, повешенным сзади. На обоих боках привешены большая и маленькая сумы. Другие две статуи высечены барельефом на камне. Одна представляет рыцаря, а другая – священника с чашей в правой руке. Все эти статуи перенесены и укрепление Надежинское. Первые две особенно хорошей работы.

В двух с половиной верстах от Надежинского видны следы древнего укрепления с тройной обороной. Впереди укрепления находится большой резервуар, выложенный камнем. Быть может, как полагает офицер, осматривавший эти развалины, это бывший укрепленный лагерь Митридата, который, как известно, дойдя до Пицунды после поражения в Армении, перешел на северную сторону Кавказского хребта и, быть может, устроил этот лагерь. В таком случае сохранившийся доселе перекоп между Кефаром и Бежгоном можно принять за окоп римского полководца.

В вершинах Большого Зеленчука сохранились церковь и каменные строения. Ниже этих древностей, на Зеленчуке, там, где пересекает его дорога из Надежинского укрепления в Хумару, находится огромное кладбище, принадлежащее, по преданиям горцев, франкам.

На Малом Зеленчуке, между аулами Абатова и Трамова, видны развалины древней христианской церкви и кладбища. Против станицы Беломечетской сохранилась довольно хорошо древняя башня с трехъярусной обороной и навесными стрельницами. Башня окружена двойным валом.

Наконец, на левом берегу Кубани, против Хумары, на реке Шони, видна хорошо сохранившаяся христианская церковь с остатком других строений и цистерной. План и фасад этой церкви помещены в атласе, присоединенном к «Путешествию по Кавказу» Дюбуа де Монпере. О церкви на Хумаре существует между горцами следующее предание. Одна колония франков утвердилась в Большой Кабарде. Окрестные жители, не будучи в состоянии противиться хорошо вооруженным и искусным франкам, покорились им. Начальник колонии сделался самонадеяннее и потребовал себе жену одного из туземных князей, которую он видел и полюбил. Кабардинцы собрались на народное совещание и решили отдать княгиню в жены начальнику колонии, с тем чтобы он исполнил со своей стороны условие, которое от него потребуют после. Начальник франков согласился и в церкви на Хумаре дал торжественную клятву в том, что исполнит всякое требование кабардинцев. Тогда кабардинцы, отдав ему в жены княгиню, потребовали, чтобы он со всеми своими соплеменниками оставил их земли. Франки дей-

ствительно оставили Кабарду и, удалившись за Малку, основали город Борго-Санто, развалины которого и доныне видны в окрестностях казачьей станицы, названной по воспоминанию о бывшем здесь поселении европейцев Боргустанской. Древний Борго-Санто лежал на торговом пути через Хумару и горный перевал к Сухуму и Пицунде и, по преданиям, сохранившимся между горцами, был очень населен и вел значительную торговлю.

Верховья Лабы и Кубани известны нам более других нагорных частей Правого крыла Кавказской линии; но, судя по рассказам горцев, в горах вообще много развалин, могил и статуй. Говорят, что в верховьях реки Чхалты видны обширные развалины города, прежде там существовавшего.

Под влиянием этих когда-то живших на Кавказе народов, а также в период преобладания на Кавказе Грузинского царства кавказские горцы исповедовали христианскую веру. Несмотря на то что поселения древних просветителей Кавказа многие столетия лежат уже в развалинах и в истории не сохранилось никаких подробностей об их существовании в этой стране, различные обряды христианской религии до сей поры соблюдаются горскими племенами, живущими теперь на Кавказе. По этим обрядам можно с достоверностью сказать, что прежние христианские народы Кавказа, предки настоящих его жителей, значительно стояли выше своих потомков в общественном и нравственном развитии. Вследствие стечения каких обстоятельств кавказские горцы утратили прежнее свое значение и каким образом европейские переселенцы покинули там свои колонии, сказать невозможно, и навряд ли когда-нибудь возможно будет разъяснить прошлую историю кавказских народов.

Как доказательство прежнего существования христианства между кавказскими горцами приведем следующее.

Поклонение и уважение к изображению креста сохранилось почти без исключения между всеми племенами, особенно между жившими по восточному берегу Черного моря, где во многих местах народ, водрузив кресты, поклоняется им и приносит жертвы для испрошения верховной благодати. Кресты часто ставят над могилой; сверх того, желая предохранить от расхищения какую-либо собственность, по необходимости оставленную в поле или на дороге без надзора, горцы часто ставят крест около таковых вещей и этим вполне охраняют их во время своего отсутствия. Желая увериться в искренности перебежчиков с нашей стороны, горец чертит на земле изображение креста концом кинжала и заставляет перебежчика съесть ту землю, которая выцарапывается при делании кинжалом изображения креста.

Многие христианские праздники чествуются также и горцами. Так, например, день воскресный они называют Божьим днем и воздерживаются тогда от работ; среду называют Малым, а пятницу Большим постом. В течение Великого поста постятся, а в день Святой Пасхи, исчисляемый по луне, сходятся между собой, поздравляют друг друга и едят крашеные яйца. Праздник этот у них называется *Годыж*. Обыкновенно в этот день устраиваются состязания в прицельной стрельбе, для которой целью служит красное яйцо. Через сорок дней после Годыжа празднуют *Жегу*, убирая дома цветами и деревьями. Таким образом, хотя Жега приходится около христианского праздника Вознесения Господня, но она, скорее, напоминает празднование Святой Троицы, которую горцы почитают в искаженном виде. Они празднуют три божества: *Тхашхо* (в переводе *Бог великий*), Матерь его, *Марием-тха-пши* (Мария Бог-князь) и *Шергупз* (смысл этого слова утерян). Празднуется также около дня Святого Крещения *Кордесех*, во время которого жители берут воду и опрыскивают ею друг друга.

При отправлении праздников жители сходятся к ближайшему кресту и около него начинается богослужение. Обряды моления обыкновенно исполняет уважаемый в околотке старик. Он ставит перед крестом зажженные восковые свечи и, умыв себе лицо и руки, надевает бурку. К подножию креста складываются различные припасы, принесенные жителями для общей трапезы после богослужения. Отлив в деревянную чашу, имеющую вид поти́ра, употребляемого христианами для святого причастия, часть принесенного вина или бузы и положив туда куски

пшенной каши (*гумии*), старец громко читает молитвы, призывая в которых Тхашхо, Мариемтхапши и святых, просит их благословения на изобилие хлеба, плодов и стад, покровительства против заразы, неприятеля и всякого рода бедствий. По окончании молитв, во время чтения которых присутствующие стоят с открытыми головами, старец вкушает из чаши и передает ее одному из присутствующих, который, вкусив из нее, передает ее далее. Чаша переходит таким образом из рук в руки, до тех пор пока все не вкусят от вина и гумии, находящихся в ней. После этого начинается общая трапеза, а потом игры, стрельба в цель, джигитование и пр. На богослужениях обыкновенно бывают одни мужчины; только в праздник Годыжа дозволяется присутствовать при совершении молитв и женщинам.

Очевидно, что в прежние времена кавказские горцы были христианами или, по крайней мере, большая часть их исповедовала эту религию; вместе с тем, по всей вероятности, народы эти от соприкосновения с образованными переселенцами, жившими между ними, стояли на более высшей точке общественного развития, нежели теперь.

В настоящее время черкесские племена представляют самую низкую степень общественного развития. Они сохранили устройство первобытных человеческих обществ, распадаясь, как и первые, на отдельные семейства.

Между черкесами не все люди пользуются одинаковыми правами. Различные племена состоят из следующих сословий: *пши* – князь; *ворк* – дворянин; *тхвохотль* – свободный человек; *об* – не принадлежащий к семейству по происхождению, но принятый в него и покровительствуемый им; *пшитль* – подвластный хлебопашец и *ясырь* – раб.

В прежние времена значение пши и ворков было весьма велико: они решали все дела как по внутренним, так и по внешним сношениям горцев. Сделавшись распорядителями, так сказать, черкесских племен, князья и дворяне стали не только презирать низшие сословия, но и притеснять их. Много раз низшие сословия вступали в борьбу со свободными классами; но восстания эти всегда были подавляемы силой князей и дворян. Наконец, выведенные из всякого терпения народы из племени *абадзе* изгнали в конце прошлого столетия своих князей, а с ними и большую часть дворянства. Князья абадзе нашли себе верную помощь в князьях племен *адыге*, которым грозила та же участь от своих подвластных. Не довольствуясь взаимной помощью, союзники отправили посольство к императрице Екатерине II, прося помощи России. В посольстве этом были: хамышевский князь Батчерей и шапсугские дворяне: султан Али-Шеретлук и Девлет-Черей. Посольство отправилось в 1792 году. Девлет-Черей умер в Москве; Батчерей же и Али-Шеретлук были в Санкт-Петербурге, где им разрешили взять из Черномории одно орудие и сотню пеших казаков. Черноморское войско только что тогда устраивалось на Кубани и потому, к сожалению, не могло вмешаться во внутренние распри закубанцев, от набегов которых войско должно было защищать пределы России. Стало быть, еще в 1792 году возможно было для России получить сильное влияние на черкесские племена, и если бы тогда не было упущено благоприятное для того время, то, вероятно, давно бы уже черкесские племена Кавказа были нам покорны.

Возвратившись из Петербурга, князья увидели, что приходится действовать одним. В 1794 году произошло за Кубанью большое сражение между аристократической и демократической партиями закубанцев. Князья одержали верх; но несвободные классы абадзе объявили, что, несмотря на свое поражение, они не намерены вновь покориться князьям. Победа досталась князьям тоже дорогой ценой: в сражении было много убитых с их стороны; а потому они решились оставить свои прежние места жительства и удалились к племенам адыге. Али-Шеретлук вновь ездил в Россию и возвратился оттуда с позволением занять земли на правом берегу Кубани, в пределах Черноморского казачьего войска. Али-Шеретлук со своими приверженцами, пользуясь данным разрешением, основал в Черномории черкесский аул, нынешнюю станицу Гривенскую. Так положено было начало мирным черкесам. После этого и у племен адыге князья и дворянство потеряли большую часть своего значения, и ныне все три класса свобод-

ных людей пользуются почти одинаковыми правами, хотя некоторые князья все еще имеют сильное влияние на общественные дела своих соплеменников.

Мы уже сказали выше, что черкесские племена в общественном устройстве не пошли далее семейства. Действительно, свободное семейство с его подвластными и рабами составляет основание Черкесского общества.

Отец семейства есть полный властелин всех своих жен и несовершеннолетних детей. Закубанские народы вообще бедны, и потому, несмотря на допущение магометанством многоженства, они, по большей части, имеют по одной жене. Черкес беспрепятственно может выбирать себе жену между всеми закубанскими племенами или кабардинцами, лишь бы быть с невестой одинакового происхождения. Так как черкесские девушки не носят покрывал и не держатся взаперти, а выходят к мужчинам, то выбор делается без особых затруднений; но, выбрав себе невесту, необходимо купить ее. По восточному обычаю, родители, выдавая дочерей замуж, получают известного рода плату, называемую *калымом*. Жених, или, вернее, мужчина, решившийся жениться и выбравший уже себе невесту, созывает своих друзей и знакомых, которые дарят его оружием, лошадьми, скотом – кто чем может. Из числа этих знакомых выбирается депутация для ведения переговоров с родственниками невесты. При этом определяется размер калыма. Калым обыкновенно разделяется на 30 частей, или *башей*, для невест княжеского и дворянского происхождения; в калыме же за невесту-простолюдинку бывает от 17 до 18 башей.

Цена башей дворянских следующая: мальчик, панцирь, шишак, нарукавники и налокотники, сабля, восемь волов, лошадь, стоящая не менее шести волов (но если у жениха есть лучшая лошадь, то он непременно должен отдать ее), другая, обыкновенная, лошадь. Эти восемь башей выплачиваются строго; за остальные 22 баша берется 20 волов, ружье и пистолет.

У простонародья баши следующие: лошадь, ружье, два вола, двадцать овец и десять коз, медный котел ценой в два вола, обыкновенная лошадь. Остальные баши заменяются рогатой скотиной по одной за баш или другими неценными вещами.

По уплате калыма жених получает невесту. Впрочем, всякий может украсть себе жену, но во всяком случае и после этого выплачивается калым; воровство же жен не считается предосудительным.

Черкешенка, выйдя замуж, принимает на себя все хозяйственные работы и, существуя только для мужа, не показывается посторонним мужчинам и закрывает себе лицо. Даже мужу считается неприличным быть днем с женой; обыкновенно только вечером он входит к ней. Недовольный своей женой может возвратить ее родным, вытребовать обратно калым. Вообще, по обычаям края, муж может своевольно обращаться с женой; но во всяком случае он подвергается мести ее родственников, если преследует жену несправедливо. Дети тоже составляют собственность отца, и он может продать их. Торг невольниками и невольницами, издавна существуя у черкесских племен, показывает низкую степень нравственного развития этих племен; но, с другой стороны, продажа детей, особенно дочерей, отчасти может быть извинена тем обстоятельством, что после продажи в Турцию большая часть этих девушек поступает в гаремы зажиточных турок, пашей и даже к султану. Таким образом, предполагая для своей дочери лучшую участь на чужбине, черкес скорее решается продать ее. Впрочем, торг людьми в последнее время, особенно с 1846 года, если не совершенно прекратился, то уменьшился весьма значительно. Укрепления бывшей Черноморской береговой линии и наши крейсеры на Черном море отбили у турок охоту на такую опасную торговлю.

Воспитание своих детей, по большей части, не лежит на обязанностях родителей. С незапамятных времен у черкесов существует обычай отдавать своих детей на воспитание в чужие семейства. Этот обычай имеет важное значение в общественном быте черкесских племен: семейства через воспитание чужих детей тесно связываются между собой и составляют союзы, принимающие сообща меры для обороны от врагов внешних. Кроме того, воинственные чер-

кесы боятся избаловать своих детей, воспитывая их у себя, а потому охотно отдают их на воспитание в чужие семейства. Принятие в семейство члена чужой фамилии совершается с некоторыми обычаями. Желающий вступить в союз и родство с княжеской или другой значительной фамилией передает о своем желании через общего знакомого старшему в том семействе, с которым желает породниться. Отказать в этом случае не вправе.

Очень часто ребенок еще не родился, а желающих взять его на воспитание явилось несколько. В таком случае отец и мать не вмешиваются в разбирательство прав претендентов на воспитание, а предоставляют им самим решить вопрос о том, кому должно получить ребенка. Когда с общего согласия будущий воспитатель, или аталык, будет выбран, то он приступает в своем доме к приготовлениям для принятия к себе ребенка, а ко времени рождения младенца посылает в дом роженицы бабку для присутствия при родах. Аталык, принимая на себя заботы воспитания чужого ребенка, отнюдь не делает это для того, чтобы нянчиться с ним единственно из уважения к князю. Нет, взятие на воспитание чужого ребенка составляет для него жизненный вопрос: он уверен, что родные его воспитанника сделаются его друзьями и защитниками и не дадут его никому в обиду. Смотря на воспитание чужого ребенка с этой точки, аталык употребляет все свои усилия, чтобы окружить воспитанника не только необходимым, но даже излишним; для этого он не жалеет последнего достояния. Отец и мать, отдав ребенка на воспитание, так верят тому, что аталык будет за ним ухаживать, что считается неприличным спрашивать о здоровье своих детей. Воспитанники, видя попечение о них своих аталыков, привязываются к ним иногда более, чем к родителям. Очевидно, как много подобные союзы по воспитанию способствуют соединению между собой отдельных черкесских семейств.

К семействам свободных сословий неразрывно принадлежат и семейства их подвластных и рабов.

Семейства одного происхождения, а также породнившиеся с ними через союзы брака и воспитания составляют особые родовые союзы. Каждое семейство владеет в таком случае всем своим движимым имуществом, а также домом и обрабатываемым участком земли; все же пространство земель, лежащих между поселениями семейств родового союза, находится в общем владении, не принадлежа никому отдельно.

Черкесские племена по общественному своему развитию не достигли образования государства, а потому, не имея правительства и административных властей, на обязанности которых лежало бы сохранение общей безопасности как внутренней, так и внешней, сами должны заботиться о своей личной безопасности и защите, для достижения чего каждый черкес имеет право употреблять оружие, мстя, по древнему обычаю, за всякую причиненную ему обиду.

Все члены каждого семейства обязаны защищать друг друга от врагов и мстить за кровь ближнего. Кровомщение, обусловливаемое недостатком развития черкесских племен и отсутствием законных властей, весьма распространено. Оно существует не только против членов одного и того же семейства.

Защищая безопасность членов своего семейства, каждый обязан, сверх того, участвовать вообще в общественных делах своего союза и в действиях его против других союзов. Получая помощь от всех своих членов порознь, целое общество обязано в свою очередь защищать каждого из них и мстить за них другим обществам.

При таких условиях жизни черкесские общества находились бы всегда в беспрерывных волнениях; в отвращение этого обычай, освященный давностью и равно исполняемый всеми обществами, умеряет пыл беспокойных своих членов. Этот обычай заключается в том, что кровомщение заменяется известного рода пенями. Пени за убийство следующие: за убийство дворянина платится 240 штук рогатого скота, за убийство свободного – 200 штук, за раба – 160 штук. За раны пени значительно меньше. За бесчестие, нанесенное девушке, и за преступную связь с замужней женщиной платится как за убийство; впрочем, если обольстивший девушку женится на ней, то пени не платит. Так как пени весьма велики, то, если виновный

не в состоянии уплатить их, целое семейство и общество обязываются уплатить за него; на долю же виновного приходится незначительная часть. Если какой-нибудь член общества часто вводит целое общество в расходы по уплате пеней, то общество имеет право изгнать его, и черкес, объявленный изгнанным, не пользуется уже правом защиты у своих бывших товарищей; за его убийство никто не наказывается. Наряду с таким жестоким обычаем существует другой, по которому всякий, изгнанный из одного общества, может просить покровительства в другом. Объявляя желание присоединиться к обществу, он дает клятву повиноваться его постановлениям и вслед за сим делается членом принявшего его семейства, называясь *обом*, то есть покровительствуемым.

По древнему коренному обычаю черкесов, все их дела разбираются посредниками. Противные стороны выбирают каждая от себя посредников, обыкновенно уважаемых стариков, которые решают спорное дело по обычаям, изустно передаваемым от одного поколения другому. Такие обычаи называются адатом, а суд по обычаям называется судом по адату. Если на решение посредников представится вопрос новый, решение которого невозможно подвести под тот или другой обычай, то посредники предлагают свое собственное решение, которое и называется *маслагатом*; примененное же несколько раз в одном или двух обществах, оно тоже становилось со временем адатом.

Прославленное гостеприимство Востока существует и у черкесов: всякий пришедший гость священ в глазах черкеса, хотя бы он был личным его врагом; но вообще гостеприимство небезусловно: наблюдая его в отношении своих соплеменников, черкесы очень часто грабят своих кунаков-армян, торгующих в горах, и навряд ли сочтут гостем русского, который бы решился отправиться в горы.

Кроме союзов посредством браков и воспитания детей, суда посредников и ответственности целого рода перед другими родами за поведение каждого из своих членов, в черкесских обществах есть еще другие установления, способствующие соединению их между собой. Это именно особые народные собрания для решения общественных дел как внутренних, так и внешних. Надо заметить, что семейства одного и того же рода редко живут сплошной массой: аулы черкесов разбросаны в лесах Закубанья по течению рек или вдоль ущелий, так что в двух смежных долинах или ущельях живут семейства одного и того же рода, но каждая из долин и каждое из ущелий не всегда заняты семействами исключительно одного рода, а, напротив того, часто бывают заселены семействами нескольких родов. Понятно, что в таком случае жители одной и той же долины или ущелья, имея различные внутренние общественные дела, одинаково подвержены нападению неприятеля внешнего. Вследствие этого бывают собрания того или другого общества и племени или жителей той или другой долины. На этих собраниях сходятся уважаемые старики как депутаты обществ и семейств и рассуждают о мерах общей безопасности или других каких-либо вопросах.

Все народы черкесского происхождения весьма мало развиты нравственно, а потому религиозные их понятия весьма шатки, представляя смесь христианства, язычества и магометанства. Последнее, впрочем, как проповеданное между ними в недавнее время, сильнее прочих. Вообще надо заметить, что черкесские племена совершенно не имеют религиозного фанатизма, и постоянные их набеги на наши пределы объясняются просто страстью к хищничеству и врожденной их воинственностью. Обряды магометанства и некоторые христианские обычаи, ими соблюдаемые, исполняются, так сказать, машинально, по преданию; идей их они не понимают. Только в углу между Кубанью и Черным морем, в окрестностях Анапы, есть довольно поклонников Корана, особенно между высшими сословиями. Это объясняется более частыми сношениями их с турками, особенно в то время, когда Анапа была турецкой крепостью. Ногайские и татарские племена, описанные нами выше, тоже магометанской веры; в прочих же частях Правого крыла Кавказской линии между народами черкесского происхождения

религия эта борется отчасти с остатками христианства и язычества, а частью – с полным безверием многих жителей гор.

Мы сказали, что вообще черкесские племена очень воинственны и склонны к хищничеству и грабежу. Бедность их, соединенная с отважностью, влечет, с одной стороны, к воровству в своих пределах, а с другой – к набегам на наши линии. Воровство весьма развито между черкесами. Если у дворянина произведено будет воровство каких-либо животных из его стад и похитители будут найдены, то, по адату, они должны возвратить хозяину украденное животное и, сверх того, каждый из соучастников воровства платит в его пользу по два таких же животных, которые были украдены, то есть если два человека украли лошадь, то они, возвращая ее, платят еще четыре лошади. Если украденный скот не находится уже у похитителей, то они платят хозяину втрое. Лица свободного сословия получают вознаграждение по одной скотине с каждого за одну украденную, если она возвращается, и по две, если похитители сбыли ее в другие руки. Очень часто черкесы одного племени роднятся с другими, для того чтобы под предлогом родства приезжать в чужие аулы и, пользуясь гостеприимством и защитой родственников, воровать там часто безнаказанно.

Что касается набегов черкесских племен на наши пределы, то они бывают двух родов: для хищничества и большие военные предприятия против станиц или укреплений передовых наших линий, а иногда и селений, лежащих даже за передовыми линиями.

Для хищничества в наших пределах собирается обыкновенно несколько смельчаков, которые под предводительством вожака, хорошо знающего местность, подбираются к берегам Лабы или Кубани и, засев в камышах или за кустами, высматривают себе добычу. Чаще всего грабят они оплошных прохожих и проезжих, высиживая в ожидании этого по нескольку дней на одном месте. Подъезжая к станицам, они отгоняют иногда стада и табуны или берут в плен попавшихся жителей. Очевидно, что подобные предприятия отдельных людей хотя и одобряются черкесскими племенами, но они не могут быть отнесены к военным против нас предприятиям этих племен. Недостаток внутреннего порядка между этими племенами служит единственной причиной подобных хищнических набегов.

Гораздо важнее действия черкесов против станиц и укреплений. Правда, такие предприятия весьма редки, но иногда они кончались взятием наших укреплений, как были тому примеры за Кубанью и на восточном берегу Черного моря. В этом случае то или другое влиятельное лицо объявляет на народных собраниях о намерении своем и необходимости для общей безопасности предпринять набег на Линию. По степени влияния предлагающего собирается партия из охотников, а иногда определяется на собраниях, сколько именно какой долине или обществу выставить всадников и пеших людей. Каждый из воинов должен явиться на сборное место, назначаемое избранным на собрании предводителем, с оружием, лошадью и запасами. Кто не будет иметь при себе оружия или лошади, или, наконец, продовольствия, тот с позором изгоняется и таким образом лишается как доброго имени, так и добычи от набега. Цель предприятия обыкновенно сохраняется предводителем в тайне; добыча делится между участниками. Большие сборы редко продолжаются более трех недель.

Жилища черкесов, разбросанные по долинам рек и в лесах, покрывающих большую часть занимаемых ими земель, представляют небольшие аулы. Любопытно вникнуть в причины, по которым непокорные племена живут в лесах небольшими аулами. Причины этому надо искать не в отвращении их от общественной жизни и в стремлении к уединению, а в необходимости обеспечить себя от нападений сильного неприятеля. Живя в лесах, всегда дающих средства к скорой постройке жилищ, черкесы не защищают упорно своих жилищ: они держатся в них только необходимое время, для того чтобы успеть спасти из них свои семейства, и затем отступают. Они очень хорошо знают, что отряд, сделавший набег, должен будет возвратиться на Линию, и тогда-то нападают на арьергард и боковые его цепи. Не дорожа своими жилищами, горцы для затруднения действий неприятеля селятся малыми частями. В этом

случае отряд, предпринимающий движение для разрушения неприятельских аулов, нападает на какой-нибудь один из них и, разрушив его, лишает крова семейств двадцать – тридцать, а, между тем, с первых выстрелов жители соседних аулов сбегаются на помощь атакованным и, не заботясь о своих домах, которые в безопасности, действуют против общего врага. Таким образом, расположение мелких аулов дает возможность, подставляя под удары неприятеля небольшую часть, уменьшать свои потери и в то же время увеличивать число защитников атакованной части.

Обеспечивая свои жилища самим их разбросанным расположением, черкесы не заботятся об их укреплении, а все внимание обращают на удобства жизни. Аулы их обыкновенно занимают небольшие поляны в середине леса, на берегу реки или недалеко от воды; около домов на той же поляне находятся и пашни. Тень деревьев дороже всего для черкеса, и дома их обыкновенно все покрыты зеленью. Сакли по большей части бывают турлучные, то есть между бревнами, поставленными по углам, делаются плетневые переборки, обмазанные глиной. Под одной крышей почти всегда помещаются и люди, и скот. Расположение аула имеет вид круга, по окружности которого построены сакли, а во внутреннем дворе – хозяйственные постройки и помещения для скота. Впрочем, чтобы лучше укрывать от нас свои стада, черкесы выбирают для пастьбы их такие места, в которых зимой даже можно пользоваться подножным кормом. В этих-то местах черкесы устраивают коши, нередко обносимые частоколом. Таких кошей за Кубанью очень много.

Итак, в ауле черкеса остается его домашний скарб и семейство, и чтобы разместить это на двух-трех арбах, не надо много времени; но понятно, что обороняться в таких аулах, даже и непродолжительное время, невозможно, а потому черкесы обносят их иногда с одной стороны или кругом плетнем, к которому присыпают землю в грудную высоту, и из-за такого бруствера удерживают атакующего столько времени, сколько необходимо для выхода семейства. Подобное укрепление называется *плетень-кала*.

Иногда большие аулы обрываются вокруг рвом, и на насыпи позади него располагаются *туры*, или комочки, наподобие защиты передовых казачьих станиц. В большей же части случаев поляны преграждаются только плетнем в близком расстоянии от опушки. Сама опушка леса укрепляется завалами и засеками, и большие ветвистые деревья, употребляемые для засек, действительно очень затрудняют движение войск, особенно, когда ветви их обовьются толстыми плетями дикого винограда и других ползучих растений, которыми так богаты леса Кавказа.

При таких условиях нравственного развития и общественного устройства черкесских племен народное богатство их весьма незначительно. Естественные богатства занимаемого ими края ждут только рук, занявшихся бы их обработкой, чтобы с избытком вознаградить труд земледельца и рудокопа; но племена эти не знакомы с рациональным трудом и добывают себе почти только то, что необходимо для жизни. Земледелие стоит весьма низко. Оно, а равно и скотоводство более развиты у жителей плоскостей; жители же гор очень бедны и постоянно пользуются хлебом с плоскости. Полотно и грубые ткани делаются черкесскими женщинами или получаются контрабандой из Турции, впрочем, весьма в незначительном количестве. Порох делают сами или тоже получают из-за границы. Выделкой оружия занимаются сами, славясь особенно обделкой его в серебро, рудники которого недавно, как говорят, найдены в горах и разрабатываются приглашенными для сего европейцами. Особенно в чем нуждаются горцы – это соль. Они вываривают ее в небольшом количестве из морской воды и соляных источников, большей же частью добывают у мирных черкесов, с которыми находятся в дружеских сношениях. Вообще мирные горцы не только снабжают немирных всем для них необходимым, но укрывают их даже у себя и тем способствуют производству набегов на Линию.

Описав коренные нравы и обычаи черкесских племен, говорящих различными наречиями одного и того же языка, не имеющего письмен, перейдем теперь к разделению черкесов на

отдельные племена и вместе с численностью каждого племени означим ту местность, которая занимается им в районе Правого крыла Кавказской линии.

Весьма трудно да даже невозможно с точностью определить численность непокорных нам племен Правого крыла: для этого совершенно не имеется положительных данных. Можно принять, что численность всех черкесских племен простирается до 430 тысяч душ обоего пола.

Как уже сказано было прежде, черкесские племена разделяются на два больших отдела: *адыге* и *абадзе*.

К отделу *адыге* принадлежат:

беглые кабардинцы;

бесленеевцы;

махошевцы;

темиргоевцы (кемкой);

егерукаевцы;

мамхирцы;

гатюкаевцы;

бжедухи.

К отделу *абадзе* относятся:

абадзехи;

шапсуги;

натухайцы;

убыхи;

джигеты.

Сюда надо тоже отнести небольшие племена абхазского происхождения, выселившиеся из-за Кавказских гор на северо-восточную их покатость, как то:

баракаевцы;

баговцы;

шахгиреевцы;

тамовцы;

кильбековцы;

башильбаевцы;

медовеевцы и пр.

Рассмотрим каждое из этих племен отдельно.

Беглые кабардинцы. Число их до 7400 душ обоего пола. Кабардинцы эти суть выходцы из Кабарды в 1804-м и 1822 году после восстаний, усмиренных там нашими войсками под начальством генералов Глазенапа и Ермолова. Так как в то время Закубанье – хотя, впрочем, номинально – зависело от Турции, то многие князья и дворяне из самых лучших кабардинских фамилий ушли за Кубань и поселились по верховьям Урупа, Окарта, Анаута и Кувы, где имели прекрасные стада и табуны, занимаясь также земледелием. В 1849 году они вновь бежали за Лабу и в настоящее время непокорны нашему правительству. Между ними много храбрецов и наездников, предводительствующих хищническими партиями.

Бесленеевцы одного происхождения с кабардинцами, но только с давних времен они жили между Кубанью и Лабой на превосходных землях по Тегеням, Урупу и Окарту, вблизи от беглых кабардинцев, там, где в настоящее время поселены станицы вновь сформированной Урупской бригады Кавказского линейного казачьего войска. Прекрасные свойства земли, бывшей в их владении, развили в них охоту к земледелию; но, увлекаемые воинственным духом своих князей Каноковых, а после поднятые дворянином Хаджи-Каноматом Тлеходуко, бесленеевцы два раза, в 1843-м и 1846 году, бежали за Лабу и потом вновь возвращались на свои прежние места. После бегства в 1855 году они хотя и пытались было получить прежние свои земли,

но не успели, и, как мы уже сказали, на их местах поселены казачьи станицы. Бесленеевцы насчитывают до 5 тысяч душ обоего пола.

Махошевцы в числе около 4 тысяч душ живут против середины Лабы. Самый сильный между ними род князей есть Богарсуковы, которые до 1851 года удерживали их в покорности России, но со смертью Магомета Богарсуко, казненного мятежными закубанцами за преданность его нам, махошевцы сделались непокорными.

Севернее махошевцев, вниз по Лабе и вглубь на запад к реке Белой, поселились *темиргоевцы, егерукаевцы* и *мамхирцы* в количестве около 15 тысяч душ. Все эти три племени подчинены княжескому роду Болотоко, признаваемому первостепенным между всеми закубанскими аристократическими фамилиями. Джембулат Болотоко долгое время волновал Закубанье. Нынешний князь Корбек Болотоко сперва был покорен нашему правительству, но впоследствии, увлеченный непокорными племенами, ушел за Белую.

По низовьям Лабы и левому берегу Кубани живет непокорное в настоящее время племя *гатюкаевцев* числом до 3 тысяч душ. В прежнее время, то есть до 1850 года, это было одно из самых мирных племен.

Наконец, к западу от гатюкаевцев, против земель Черноморского казачьего войска, поселены *бжедухи*, разделяющиеся под управлением князей Кирканоковых на *хамышеевцев* и *черченеевцев*. Всех их насчитывают до 4 тысяч душ. В настоящее время они тоже непокорны.

Из перечня племен адыге видно, что всего их считается до 38 400 душ. Все они магометане. После набегов на Кубань генерала Засса, бывшего в конце тридцатых и сороковых годов начальником Правого фланга Кавказской линии, состоявшего тогда из Кубанской и Лабинской линий, племена эти покорились нашему правительству, и под властью своих князей, из которых многие были искренно преданы нам, племена эти, не отбывая никаких повинностей, жили покойно, не участвуя явно в грабежах и набегах. Только в последнее время отпали они от нас и сделались злейшими нашими врагами. В сентябре сего года все племена, живущие между Лабой и Белой, вплоть до абадзехов, покорились нашему правительству, прося поселить их аулами от 250 до 300 дворов весной будущего года там, где им укажут места. Бжедухи уже управляются приставом.

К отделу абадзе, как было сказано, относятся: абадзехи, ныне изъявившие свою покорность и присягнувшие на подданство государю императору 20 ноября сего года; шапсуги, натухайцы, убыхи и джигеты.

Абадзехи, простираясь числом до 100 тысяч человек, есть самый сильный и воинственный народ Закубанья. Разделяясь на девять свободных обществ, не признающих князей и вообще плохих магометан, абадзехи занимают самый центр Закубанского края между реками Лабой и Супсом, по обе стороны Белой и между Главным хребтом и поселением гатюкаевцев и бжедухов по Кубани. Общества абадзехов расположены следующим образом:

Туба-Габль – между реками Белой и Пафир, *Темдаши* – между Белой и Курджипсом, *Даур-Габль* – между Курджипсом и Пшехой, *Дженгет-Габль* – по левому берегу Пшехи, *Тфишебс* – между Пшехой и Пшиш, *Анчоко-Габль* – по левому берегу реки Пшиш, *Бешуко-Габль, Едиге-Габль* и *Пежуко-Габль* – далее к западу до реки Супс на границе с шапсугами. Главная масса их населения теснится в Черных горах, выше Майкопского ущелья, где река Белая прорывается на плоскость и которое в 1856 году занято укреплением Майкопское, заложенным нашими войсками под начальством генерал-лейтенанта Козловского, бывшего начальником сперва всей Кавказской линии, а после, по разделении ее на два крыла, – начальником Правого крыла. При рекогносцировках верховий реки Белой открыты были сплошные поселения абадзехов, у которых никогда еще не были наши войска. Абадзехи, живущие ближе к плоскости, имеют много рогатого скота и лошадей и потому выставляют обыкновенно конных воинов, тогда как нагорные абадзехи сражаются, по бедности, пешими, да и вообще нагорные абадзехи, редко участвуя в набегах, живут более мирно. Абадзехи никогда не были покорными; в 1846

году по случаю голода, желая получить от русских хлеба и соли, некоторые их общества, а именно: Туба, Темдаши, Дженгет и Даур, как ближайшие к нашим линиям, изъявили было покорность, но вслед за хорошим урожаем 1847 года, подстрекаемые нагорными абадзехами, вновь отложились, да и в 1846 году, во время своей мнимой покорности, отнюдь не согласились послать своих старшин в Петербург, несмотря на все усилия князя Воронцова и генерала Завадовского, бывшего тогда начальником Кавказской линии, склонить их к отправлению депутации. Изъявление ими покорности в настоящее время есть факт многознаменательный, свидетельствующий как нельзя лучше о прочном занятии нами Закубанского края. В прежнее время абадзехи были отделены от наших линий на северных и западных своих границах значительными пространствами, заселенными непокорными нам племенами, не думали о нашей власти и им не было причины изъявлять покорность. Занятие в 1855 году Малолабинской линии, возведение в 1856 году Майкопского укрепления и, наконец, начало устройства с 1857 года Адагумской линии опоясало с трех сторон земли абадзехов нашими линиями и заставило их решиться на добровольное изъявление покорности России. Малая Лаба и Майкопское ущелье заняты по проекту и под личным руководством генерал-лейтенанта Козловского; честь занятия Адагумской линии принадлежит генерал-лейтенанту Филипсону.

Шапсуги живут на западе от абадзехов, по обе стороны Кавказского хребта, разделяясь им на больших и малых шапсугов. Большие живут по северным склонам хребта, между Супсом на востоке, долиной Адагума на западе и поселением бжедухов на севере. Малые шапсуги живут на юго-западном склоне Кавказских гор, между реками Шахе и Пшад, вплоть до берега Черного моря. Шапсугов считают до 160 тысяч душ обоего пола; они непокорны, но не так опасны, как абадзехи, потому что хотя большие и малые шапсуги ничем не различаются между собой, но по географическому своему положению большие шапсуги не действуют на юго-западной стороне Кавказского хребта, а малые – на северо-западной. Шапсуги весьма дики, определенных религиозных понятий не имеют, остатки христианства и язычества перемешаны у них с обрядами магометанства, сверх того, много и таких, которые совершенно не имеют религии. Приморские шапсуги поклоняются кресту, в горах почти всеобщее безверие, что надо отнести также отчасти и к абадзехам. Малые шапсуги гораздо беднее больших, у которых есть пастбищные места.

Натухайцы в числе до 60 тысяч человек занимают угол между левым устьем Кубани и Черным морем по обе стороны гор, распространяясь на юге до реки Пшад, а на севере от гор до реки Адагум и даже далее, так что граница их с большими шапсугами не может быть обозначена какими-либо урочищами. Между натухайцами более, нежели между прочими племенами абадзехов, сохранилось влияние князей и дворянства на народ; до сих пор фамилия Заноко пользуется большим значением в народе. Это почитание князей надо отнести к сношениям их в прежнее время через Анапу с турками. Натухайцы – ревностные магометане; занимаются торговлей и были полупокорны до последней войны. Около Анапы поселено было несколько казачьих станиц, а внутри земель натухайцев было устроено несколько казачьих станиц-укреплений на сообщении Черноморской кордонной линии по Кубани с Черноморской береговой линией. Рядом отдельных укреплений от Кубани через горы до берега Черного моря полагали отделить натухайцев от сношений с прочими закубанцами и впоследствии покорить их. Но на деле это не оправдалось: укрепления, возведенные в земле натухайцев, были очень слабы и находились в постоянной, так сказать, блокаде от местных жителей, которые, не будучи вполне непокорными, часто грабили вблизи наших линий.

Убыхи, племя в 25 тысяч душ, занимают часть восточного берега Черного моря и горную страну между рекой Шахе и незначительной речкой Хамыш, впадающей в море между реками Саче и Мздымта. Они непокорны, но редко грабят на северо-восточной покатости гор.

Кроме абадзехов, шапсугов, натухайцев и убыхов, принадлежащих к отделу племен абадзе, в пределах Правого крыла Кавказской линии находятся некоторые немногочисленные

племена абхазского происхождения, а именно *джигеты*, покорное полумагометанское-полуязыческое племя в 5 тысяч душ, живут по берегу Черного моря, около Гагринской теснины.

В верховьях Лабы, Кефара, Бежгона, Зеленчуков и других рек, вытекающих из гор между истоками Теберды, у западной границы Карачая и Лабы, а отчасти и к западу от нее обитает до 10 тысяч *абхазцев,* переселившихся туда вследствие различных причин из-за Кавказского хребта. Там живут башильбаевцы, медовеевцы, баговцы, казильбековцы, шахгиреевцы и другие. Устройство Малолабинской линии много успокоило их; а то в прежнее время, пользуясь труднодоступностью обитаемой ими местности, они часто тревожили Кубанскую и Лабинскую линии. Все эти племена подчинены князьям и исповедуют магометанство.

Таким образом, в районе Правого крыла Кавказской линии кроме 38 тысяч душ племени адыге обитает еще до 360 тысяч душ различных племен абадзе и абхазского. Следовательно, всего на Правом крыле с прежде описанными нами племенами ногайцев и карачаевцев находится горского населения до 430 тысяч душ. Оговорим еще раз, что это исчисление горских племен только приблизительное.

Народы черкесского племени постоянно находились в большей или меньшей зависимости от других народов: так, в последнее время они подчинялись Турции, которая всячески старалась вооружать их против России, для чего ревностно заботилась о распространении между черкесами магометанства. По Кючук-Кайнарджийскому миру, заключенному с Турцией в 1774 году, река Кубань сделалась пограничной чертой России на Кавказе; вслед за этим началось заселение Кубанской линии, и в 1792 году с переселением на Кубань запорожцев под наименованием Черноморского казачьего войска вся Кубань заселена была казачьими станицами. В 1829 году вследствие Адрианопольского мира восточный берег Черного моря присоединен к России, и только тогда земли черкесских племен окончательно вошли в состав Российской империи. Только с того времени можно было решительно и систематически действовать против черкесов для окончательного их усмирения. Обширность края и невозможность наступательных действий со стороны Черного моря объясняют, почему для покорения черкесских племен в течение тридцати лет, то есть с 1829-го по 1859 год, никогда не употребляли таких огромных масс войск, какими действовали в восточной половине Кавказа. Положение края вынуждало действовать медленно и осторожно, и от этого мы не только не проиграли, но выиграли значительно. Окончательное замирение черкесских племен, по всем видимым и неопровержимым фактам, вероятно, последует в течение 1860 года, то есть через год после замирения восточной половины Кавказа; между тем ко времени подчинения черкесских племен мы будем иметь за Кубанью гораздо большее число станиц, заселенных казаками, нежели имеем до сих пор за Тереком. Значение укрепленных штаб-квартир и станиц, заселенных казаками, далеко не одинаково. Первые легко могут потерять свою важность, и их часто переносят с одной Линии на другую; напротив того, поселенная станица остается уже навсегда на том же месте, которое уже никогда не возвратится к горцам. Вот почему, оставаясь жить по-прежнему около укреплений, горцы всегда удаляются от таких мест, на которых водворяют станицы. При движении вперед русского населения они считают свое дело более и более погибающим.

Мы видели, что черкесские племена не составляют ничего целого; напротив того, в Черкесском обществе с давнего времени происходят раздоры между аристократией и демократическим началом. Было даже время, когда сами черкесы обращались к России с просьбой о помощи. Враги России всегда старались усмирять внутренние волнения и убеждать эти народы к совокупным против нас действиям. В этих же видах действовал и Шамиль.

Совершенно отдельное положение на Кавказском перешейке черкесских племен не позволило Шамилю действовать лично за Кубанью; но, не желая упустить случая и там для увеличения своей власти, Шамиль посылал за Кубань своих эмиссаров, которые, проповедуя шариат, должны были стараться сплотить раздельные общества в одно целое и управлять их действиями против России.

Этих эмиссаров было три: Хаджи-Магомет, Сулейман-эфенди и, наконец, Магомет-Амин, изъявивший в настоящее время покорность.

Хаджи-Магомет пробрался за Кубань в 1842 году и деятельно начал проповедовать шариат и мюридизм Шамиля. Между массой горского населения Закубанья хотя религиозный фанатизм и не очень силен, но все-таки между сотнями тысяч населения многие приняли учение Хаджи-Магомета и составили между черкесами особую партию *хаджиретов*. Хищничеством своим в наших пределах хаджиреты скоро сделались знамениты за Кубанью. Эти самые хаджиреты назывались также *мутазигами*, название, одинаковое со словом *мюрид*: одно употреблялось у лезгин и чеченцев, а закубанцы стали называть последователей мюридизма *мутазигами*. Хаджи-Магомет лично сам умел заслужить любовь и расположение к себе черкесских племен, но скоро умер и не смог довершить начатое им дело.

Преемником Хаджи-Магомета был Сулейман-эфенди, человек, быть может, и глубоко изучивший Коран и постановления Магомета, но получивший назначение не по силам. Для того чтобы двигать массами народа, возбуждая их к войне против неверных, мало одного знания Корана: надо много уменья, силы характера и полного ознакомления с тем обществом, среди которого приходится действовать. Всего этого недоставало новому эмиссару Шамиля: он окончательно не имел успеха и кончил тем, что, перессорившись со многими влиятельными лицами за Кубанью, перешел к нам и в 1846 году явился опровергителем правильности действий Шамиля как лица духовного. После вторжения Шамиля в 1846 году в Кабарду Сулейман-эфенди по поручению князя Воронцова, бывшего тогда главнокомандующим и наместником на Кавказе, в особом адресе к правоверным доказывал, что Шамиль поступает противно предписаниям и духу Корана и что потому ему не следует верить и подчиняться; однако и на литературном поприще, столь необыкновенном между племенами Кавказа, Сулейман-эфенди не имел ни малейшего успеха. Тем кончилась неблестящая его политическая деятельность.

Совершенно другое значение имел последний эмиссар Шамиля Магомет-Амин. Магомет-Амину в настоящее время, по словам Шамиля, около 47 лет; он уроженец аула Хунуда в Дагестане, близ Унцукуля. Явившись за Кубань как лицо духовное, Магомет-Амин, опираясь на довольно значительную партию мутазигов, заранее мог рассчитывать на привлечение к себе племен абадзе. Племена эти, как мы уже имели случай объяснить в своем месте, давно изгнали своих князей и дворян; а потому мюридизм, проповедующий общее равенство, приходится по душе этим племенам. Первое внимание Магомет-Амина обратилось на абадзехов, между которыми кроме демократических идей довольно распространено магометанство, проповедованное там турками.

Проповедуя мюридизм черкесским племенам и необходимость совокупных действий против России, Магомет-Амин должен был бороться со многими препятствиями.

Хотя племена абадзе и согласны на равенство всех членов общества, но они уже достигли этого и без мюридизма, а кроме того, все религиозные идеи туго прививаются к этим грубым натурам.

Для проповеди шариата необходимы муллы и кади: и тех и других трудно было приобрести; находившиеся же между черкесами кади и муллы были люди крайне невежественные, корыстолюбивые, толковавшие шариат в свою исключительную пользу, а потому черкесы охотнее обращались к суду посредников по адату, освященному временем и хорошо им известному.

Народы адыге, в которых есть сильная аристократическая партия, противились мюридизму, развивающему демократическое начало. Сверх того, дворянским фамилиям этих племен не хотелось признавать над собой власти безродного пришельца, каким был Магомет-Амин.

Для соединения всех закубанских племен следовало прежде всего уничтожить так называемых *мирных горцев*, то есть племена, которые, изъявив покорность нашему правительству, жили вблизи наших передовых линий и имели право покупать и обменивать необходимые для

них припасы на наших меновых дворах и вообще в городах и станицах. Магомет-Амин хотел отторгнуть эти племена от России, но против этого встретил сильную оппозицию не со стороны мирных племен, в которых не хотели подчиниться Магомет-Амину только одни свободные сословия, но со стороны немирных племен. Причина такого противодействия понятна. Непокорные горские народы не только получают от покорных предметы, им необходимые и которые нельзя достать в горах; но находят у мирных приют и вожаков своим хищническим партиям. Вот почему предложение Магомет-Амина силой принудить бжедухов и другие покорные племена к отпадению от России не нашло сочувствия в массе непокорного населения Правого крыла Кавказской линии.

Несмотря на эти препятствия, шейх, как называли Магомет-Амина за Кубанью, неуклонно пошел к достижению своей цели. Проповедуя мюридизм и шариат, он учредил особые суды как для решения дел по шариату, так и для наблюдения за покорными ему племенами. Такие судилища, или *мегкеме*, устроены были в шести местах, а именно: на Курджипсе, притоке реки Белой; на Пшише, Пчеве, Псекупсе. Эти четыре мегкеме находились в земле абадзехов; первые два вооружены четырьмя орудиями, из которых одно, из мегкеме на Курджипсе, иногда сопровождало Магомет-Амина в его поездках по горам; [кроме] того, мегкеме на Антхире у шапсугов и на Псебебсе среди натухайцев. Это последнее мегкеме служило Магомет-Амину главным местопребыванием, из которого он рассылал свои приказания.

Каждое мегкеме представляет обыкновенный аул; но для безопасности они обнесены вокруг рвами и плетнями, а для прикрытия орудий устроены башни и бастионы из двух рядов плетня, промежуток между которыми насыпан землей.

Для суда по шариату в мегкеме находились муллы и кади, приказания и решения которых исполнялись партиями мутазигов, находившихся при каждом мегкеме. На содержание этих постоянных телохранителей Магомет-Амина и представителей его власти жители подчинившихся ему племен вносили по одной рогатой скотине с трех домов, по гарнцу пшена и кругу бараньего сыра с каждого дома.

Артиллерийские орудия для вооружения мегкеме были добыты Магомет-Амином следующим образом. Во время Турецкой кампании 1828 и 1829 годов перед обложением нашими войсками крепости Анапа турки отдали закубанским племенам восемь орудий с достаточным количеством снарядов для действий против наших войск. По взятии Анапы и заключении мира эти орудия остались у горцев. Снаряды были расстреляны, лафеты скоро пришли в негодность, и орудия, как ни к чему не годные, были совершенно заброшены и не только не сохранялись в аулах, а были разбросаны в долинах некоторых речек и, между прочим, поблизости укреплений Черноморской береговой линии. Некоторые из покорных горцев из-за нескольких рублей серебром объявляли в укреплениях Черноморской береговой линии о местах, в которых находились такие орудия. Партии охотников отправлялись на назначенные места, и таким образом однажды было взято одно орудие, а потом еще два. К крайнему нашему сожалению, мы не можем в настоящую минуту назвать ни укреплений, около которых взяты орудия, ни имен храбрых охотников, но из официальных источников знаем, что, действительно, на Черноморской береговой линии были взяты три орудия вышеописанным способом. Магомет-Амин обратил внимание на находившиеся между горцами орудия, собрал четыре из них, устроил лафеты и вооружил такими орудиями свои мегкеме. В отряды таких орудий из-за малой их подвижности Магомет-Амин не брал, но зато торжественно возил за собой орудие в горы в тех случаях, когда возбуждал какое-либо племя на соединение с собой.

Большая часть абадзехов приняла его сторону; затем мало-помалу возбуждаемые им мирные племена оставляли свои жилища вблизи или между нашими линиями и бежали в горы. Так ушли за Лабу беглые кабардинцы и бесленеевцы. Махошевцы, управляемые преданным нам князем Магометом Богарсуко, долго противились Магомет-Амину. В 1851 году Магомет Богарсуко вытребован был на народное собрание, где его схватили по приказанию Маго-

мет-Амина, расстреляли вместе с несколькими черкесами, уличенными в сношениях с нами. Такими мерами действовал шейх, приобретая себе более и более силы.

Для привлечения на свою сторону племен адыге он решил породниться с каким-либо княжеским родом и через это приобрести связь с аристократией. Выбор его пал на сестру владельца темиргоевцев, князя Карабека Болотокова. Фамилия Болотоковых есть первенствующая между всеми аристократическими родами за Кубанью. Склонив на свою сторону Карабека Болотокова, Магомет-Амин разом делал несколько выгодных для себя ударов. Во-первых, он подчинял своему влиянию темиргоевцев, егерукаевцев и мамхирцев, покорных Карабеку Болотокову и князьям его фамилии. Во-вторых, по жене он становился родственником самых сильных и влиятельных в народе аристократических фамилий, которые перестали теперь считать его безродным пришельцем и ему противодействовать. В-третьих, наконец, породнившись с богатой княжеской фамилией, он приобретал средства раздавать деньги низшему классу людей и составил себе через это партию, вполне ему преданную.

Магомет-Амин долго не предпринимал никаких военных действий против наших линий; внутренние его распоряжения и преобразования поглощали у него все время; кроме того, он стремился сперва к подчинению себе всех закубанских племен, рассчитывая действовать успешнее во главе всего населения. Действительно, не раз все закубанские племена подчинялись ему; но вслед затем многие тотчас же и отпадали. Особенно сильное противодействие себе встретил он в диких шапсугах, боявшихся всякой власти, и в натухайцах, сохранивших у себя влиятельное дворянство. К тому же, начав военные действия против нас, Магомет-Амин потерпел несколько поражений. Особенно чувствительно для него было разбитие его на Урупе, между верховьями Кубани и Лабы, 15 марта 1851 года нашими войсками под начальством генерал-майора князя Эристова и полковника Волкова. В ноябре и декабре того же года генерал-лейтенант Рашпиль привел в покорность бжедухов, а вице-адмирал Серебряков разорил мегкеме Магомет-Амина на реке Худако, вместо которого в 1852 году построено было мегкеме на Антхире. В январе следующего, 1852 года вице-адмирал Серебряков со стороны Черноморской береговой линии вступил на земли натухайцев и в три дня, с 24-го по 26 января, разрушил в долинах Бугундура и Ахтыра до 44 аулов непокорного нам населения. Такие удары были весьма чувствительны для власти Магомет-Амина и отторгали от него много приверженцев.

Не имея возможности похвалиться перед закубанцами воинскими своими подвигами, Магомет-Амин в 1853 году решился было попытаться привлечь на свою сторону шапсугов посредством публичной проповеди Корана, но так как сам, будучи дагестанцем, он не владел хорошо черкесским языком, Магомет-Амин выбрал себе помощника между умными и образованными эфенди. Выбор Магомет-Амина пал на эфенди Абдуллу.

С самого начала политического своего поприща за Кубанью Магомет-Амин имел в виду образовать в народе особый класс, которого бы интересы зависели от нового порядка вещей; вследствие этого он хотел распространить духовный элемент, который, сосредоточиваясь в его руках, мог бы быть со временем страшным оружием его власти. Частью от недостатка людей, способных развить идею об общем и дружном восстании против русских, частью от старинной, вековой вражды, разделявшей между собой Черкесское общество, народы закубанские не действовали вполне согласно с планами Магомет-Амина. Не отказываясь одни воевать против русских, они если и присоединились к общему союзу, то ненадолго. Толпа мутазигов увеличивалась с каждым днем, но общей религиозной идеи в ней нет: она подавляется грубой материальной силой, чуждой всякого фанатизма.

В одно время явились было обстоятельства, показавшиеся Магомет-Амину благоприятными для водворения духовного его господства за Кубанью, особенно между шапсугами.

Дело было вот в чем[6]. В марте 1853 года явился между абадзехами кудесник, который увлек толпу за собой и, приковав ее внимание к своим штукам, заставил ее верить в свое послание свыше.

Неизвестный человек, лет около 50, высокого роста, с черной бородой, одетый постоянно в белое, под именем Абдуллы-эфенди, занимался между покорными племенами бывшего Правого фланга Кавказской линии обучением мальчиков грамоте, желая образовать особую религиозную секту, имеющую целью молиться Богу, соблюдая строжайшую умеренность в пище. Когда наше правительство запретило ему это и отказало в выдаче заграничного паспорта для проезда в Мекку, то он удалился сперва к махошевцам, а потом пробрался далее к егерукаевцам, где пребывание его могло быть более безопасным. В то время бывший начальник Правого фланга Кавказской линии генерал-майор Евдокимов (ныне генерал-лейтенант и граф) собирался сделать нападение на кавказские аулы. Абдулла, имевший сношения с мирным [населением], заранее узнал об этом движении и, пользуясь этим, предсказал егерукаевцам, не подозревавшим о предстоящем набеге, что скоро нападут на них русские войска, разорят аулы, побьют много народа, и в том числе Абдулла одному из уважаемых народом эфенди предсказал погибель в общей схватке с русскими. Предсказания Абдуллы действительно сбылись. Тогда в него стали верить, как в самого Магомета. Заставив толпу удивляться и рассказывать о себе чудеса, Абдулла-эфенди отправился в марте 1853 года к Магомет-Амину в мегкеме, устроенное на Курджипсе. Получив здесь позволение выбрать из числа обучающихся у разных эфенди сорок лучших мальчиков, он приступил к преподаванию духовной науки особенным образом, достойным замечания. При всем собрании жителей мегкеме над каждым из мальчиков читал он с благоговением текст из принесенной им с собой книги, вдыхал им что-то в левое ухо, отчего мальчики падали без движения и на губах их показывалась пена. Повторенное над каждым из мальчиков чтение возвращало им сознание; но лица их были бледны и выражали изнурение от страдания.

Затем мальчики были размещены по одному в особо устроенном училище и оставались в нем безвыходно сорок дней. По окончании этого срока, в который они занимались чтением, мальчики начали всенародно показываться на молитвах в белом одеянии и белых чалмах с такой же чадрой, доходившей до земли. Молитва их, сопровождаемая чтением книг, была продолжительна. По окончании молитвы старший из мальчиков отбирал книги у прочих мальчиков, давая им взамен в руки по нескольку камешков, которые они перебирали вроде четок.

В начале июля 1853 года Абдулла-эфенди со всеми своими мальчиками явился к Магомет-Амину на реку Пшиш. В один вечер, когда собрание было особенно многочисленно, Магомет-Амин сам вышел на молитву, сопровождаемый мальчиками. В продолжение молитвы соблюдалась глубокая тишина: молящиеся были неподвижны, как статуи. Наконец, среди этой восторженной торжественности послышалось тихое рыдание, которое при конце моления, когда книги были заменены камешками, превратилось в вопль отчаяния; даже сам Магомет-Амин плакал довольно значительное время вместе с мальчиками, чем и окончилась эта публичная молитва.

Некоторые из почетнейших абадзехов и шапсугов, бывших на собрании, пораженные невиданным и неслыханным для них зрелищем, осмелились спросить о причине такого моления. Тогда эфенди с видом глубочайшей набожности рассказал им, что в минуты плача они созерцают ад и рай, а поэтому невозможно человеку при виде торжествующих праведников и осужденных на мучения остаться равнодушным и перенести спокойно сожаление и горесть от нестерпимых мук ада и увлечение к невообразимым наслаждениям рая. Толкователь заключил предположением, что всякий правоверный мусульманин, обрекший себя на защиту веры и не щадящий своей жизни, есть наследник неизъяснимых райских наслаждений; не держащийся

[6] Обстоятельство, здесь рассказываемое, основано на точных официальных источниках.

же единства на защиту правоверия наследует мучения ада. Наконец, он объявил, что в этот раз он созерцал, что глава правоверия, турецкий султан, благословил поднять оружие против России, а великий пророк призывает теперь сподвижников на защиту веры и наследия тех неизъяснимых райских удовольствий, которые он и все его юноши созерцали при совершении обряда перед глазами целого собрания.

С недоумением, качая головами, слушали абадзехи и шапсуги оратора. Часто и прежде твердили им о помощи турецкого султана, но ее никогда не бывало, а потому трудно было поверить им и пророчеству, соединенному тоже с обещанием помощи султана. Вместо умиленных его красноречием слушателей Абдулла-эфенди увидел насмешливые лица, особенно шапсугских старшин, и увидел, что разыгранная им комедия пропала даром. Попытка Магомет-Амина не удалась вполне, и он ясно увидел, что рассчитывать на проявление религиозного фанатизма между черкесскими племенами невозможно. Надо было ожидать других обстоятельств, более выгодных, которые бы передали в его руки власть над закубанскими и вообще черкесскими народами.

При таких условиях наступила война 1853–1856 годов с Турцией, Англией и Францией. Невозможность защищать наши укрепления Черноморской береговой линии вынудила нас вывести из этих укреплений наши гарнизоны. Преграда сношениям черкесских племен с Турцией уничтожилась. Настало самое благоприятное для Магомет-Амина время. Пользуясь тогдашними счастливыми для него обстоятельствами, он мог бы принести нам много вреда не действиями против линий, нет: кордонные линии наши в то время были защищаемы одинаково, как и в обычное время, их было много; но он мог сплотить между собой отдельные черкесские племена в один враждебный нам народ, подобно тому, как это сделал Шамиль в восточной половине Кавказа между племенами чеченцев и лезгин. Магомет-Амин понимал важность всех этих случайностей, но встретил себе противника в предводителе натухайцев – Сефер-бее.

Сефер-бей принадлежит к фамилии Зан, которая в прежнее время управляла особым племенем *хеаков*. Ныне этот народ рассеян небольшими частями между натухайцами и шапсугами. При взятии в 1807 году Анапы в числе аманатов от окрестных жителей выдан был нам и малолетний Сефер-бей. Его сперва отправили для воспитания в Одессу; но как он не оказывал успехов в науках, то и был определен юнкером в полк, квартировавший в Анапе. Однако недолго был Сефер-бей в Анапе: сперва он бежал в горы и по сдаче Анапы туркам перешел в турецкую службу, и в 1828 году был уже полковником и занимал должность анапского паши. Взятый в плен, он был отпущен на родину после заключения мира в 1829 году. В следующий за тем год он поехал в Константинополь с депутацией к султану от черкесских народов, просивших помощи. С того времени Сефер-бей остался в Турции, всячески стараясь снабжать горцев оружием и порохом, обещая им скорую помощь от Турции. Подобные действия он не прекратил и в то время, когда по настоятельным представлениям нашей миссии в Константинополе был отправлен на житье в Адрианополь.

Война 1853–1856 годов развязала ему руки. Со званием паши приехал он в Сухум, но долго не решался переехать к натухайцам, которым не мог привести с собой так давно и долго обещаемой помощи. Сверх того, он заранее считал Магомет-Амина своим врагом. Прибыв наконец за Кубань, он не успел сформировать ополчения из черкесов и всю вину свалил на Магомет-Амина, который, хотя и хотел бы действовать заодно с Сефер-беем, но, проповедуя демократию, не мог сойтись с представителем аристократической партии. Вот почему, несмотря на все усилия Магомет-Амина, он привлек к себе только абадзехов и другие черкесские племена, живущие между Лабой и Белой; натухайцы же остались верными Сефер-бею, а шапсуги – нейтральны.

Магомет-Амин для оправдания своих действий перед турецким правительством ездил в Константинополь, откуда и возвратился с некоторым запасом снарядов.

В 1855 году, в августе, Магомет-Амин решился предпринять смелое дело – овладеть Карачаем, подчинить себе этот народ и через его земли иметь возможность непосредственно действовать на Кабарду, откуда можно было в случае успеха соединиться с Шамилем. План был в высшей степени смел и дерзок; но он мог удасться и принести Магомет-Амину пользу только в том случае, когда кроме карачаевцев против нас восстали бы и кабардинцы. Шамиль еще в 1846 году хотел поднять Кабарду и даже сделал в нее быстрое вторжение, но не имел никакого успеха. Спустя девять лет то же самое хотел попытаться сделать и Магомет-Амин с противоположной стороны.

Десятого августа с отборной конной партией в 3 тысячи человек Магомет-Амин переправился у Капыня (ныне Каладжинское укрепление) через Лабу. Можно было полагать, что он предпримет покушение против отрядов, собранных на Урупе для водворения новых станиц, или будет мешать работам у Надежинского укрепления, в котором тогда находился при отряде генерал-майора Граматина начальник Кавказской линии генерал-лейтенант Козловский.

Между тем Магомет-Амин 15 августа перешел выше аула Атажукина в Тебердинское ущелье. 17-го числа партия его истребила у Эшкакона, на правом берегу Кубани, наш транспорт, шедший к отряду, расположенному на Бечлыне, в пункте, с которого в летнее время обычно отряд наш наблюдает за стадами карачаевцев. Карачаевцы в это время разделились на две части. Старики оставались в бездействии, молодежь же вся приняла сторону Магомет-Амина.

Семнадцатого числа генерал-лейтенант Козловский получил известие о вторжении Магомет-Амина в Карачай. Сейчас же решено было идти в Карачай и там разбить его партию. Горцы вторглись в Карачай через Тебердинское ущелье по таким дорогам, по которым для наших войск движение невозможно. Притом необходимо было получить с Линии подкрепление и вместе с тем заслонить Кисловодскую линию от партий Магомет-Амина. Дорога в Карачай, доступная для наших войск и по которой в 1828 году ходил генерал Эмануэль, пролегает по предгорьям между верховьями рек Кубани и Малки. Она идет через урочище Бечесан на Кадыко и далее спускается к реке Худес (впадающей в Кубань справа) по скалистой, покрытой лесом крутизне. От реки Худес тянется такой же трудный подъем на урочище Хоцико. С этого последнего опять спуск к руслу Кубани, где лежат карачаевские аулы и хутора.

Семнадцатого же числа генерал Козловский, предписав генерал-майору Евдокимову двинуться к Урупу, а полковнику Казы-Гирею войти в Тебердинское ущелье и наблюдать за горцами, сам с отрядом из четырех батальонов Кубанского пехотного полка, десяти сотен казаков, двух сотен милиции и ракетной команды выступил из Надежинского к переправе через Кубань у Каменного Моста. Чтобы от Кубани перейти к Бечесану, надо было двигаться по долине реки Мары, где большую часть дороги нельзя двигаться иначе, как в один конь; однако 18-го на рассвете отряд генерала Козловского стал в трех верстах от Магомет-Амина, который тогда же спустился к Кубани. 20-го числа отряд был на Бечесане, где получил подкрепление и послал за провиантом. Между тем полковник Казы-Гирей, двигаясь вверх по Тебердинскому ущелью, очистил его от горцев.

Полковник Преображенский из укрепления Нальчик сделал распоряжения о защите Кабардинской плоскости. Кабардинцы выслали милицию в отряд и объявили о поголовном вооружении против Магомет-Амина.

Еще 19-го числа, когда генерал Козловский стоял лагерем вблизи Бечесана, явились к нему карачаевские старшины Магомет-Асламбек и Бодра Крымшамхалов, говоря, что эфенди народный и только часть народа присягнула Магомет-Амину, остальные же верны нашему правительству.

Двадцать третьего числа, усилясь линейными 1-м и 5-м батальонами и семью сотнями казаков, генерал Козловский выступил к Кадыко, куда и подошел 25 августа. Урочище Кадыко, занятое скопищем Магомет-Амина, есть плоская возвышенность, справа и слева ограниченная

глубокими обрывистыми балками. В том месте, которое занял отряд, балки находились одна от другой в полуверсте; но тотчас же почти они сходятся, образуя узкий хребет, тянущийся по правому берегу реки Худес до впадения ее в Кубань.

Как Кадыко, так и спуски с него к Худесу и Кубани были сильно заняты горцами, сделавшими завалы и засевшими в саклях карачаевских хуторов, дозволявших в некоторых местах фланкировать завалы. За тремя рядами возвышений и завалов были заняты резервом всей партии пустые сакли.

Вслед за прибытием нашего отряда на Кадыко старшины карачаевские прибыли к генералу Козловскому с изъявлением своего раскаяния; их отпустили с обещанием прощения, если они не будут помогать партии Магомет-Амина.

Штурм позиции горцев продолжался с десяти часов утра до пяти пополудни. Горцы везде были сбиты нашими храбрыми войсками, и в ночь на 26 августа Магомет-Амин бежал за Кубань не через Тебердинское ущелье, наблюдаемое отрядом полковника Казы-Гирея, а по реке Раут, через едва проходимую местность.

Таким образом, и эта смелая попытка не удалась Магомет-Амину.

* * *

В 1856 году Линия была разделена на две части, и закубанское пространство с частью берега Черного моря составило район Правого крыла. Систематически веденные действия повели к окончательному занятию пространства между верховьями Лабы и Кубани. По Адагуму возведены укрепления. Распри между приверженцами Магомет-Амина и Сефер-бея не прекращались. Наконец, когда осенью сего года на урочище Хамкеты – между Лабой и Белой – собрался отряд для делания просек и устройства сообщений Майкопского укрепления с Лабинской и Кубанской линиями, абадзехи, а с ними и баракаевцы, живущие в верховьях реки Губс, вступили в переговоры с начальником Правого крыла Кавказской линии генерал-лейтенантом Филипсоном. Магомет-Амин, как видно из донесения князя Барятинского, сам склонял абадзехов на изъявление покорности. 20 ноября старшины абадзехов и баракаевцев в числе от 1500 до 2 тысяч человек присягнули на подданство государю императору. Первым присягнул Магомет-Амин.

По просьбе абадзехских старшин генерал Филипсон дозволил Магомет-Амину оставаться между ними, но без всякой власти, на равных правах со старшинами. Магомет-Амин с младшим своим братом и депутацией из восьми почетных абадзехских старшин отправился в Тифлис.

Двадцать первого ноября абадзехи, населяющие горный край в верховьях рек, доставили семерых назначенных от них аманатов; столько же аманатов будет доставлено от нижних абадзехов и общества Туапсе на южной покатости Кавказского хребта, на верховьях реки того же наименования, при устье которой на восточном берегу Черного моря находятся развалины укрепления Вельяминовское. Общество Туапсе причисляет себя к абадзехам.

Таким образом, между верховьями Кубани и восточной границей земли шапсугов, на северной покатости Кавказского хребта, не осталось ни одного непокорного племени. Донося об этом, князь Барятинский прибавляет: «Намереваясь ныне же извлечь существенную пользу из умиротворения абадзехов, я имею в виду упрочить наше положение в их крае исполнением тех работ, которые предполагалось производить постепенно силой оружия. При нынешней покорности этого племени те же работы могут быть окончены скорее и с меньшими средствами, но я постараюсь теперь же усилить и на Правом крыле число рабочих рук, чтобы, сколько возможно, ускорить эти работы».

По получении известия об этом важном успехе войск Кавказской армии государь император в ознаменование важных заслуг, оказанных престолу и отечеству генерал-адъютантом,

генералом от инфантерии князем Барятинским с самого начала принятия им предводительства над войсками сей армии, Высочайше соизволил произвести его в генерал-фельдмаршалы. Генерал-лейтенанту Филипсону жалован орден Святого Александра Невского.

Есть полная надежда, что примеру Магомет-Амина последует и Сефер-бей с натухаевцами и шапсугами, и тогда вся северо-восточная покатость Кавказского хребта будет покорна нашему правительству. Тогда-то наступит время для преобразования этого богатого края и начала нравственного совершенства его обитателей, а вместе с тем прекратится вековая война, столь дорого стоящая России.

Военный сборник. СПб., 1860. Т. 11. Вып. 1. Отд. 2. С. 273–324; Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Нальчик: Эль-Фа, 2001. Т. 2. С. 247–298.

Леонтий Люлье. Черкесия

Люлье Леонтий Яковлевич (1805–1862) – француз, этнограф, кавказовед. С 1820-го по 1862 год служил на черкесском побережье Черного моря; являлся сотрудником так называемой миссии Скасси, в 1820–1828 годах осуществлявшей торговлю с адыгами. После завершения русско-турецкой войны 1828–1829 годов и подписания Адрианопольского мира, по которому Османская империя «уступила» России не принадлежавшее ей черкесское побережье Черного моря, Люлье вместе с К. И. Таушем был послан российским правительством в качестве агента в глубинные районы для сбора разведывательных сведений. Во время экспедиции 1834 года под начальством А. А. Вельяминова состоял при нем в качестве дипломатического чиновника и переводчика.

Хорошая осведомленность в вопросах культуры и языка местного населения привела к тому, что император Николай I поручил ему составить словарь черкесского языка. Такой словарь под названием «Словарь русско-черкесский или адыгский с краткой грамматикой сего последнего языка, одобренный Санкт-Петербургской Академией наук» был подготовлен, перепроверен в общении с адыгами и, получив одобрение академика Шегрена, издан в 1834 году в Одессе.

Серия статей, последовавших за словарем, значительно обогатила кавказоведение.

Автор работ «Общий взгляд на страны, занимаемые горскими народами, называемыми черкесами (адыге), абхазцами (азега) и другими, смежными с ними», «О натухайцах, шапсугах и абадзехах», «Учреждения и народные обычаи шапсугов и натухайцев», «О торговле с горскими племенами на Кавказе на с.-в. берегу Черного моря» (На основе материалов «Адыгской (черкесской) энциклопедии»).

Общий взгляд на страны, занимаемые черкесами (Адыге), абхазцами (Азега) и другими смежными с ними горскими народами

Некоторые писатели, исследовавшие Кавказ, разделили жителей его на столько отдельных народов, сколько им представилось отдельных племен и их названий. В последнее время понятия наши об этой стране сделались более ясными; но нельзя еще сказать, чтобы они были точны и совершенны. В особенности сведения о народах, известных под названием черкесов, требуют пояснений.

Не знаю почему, но мы привыкли все племена, населяющие северную покатость Кавказских гор, называть черкесами, между тем как они называют себя *адыге.* С племенами адыге граничат еще называющиеся *азега,* то есть абазинские племена и др.

Постараюсь изложить некоторые сведения, касающиеся племен адыге и азега.

I. Адыге, или черкесское племя

Оно состоит из следующих отраслей:

I. Абадзех
II. Шапсуг
III. Надкуадж
IV. Кабертай
V. Бесленей
VI. Мохошь
VII. Кемгуй
VIII. Хатюкай
IX. Бзедуг
X. Жан

Нелишним будет упомянуть о племенах *адыге*, коих самобытность прекратилась. Они следующие:

1) *Чёбсин.* Оно совершенно слилось и вошло в состав натухажского народа. Одна из долин восточного берега Черного моря – пепелище этого племени – сохранило его имя и поныне[7]. Между натухажцами проживает потомок их владетельного дома, князь Бастоко Пшимаф, без всякой власти и преимуществ, присвоенных его происхождению[8].

2) *Хегайк.* Большое некогда племя, занимавшее окрестности крепости Анапа, где теперь живут натухажцы, в котловине Чехурай. Истребленные войной и окончательно чумой в 1812 году и будучи не в состоянии по малочисленности своей сохранить самобытность, хегайки совершенно слились с натухажцами[9].

3) *Хетук,* или *адале*. Они жили на полуострове Тамань до занятия его войском Черноморским, и потому-то татары прозвали их «адале», что значит на татарском языке *островитянин.*

---

[7] *Чебсин* (Вулан – на прежних картах) был занят в 1837 году генерал-лейтенантом Вельяминовым, и на этом месте построено укрепление Михайловское, взорванное в 1840 году капитаном Лико, когда горцы его осаждали.

[8] Бастоко жил в последнее время близ Новороссийска, в чине поручика.

[9] Дюбуа ошибочно показал: Tableau comparatif des noms donnes aux tribue Tscherkesses etc. T. 1. P. 64. Chegaki, comme tribu existente en 1838 et forte de 20 m. habitans.

Предания о происхождении их неясны: некоторые причисляют их к корню адыге, а другие – к корню азега; но, будучи окружены с одной стороны татарами, а с другой – черкесами, они потеряли свою народность. Несколько семейств рассеяны между натухажцами, ничтожные остатки этого племени проживали в последнее время в 30 верстах от Тамани, в деревне Ада, будучи перемешаны в ней с ногайцами, татарами и выходцами из гор – черкесами.

Знаменитый Паллас во втором путешествии своем упоминает еще о *тубах* (Tubi), которых он смешивает с абадзехами и убыхами (Abadseches et Ubichs)[10]. *Туб* есть название не племени, а местности, находящейся на верховьях абадзехской земли и населенной этим племенем. Убыхи же в отношении абадзехов живут за хребтом.

Географическое положение земель, занимаемых адыгскими племенами, следующее:

I. *Абадзех*[11]. Это племя занимает места на северном склоне Кавказского хребта в долинах, по коим протекают следующие речки[12], впадающие в Кубань (Пшиз)[13]:

1) Схагуаше, или Белая речка, с притоками: a) Курджипсе, b) Пчеха, c) Пхаць, d) Тфисепс;

2) Лаба с притоками: a) Псизюе (Малая Лаба)[14], b) Шегипсинь (Чохраге), c) Хагур (Ходзь), d) Фарз;

3) Пшишь с притоками: a) Март, b) Пчас (Пчаг);

4) Псекупсе с притоками: a) Дюсь, b) Цаок, c) Чибий;

5) Вуанобат (Вонобат);

6) Суп, служащая пограничным рубежом с шапсугским племенем.

II. *Шапсуг.* За речкой Суп следует племя шапсугов, которое населяет долины по следующим речкам:

Убин[15] (впадающая в Кубань) с притоками: a) Псекабе[16], b) Шебж (Пшибж), c) Афипс, d) Иль, e) Аз (Азипсь), f) Хапль, g) Антхирь, h) Богундюр, i) Абин, j) Коафь, k) Шебик, l) Шипсь. Последние девять речек теряются в болотах Аушедских и Тлакофижских, не доходя до Кубани.

III. *Наткуадж* (натухай). Это племя живет в горах и на равнинах, окрестных крепости Анапа.

Начиная от границы шапсугов, следующие речки, протекая в долинах по направлению к Кубани, теряются в болотах или впадают в Кубань и лиманы, кои образует эта речка при устье своем:

1) Адекум[17] с притоками: a) Неберджай, b) Атекай, c) Бакан, d) Гешепсин; 2) Кудако, 3) Псифь, 4) Непитль, 5) Копе, 6) Псебебс, 7) Шегуо (Шуго), 8) Чекупсь (Чикубс), 9) Шекон, 10) Напсухо, 11) Востигай (Гастагай), 12) Сюмай, 13) Унепхахурай, 14) Тазюипшь.

Следующие речки вытекают из гор, образующих котловину (Bassin), называемую Чехурай, и впадают в речку Бугур (Анапка), образующую болота близ крепости Анапа, имеющие

---

[10] Edition de Paris. 1811. T. 2. P. 116 et 152.

[11] Невзирая на однозвучие и сходство слов «абадзех» и «абадзе» (абазинцы), надобно принять во внимание, что первое есть имя местности, означающее на черкесском языке «ниже абазинцев» и доказывающее, что абазинцы жили в отношении абадзехов выше.

[12] Долины и речки, по ним протекающие, имеют одно общее название.

[13] **Пшиз** есть название Кубани у горцев, в буквально смысле – «старый князь».

[14] В скобках означены названия, показанные на кавказских картах, изданных в Тифлисе.

[15] Не надо смешивать реку Убин с рекой Абин. На сей последней была построена в 1834 году крепость отрядом войск генерал-лейтенанта Вельяминова.

[16] Вероятно по ошибке, Ф. Фонтон (Tableau du Caucase. P. 29) ставит Псеабе (Psekab) на южном скате Кавказского хребта.

[17] **Адекум** признается границей между шапсугами и натухажцами, а не Пшецизь, как упоминает Ф. Фонтон (P. 29), которая в земле шапсугов образуется болотом. Точно так же г-н Дюбуа (Liv. 1. P. 38) говорит об округе Adekau ou Adekoum; он смешивает названия: действительно из горы Маркотхе вытекают два ручья – Шедогопс и Нако (а не На), впадающие в Адекуау (Adekau), который сам воды свои изливает в речку Абин. Из сего видно, что Адекум принадлежит совсем к другой местности, тогда как Адекуау находится посреди земель шапсугов (См.: Дюбуа. Liv. 1. P. 156).

исток в море: a) Куматир, b) Копеса, c) Китлемидж, d) Псекиаха, e) Мезкиага (Мескаго), f) Декос (Докос), g) Бенепсин, h) Шимь, i) Бидь и j) Цеокай.

Нижепоименованные долины и речки имеют свое начало: некоторые у Главного хребта, идущего параллельно берегу Черного моря до соединения его со снежными горами, а некоторые из отрогов оного. Все долины эти, примыкая к морю, куда и сами воды их стекают, расположены в следующем порядке, начиная от крепости Анапа и следуя к югу:

1) Хендерий, 2) Сукхо, 3) Дирсюе, 4) Озерейк, 5) Мисхаки, 6) Цемез, впадающая в Суджук-Кальскую бухту, называемую туземцами *Кутлешхуо*, 7) Доб, впадающая в ту же бухту более к югу, 8) Ашампе, впадающая в море (Ашамбе), 9) Ацезивгу, впадающая в Геленджикскую бухту, называемую туземцами *Кутлезий*. Затем прочие долины примыкают все без изъятия к морю: 10) Мезиб, 11) Хапецай (Хотецай), 12) Джанхотий, 13) Нахапш – последние три вытекают из отрога Главного хребта, 14) Пшад[18] (Пшат), 15) Беше вытекает из отрога, 16) Чёбсин, 17) Бзид, 18) Джубг (Джуб), 19) Шапсухо, 20) Кузиепсь, 21) Плако, 22) Нигепсухо, 23) Дуз, 24) Ту, 25) Хакоай, 26) Небуг, 27) Агуие, 28) Псешись, 29) Туапсе[19], 30) Дедеркуай, 31) Сепсе, 32) Шуук (Шуек), 33) Мокупсе, 34) Мюзюегопсе, 35) Аше, 36) Дзешь, 37) Копсе, 38) Псезюе, или Пезюане, последние четыре коллективно – Гоаие, или Шехокуадж, 39) Голиех, 40) Чигезиане, 41) Нибепс, эти три коллективно Цюхух, 42) Безюей, 43) Тлате, или Калезипь, 44) Кодес, последние три коллективно Шимитокуадж, 45) Шахе, или Субеших, 46) Осакай, 47) Казий, или Казиап, 48) Берендуапь, 49) Десхать, 50) Бу, или Буапь, последние пять коллективно Хизе. Здесь оканчиваются земли натухажцев.

IV. *Кабертай*[20] – одно из значительнейших племен адыге; они разделяются на Большую и Малую Кабарду. *Большая* расположена между речками Малка и Терек, а к югу примыкает к осетинам. Она разделена между четырьмя княжескими родами: *Джинбот, Месост, Хатохшок* и *Кайток. Малая* занимает правый берег Терека до предгорий и берегов Сунжи. Она управляется двумя княжескими родами: *Татлостан* и *Гилосхан.*

V. *Бесленей.* Это племя занимает в Кубанской котловине земли, орошаемые водами речек Ферзь, Гегене (Большой Тегень), Гегенезий (Малый Тегень) и Воарп.

VI. *Мохошь.* Земли, им занимаемые, орошаются ручьями Чехурадж, Белогиак и Шеде.

VII. *Кемуй,* или *темиргой* – на картах Кавказа. Это племя живет на пространстве, заключающемся между реками Кубанью, Лабой и Схагуаше.

VIII. *Хатюкай (хатукай).* Племя, живущее между реками Схагуаше и Пшишь.

IX. *Бзедуг.* Общее наименование двух поколений *черченей* и *хамышей*; первое расположено на левом берегу Кубани между реками Пшишь и Псекупс, а второе – от Псекупса до границ шапсугов.

X. *Жан,* или жанеевцы. Племя некогда могущественное и сильное. Слабые остатки его ныне расположены в 70 верстах ниже бзедугов, на острове, образуемом двумя рукавами Кубани и называемом черкесами *Детлясвь*, а черноморскими казаками – *Кара-кубанский остров.* Несколько семейств этого же племени живут на Адекуме между натухажцами.

У черкесов нет общего названия всему Кавказскому хребту. Слово «Кусха» значит у них *горы*. Главнейшие из них носят особенные названия, которые, начинаясь от крепости Анапа, где хребет примыкает к морю значительным обрывом, суть следующая: Шидиз, Неугир, Сера-

---

[18] Ф. Фонтон (P. 29), говоря о Черноморском побережье, упоминает о Duab; Дуаб действительно есть, но она впадает с правой стороны в речку Пшад, в шести верстах от ее устья.

[19] У Ф. Фонтона – Tuab, правильнее: Туапсе. Капитан-лейтенант Манганари на карте восточного берега Черного моря первый обозначил местности названием верным.

[20] Несколько кабардинских семейств с подвластными перешли разновременно в долины двух Зеленчуков и составили отдельную усадьбу в соседстве с абадзехами. Они известны у нас под именем абреков.

тай, Пшевуалез, Маркотх, Пцазюитхь, Тгаджиакиипь, Кенцегур, Себеркуасхь и множество других и, наконец, Гиангер, или Гагра[21].

II. Азега, то есть абхазские племена[22]

Азега составляют племена:

I. *Садзен,* занимающие пространство по берегу Черного моря от речки Хамыш до Гагры и известные у нас под именем *джигет.*

II. *Абсуа* (Абхазия), живущие от Гагры по берегу моря до реки Ингура и носящие у нас название *абхазцев*. Страна, ими занимаемая, называется *Абсне*.

III. *Медозюи,* на картах Кавказа – медовеевцы, живущие на востоке от убыхов и подразделяющиеся на *псху, ахчипсу и аибга* (аибу).

IV. *Замбал,* или цебельдинцы, известные у черкесов под названием *хирпсь-куаджь*. Жилища их расположены по реке Кодор в долине Дал.

Абхазские племена, обозначенные на картах Кавказа под названием *абазинцев*[23], следующие:

V. *Баракай,* или *бракий*, живущие в горах на верховьях реки Гупс.

VI. *Баг*[24] – на верховьях реки Ходзь.

VII. *Шегерай* – на верховьях реки Малая Лаба [4].

VIII. *Там* – на верховьях реки Большая Лаба.

IX. *Казильбек,* или *казбек-коаджь*, – между верховьями Большой и Малой Лабы.

X. *Башильбай* – у верховьев рек Уруп и Большой Зеленчук.

XI. *Басьхог,* называемые татарами *алтыкесеки;* и действительно отрасль эта составлена из шести племен, носящих имена владетельных князей своих. Они живут в разных местах Кубанской котловины (bassin). Имена их следующие: a) биберд, b) лоу, или лов, c) дударук, d) кияшь, e) джантемир и f) клишь.

Переселение последних племен с южного на северный склон хребта совершилось в конце XVII столетия, с предварительного согласия кабардинцев, которые уступили им часть своих земель. Причиной переселения были внутренние раздоры и отчасти недостаток земли на прежнем их месте жительства – Вордане. Другие, упомянутые выше, абхазские племена разновременно последовали примеру басьхогов.

Между землями, населенными с одной стороны натухажцами, а с другой – джигетами, находится отдельное племя *убыхов.* Из них прибрежных черкесы называют *абадзе;* живущих же на верховьях речек к хребту – *убыхами.* Жилища их расположены на следующих речках в долинах, примыкающих к морю: a) Зюебзе, b) Лоу, или Лоупь, c) Ниге, d) Батхь, e) Догомепсе[25],

---

[21] Ф. Фонтон в сочинении своем (Tableau du Caucase) упоминает о трех главных пунктах: Идокопасхь, Шяпсюг и Ногайгюсь, как о трех мысах, вдающихся в море. Считаю нужным объяснить: 1) Идокопасхь действительно есть мыс, составляющий северную оконечность долины Нихапшь; 2) Шапсюг, вероятно Шапсухо, – долина, примыкающая к морю; но тут мыса, заслуживающего особого внимания, нет; и 3) Ногайгюсь. Черкесы называют Ногайкусха Бештад, что у Кавказских Минеральных Вод, близ города Пятигорска. Ногайкусха в переводе означает Ногайские горы, оттого что некогда жили и отчасти теперь живут вблизи ногайцы.

[22] Абхазцы называют соседей своих – джигетов и даже убыхов – садзен, сохраняя им и их название. Черкесские же племена они отличают под общим наименованием азух. Интересно бы разъяснить этимологию этого слова с Azak и Azow, тем более что George Interiano, писатель 1551 года, говорит, что народ адыге жил тогда на азиатском берегу Азовского моря. Кабардинцы прибрежных абхазцев именуют аибга, а мингрельцев – тооль.

[23] Во избежание всякого недоумения следует объяснить, что abasintzi и abadzas, о которых упоминает Ф. Фонтон (P. 129), суть одни и те же; поэтому неосновательно было бы полагать какое-либо различие между названиями абаза, абазинцы и абхазцы (Tableau du Caucase. P. 4).

[24] Они отделились от медовеевцев.

[25] У Ф. Фонтона неправильно названа Dagamza, у Белля (Bell) – Tramerse.

f) Психе, или Момай (все коллективно – урочище Вордане[26]), g) Саше, или Сочи, i) Хамишь, или Хоста (эти две – урочище Саше).

На северном склоне гор находятся еще отрасли татарских племен:

I. *Карачай,* жилища коих расположены у западного подножия Эльборуса[27], на верховьях реки Кубани. *Шегем* (Чегем), *балкар* и *уруспий* одного с карачаевцами происхождения.

II. *Ногой,* или *ногайцы*, известные более под названием имен их князей Мансур и Навруз и живущие между Лабой и Кубанью, – остатки монгольской орды кипчаков.

В отношении разделения тех племен на черкесские (адыге) и абхазские (азега) следует заметить, что кабардинцы и другие адыгские племена, сохранившие феодальное управление, называют абадзехов, шапсугов и натухажцев общим именем *абадзе-чиль,* что значит: *абазинские народы;* всех же закубанцев, исключая бесленеевцев, – *кияхъ,* то есть *низовые жители*; абадзехи же, шапсуги и натухажцы называют все племена, сохранившие феодальное управление, включая в то число и кабардинцев, *адыге-чилъ,* то есть *адыгские народы.*

Часто народ теряет настоящее свое название, между тем как оно остается в памяти у соседей. Не могло ли это случиться и у черкесов (адыге)? Хотя в настоящее время нет никаких данных, которые служили бы основанием к какому-либо заключению по настоящему предмету, но, может быть, дальнейшие расследования рассеют мрак, покрывающий происхождение этого народа. С моей стороны, я ограничусь изложением того, что мог узнать во время пребывания моего между этими племенами.

Вот основание их разделений:

бесленеевцы отделились от кабардинцев под предводительством их князя Каноока и по настоящее время не потеряли еще нити родства, соединяющего их с последними. От переселения этого прошло не более столетия.

Темиргойцы, хатукайцы и *хегаки* имели общего родоначальника *Болетока,* который разделил владения свои между тремя сыновьями: Айтекок получил в удел *Темиргой* (Кемгуй), Хатиок дал полученному им уделу свое имя *Хатшукаи,* Занок владел уделом *Хегайк*[28]. Княжеские дома эти признают и ныне узы родства, их соединяющие.

Бзедух имел двух сыновей: Киркян и Хамышь. Именами их назвались два племени: *Киркинай,* или Черченай, и *Хамышей.*

У *мохошевцев* родоначальник Богарсок, у *жанеевцев* – Бекхан.

Если включить в эту семью кабардинцев, то адыгские племена, сохранившие феодальное управление, естественным образом можно разделить только на шесть родов. Я не упоминаю здесь (то есть в разделении) о натухажцах, шапсугах и абадзехах, потому что племена эти в сравнении с вышепоясненными получили быт свой весьма недавно. Постепенное развитие их народности я изложу в особой статье.

Ученый Дюбуа (Указ. соч. Кн. 1. С. 102) разделяет черкесские племена на черкесов, кабардинцев, абазинцев (Abadzes) и абхазцев (Abhazes). Из вышеизложенного видно, что разделение Дюбуа неосновательно, ибо племена его названий составляют не четыре отрасли общего корня (как он говорит), а два народа отдельного происхождения. Слова: *Абазия* (Abadze) и *Абхазия* (Abhaze) есть название одной и той же страны: первое произносится по-черкесски, а второе – по-грузински. Основательность такового подразделения опровергают еще наречия, коими говорят те племена: черкесы, то есть адыге и кабардинцы, говорят языком адыгским; абхазцы же – абхазским, и оба эти языка не имеют между собой ни малейшего сходства. Дюбуа мог заметить (как он пишет) в абхазском языке несколько производных слов

[26] Достойно замечания, что род владетелей Гурии, Гуриель, носит название Ворданидзе (Кавказ. 1817. № 26).

[27] Эльборус у черкесов называется *Кусха-Мафь* и означает: «Приносящая счастье», «Счастливая гора».

[28] Потомок этой фамилии Карабатыр жил между натухажцами; отец же его Сефер-бей после занятия крепости Анапа в 1828 году выехал в Турцию.

языка черкесского, то есть адыгского; но коренных не мог в нем найти. Слова эти могли войти в абхазский язык по случаю давнего соседства двух народов точно так же, как в местах Абхазии, близких к Мингрелии, можно заметить в абхазском языке несколько слов картвельского происхождения.

Некоторые из племен черкесских, именующихся адыге, оспаривают это наименование, хотя оно, впрочем, сделалось общим для всех черкесов. Настоящими адыгами признают кабардинцев, бесленеевцев, темиргойцев, хатукайцев и хегайков; другие же племена, управляемые также феодально, как то: бзедугов, мохошевцев и жанеевцев – называют иногда *абадзе*. Я старался узнать причину такого различия, но не мог получить удовлетворительного объяснения. Разве это приписать тому, что первые из поясненных племен, по-видимому, на южном скате гор никогда не жили, тогда как последние занимали некогда различные пункты морского прибрежья.

Из расследований моих я мог вынести следующие сведения о переселениях адыгских племен:

жанеевцы жили некогда в долине Цемезь, примыкающей к Суджук-Кальской бухте, и вдоль берегов Черного моря до Пшады; оттуда перешли они на северный скат гор и под влиянием различных событий окончательно водворились на Адекуме. Тут они были разорены отрядом русских войск в 1804 году. Ныне слабый остаток этого племени живет на Каракубанском острове;

чёбсины, сродники жанеевцев, оставили после себя память, дав имя свое одной из долин, примыкающей к Черному морю, и ныне слились, как выше сказано, с натухажцами;

бзедуги жили некогда в приморской долине, называемой *Tyance*, а оттуда перешли на Кубань;

мохошевцы тоже жили на южном склоне Кавказских гор до перехода на северный;

гоаие[29] занимали долину Псеюзе и несколько других. Значительность этого племени доказывается ныне числом фамилий, слившихся с натухажцами и шапсугами. Главные дворянские фамилии этого племени Карзейк и Куиецюк; княжеская же – Шесхако – пресеклась.

Цюхух. Этим именем называется урочище, образовавшееся из нескольких долин, примыкающих к морю. В настоящее время там живет дворянский род Цюхь; княжеский же – Арин – пресекся.

О переселениях кабардинцев приведу предание, оставшееся в памяти у черкесов.

Кабардинцы считают себя аравийскими выходцами[30] и при этом повествуют следующее.

Вследствие междоусобных[31] раздоров один из народных предводителей переселился со своими подвластными и приверженцами в Анатолию. По прошествии некоторого времени, которого предание не определяет, колонии этой угрожала армия мусульман с целью обратить жителей ее к учению пророка. Когда предводитель армии на предложение, сделанное переселенцам, принять учение Магомета получил отказ и приказал армии своей двинуться вперед, то она задержана была какой-то сверхъестественной силой. Это заставило мусульман оставить переселенцев в покое. Далее предание гласит (не определяя тоже эпохи), что выходцы предприняли другое переселение и очутились в Крыму. Каким путем они следовали, кто был их предводитель – неизвестно; но присутствие их в Крыму подтверждается названием некоторых местностей, а именно: существуют там и поныне развалины замка, называемого *Черкес-Кермен;* равнина между речками Бельбек и Кача называется *Кабарда* и *Черкес-дюзь,* то есть Черкесская равнина.

---

[29] Le Waia de M. Bell.

[30] *Pototski J.* Voyage dans les steppes d' Astrakhan etc. T. 2. P. 155.

[31] Там же. P. 161; Note de Klaproth.

Из Крыма выходцы перешли на Кавказ. Предание умалчивает о событиях, понудивших их к этому новому переселению, и о времени, в котором оно совершилось. Выходцы заняли равнины в окрестностях нынешней крепости Анапа. Тут царствовал со славой, в начале XV столетия князь *Инал Теген*[32], которого кабардинские князья считают своим родоначальником и слава которого гремела по всему Кавказу. Царствование этого князя подтверждается тем, что большое число речек, родников и колодцев, начиная от крепости Анапа, где есть *Инал-и-псинь* (то есть Иналов родник), и по всему протяжению дороги, ведущей в Кабарду, носят его имя. Между прочим вытекающий из горы на Урупе ручей и близ Эльборуса гора называются *Инал.*

На новом месте переселения выходцы были преследуемы крымским ханом, но по какой причине – предание этого не объясняет. Узнав о приближении хана, они начали удаляться внутрь страны; но хан настиг бежавших, и они вынуждены были дать сражение.

В этом бою убит их предводитель (коего имя сохранило предание) Беаслан Бакан[33]. На ней (равнине. – *Изд.)* виден еще курган, правильно сложенный из камня, на который указывают как на могилу Бакана. После этой битвы переселенцы расположились было в долине, смежной с Баканской и носящей по настоящее время название *Богого,* что значит «слезная». Второе сражение с ханом происходило на земле нынешних шапсугов, в долине Абин, в которой есть местность, сохранившая и поныне название *Вуордебуадж*[34], что значит на черкесском языке *Ордынская равнина.* Тут хан потерпел поражение и уже более не преследовал выходцев.

Следуя по направлению на восток, переселенцы основались было на некоторое время на берегах реки Схагуаше; но оттуда по стечению неизвестных обстоятельств перешли к подошвам гор Бештау, где, по историческим данным, жили в XV веке. В настоящее время они живут на Баксане, и местность эту черкесы называют *Кабертай-Туадж*.

Из вышеизложенного видна нить, соединяющая народы адыгского происхождения и переход разных племен с южного на северный скат Кавказских гор. Можно заключить, что адыгские племена вместе с абхазскими должны быть если не первобытными, то по крайней мере древнейшими жителями морского прибрежья. Племена, переселившиеся на северный склон, хорошо помнят места, на которых жили их предки.

Хотя не имеется положительных данных, но можно полагать с некоторым основанием, что на переселение черкесских племен, то есть адыгских, живших на северном склоне Кавказского хребта, имело влияние появление монголов, шедших в 1237 году на покорение Казарии; а потом поход Батый-хана и, наконец, Тимура в 1395 году на Азов (Azak), по [данным] мусульманских историков. Ежели частые наводнения народов имели влияние на переселения племен северного ската Кавказского хребта, то обитавшие на южном, будучи защищены неприступным хребтом, находились вне этого влияния.

Можно судить о переменах народонаселения северного склона, сличив настоящее с тем, которое нашел Паллас во время второго путешествия своего в 1793 и 1794 годах.

Основываясь на предыдущих данных, можно оспаривать мнение некоторых писателей, утверждавших, что народы, живущие на южном скате Кавказского хребта, на северный никогда не переходили. Это может быть справедливо в отношении картвельских племен; но что касается племен адыгских и абхазских, то ясные следы такого перехода изложены выше. Хотя горы могли служить убежищем во время прилива и отлива народов, проходивших по Южной России, но при всем том нельзя сомневаться, чтобы на народы северной покатости не простиралась власть, более или менее упроченная, царей боспорских, казар и других, владычествовавших поочередно в северной части Кавказа, до появления крымских ханов[35], от которых

---

[32] *Pototsky J.* Указ. соч. Т. 2. P. 154; Dubois de Montpereux. Voyage autour du Caucase. T. 1. P. 78 (Далее: Dubois).

[33] На дороге, ведущей из земли натухажцев к шапсугам, есть долина, называемая и ныне *Бакан*.

[34] Местная легенда указывает на эту равнину, как на поле битвы с татарами.

[35] Татары овладели Крымом (Казарией) в 1237 году.

черкесы были также в некоторой зависимости. В поэмах адыге упоминается о каком-то походе к *Темир-Капу* (Железные врата), в котором они участвовали по наряду хана. На эту поэму черкесские дворянские фамилии (тлякотлешь) ссылаются как на документ, доказывающий древность их происхождения, и оспаривают право дворянства у тех фамилий, кои в ней не упомянуты. Наконец, изречение *«Хан-я-бюнь-терь-яй»,* то есть «Мы принадлежим к ханскому роду», обратившееся в поговорку, служит подтверждением вышеизложенного.

Сведения, собранные ученым Дюбуа[36] о народе черкесском, заслуживают внимания. Ежели у него вкрались некоторые ошибки в отношении подразделений нынешних черкесских племен, то это произошло от неосновательности доставленных ему сведений, которые он принял за основательные. Например, *езерукай* (еджерукай) и *адемий* не составляют отдельных племен, но входят в состав: первый – черченейцев, а последний – темиргойцев. Это усадьбы, названные именами их владельцев, дворян Езеруко и Адемий. В Magasin Asiatique de Klaproth (P. 290) производят адемий от *адемдад* (Adem-Dhat). На это замечу только, что Прокопий (Procope), упоминающий об адемдатах, жил в 543 году, а потому невозможно, чтобы племя это с того времени жило постоянно на реке Кубани, где оно занималось рыболовством во времена Прокопия.

Это обстоятельство доказывает, с какой осторожностью следует выводить заключение, основываясь на сходстве племен, переданных нам древними писателями, с именами, встречаемыми на тех же местах в настоящее время, чтобы избегнуть ошибок, в коих Дюбуа упрекает Прокопия.

Я выше упомянул, что на берегу Черного моря, между землями натухажцев и джигетов, обитает племя убыхов. Оно не принадлежит ни к адыгскому, ни к абхазскому корню. По ученым исследованиям графа Потоцкого и по топографическому положению убыхов не будут ли это остатки древних аланов[37] (Ass ou lass) средних времен? Граф Потоцкий не мог войти с ними в сношения, изучить их язык и тем решить эту интересную историческую задачу.

Хотя на картах Кавказа и были обозначены убыхи, но они еще очень недавно не считались отдельным народом, а причислялись к черкесскому племени (адыге). Прокопий (Procope) в 529 году, Массуди (Massudi) в 943-м и Константин Порфирородный (Const. Porphyr.) в 959 году указывают на аланов (Alains) и на страну их (Alania), как соседнюю с Абхазской[38]. Путешественники Барбаро (Josaph. Barbaro) в 1436-м, Ламберти (le pere Archan. Lamberti) в 1624-м и Шарден (Chardin) в 1671 годах упоминают об аланах, живших тогда на Альпийских высотах Абхазских гор, у истоков Кубани[39] и по древней дороге в Кодорской долине, примыкавшей к Диоскурии (Dioscurias). Замечательно, что поныне существует у убыхов одно племя (dan), носящее имя *алань.*

Рассмотрим теперь наречия, на которых говорят вышеописанные народы.

На черкесском языке говорят, с малыми оттенками, все племена адыге, живущие на северной покатости Кавказского хребта от Терека до устьев Кубани и вдоль восточного берега Черного моря до границ убыхской земли.

Язык черкесский не имеет никакого сходства с прочими наречиями Кавказа, ни даже с татарским, хотя в состав его вошли некоторые слова последнего от владычества ханов крымских и вследствие торговых сношений с Турцией. Кабардинское наречие разительно отличается от прочих наречий того языка. Бесленеевцы со времени отделения их от Кабарды значительно изменили свой язык, который в настоящее время более подходит к черкесскому. Между

[36] *Dubois*. Voyage autour du Caucase etc. T. 1. P. 53.

[37] *Pototski J.* Voyage dans les sleppes etc. T. 2. P. 106, 146, 181.

[38] *Dubois*. Voyage outour du Caucase ets. T. 4. P. 378.

[39] *Pototski J.* Voyage dans les steppes etc. T. 1. P. 321 et 328.

прочими племенами адыге заметно то различие в языке, какое встречается в великороссийских губерниях в русском.

Абхазским языком (азега), не имеющим никакого сходства с черкесским, говорят все абхазские племена как на южном, так и на северном скате Кавказского хребта с некоторыми оттенками, более заметными между жителями обоих склонов.

Убыхи говорят особым языком, не имеющим сходства ни с черкесским, ни с абхазским. Со временем язык этот может исчезнуть по всеобщему употреблению языка черкесского.

Паллас[40] полагает, что древние черкесы были скитающимися рыцарями, которые, покорив народы, на Кавказе жившие, нечувствительно сообщили им свой язык, подобно тому, как лифлянды изучили язык тевтонских рыцарей. Если бы это было справедливо, то в таком случае сохранилась бы в народе память о пришельцах, царствовавших над ними по праву сильного. Паллас мнение свое основывает на том, что будто бы князья и дворяне в Кабарде имеют особое наречие, которое скрывают от простого народа. Точно, существовало между черкесами искаженное наречие (argot), коего ключ не каждому был известен. Оно называлось *шахобзе,* то есть языком охотничьим[41].

При исследовании какой-либо страны в историческом отношении нельзя, конечно, упускать из виду народные предания, но черкесские народные предания не могут доставить никакой в этом отношении пользы. Они представляют несвязный рассказ событий, которые невозможно распределить так, чтоб составить из них одно целое и правдоподобное. Черкесы не имеют письменных памятников; их заменяют неопределенные легенды, к тому же народ этот не имеет ни времени, ни той любознательности, которые побуждают к изучению прошедшего. Малое между ними число сохранило в памяти события новейшие. Но между тем нельзя сказать, что у черкесов нет народных преданий и что память о предках остается в забвении. Предания действительно существуют, но в них все, что относится к отдаленному времени, сокрыто тканью легенд и искажено баснословием. Поэмы – единственные у них исторические памятники, в них прославляют они подвиги своих героев.

Предания эти имеют тот недостаток, что описываемые в них факты не определяются хронологически; да, кроме того, повествователь, увлекаясь пристрастием к своему племени или желанием угодить влиятельному лицу, под покровительством коего находится, излагает события в ущерб правде. Кто пожелал бы разобрать этот хаос, тот должен был бы посвятить себя на несколько лет постоянному труду, не будучи притом уверенным в успехе.

В заключение нелишним будет упомянуть об амазонках, о коих повествования дошли до нас в творениях древних писателей. Не стану опровергать достоверности черкесского предания, переданного нам Рейнеггсом (Reineggs. Liv. 1. P. 23), но замечу, что нельзя основываться как на факте, доказывающем существование амазонок, на рассказе Ламберти (le pere Archan. Lamberti), что «в его время «Дадиан, воюя с народами, расположенными на запад от Эльборуса, нашел между павшими на поле битвы женщин в латах и вооруженных». Это легко могло случиться, ибо, по рассказам горцев, сведущих в преданиях их страны, они до появления русских на Кавказе имели частые стычки с калмыками, коих жены, вооруженные и конные, принимали участие в сражениях рядом со своими мужьями. Ламберти путешествовал в 1620 году – в эпоху, в которую присутствие калмыков в соседстве с Кавказом не представляет

---

[40] *Pallas P. S.* // Edition de Paris. 1811. T. 2. P. 154.

[41] *Pototski J.* Voyage dans les steppes etc. T. 2. P. 186.*Примечание.* Говоря о наречиях адыгского племени и смежных с ним, нелишним будет, как полагаю, упомянуть и о прочих существующих на Кавказе.Разными наречиями картвельского корня говорят грузины, имеретины, гурийцы, мингрельцы и сванеты. Лезгинским – в Лезгистане. Кистинским говорят собственно кистинцы и одноплеменники их – чеченцы, ингуши и карабулаки; осетинским – тагаурцы и дигорцы. Татарским говорят в мусульманских провинциях Закавказья, в прибрежных к Каспийскому морю ханствах, в Дагестане и по Тереку кумыки. Итак, кавказские народы, за исключением татарских племен, естественным образом разделяются на семь главных отдельных родов, не имеющих никакого сходства между собой и говорящих особыми языками, как то: 1) картвельский, 2) лезгинский, 3) кистинский, 4) осетинский, 5) черкесский, 6) абхазский и 7) убыхский.

ничего неправдоподобного. Поэтому можно полагать, что женщины, за которых Дадиан обещал большую награду тому, кто доставил бы ему хоть одну живой, были не кто иные, как жены калмыков.

Дюбуа упоминает о колонии русских беглецов, живших будто бы у верховьев реки Бзыбь, коих соседи-абхазцы очень уважали. Это столько же неправдоподобно, сколько и существование в Абхазских горах еврейской общины, о которой упомянуто в статье «Согденские скалы», помещенной в январской книжке «Пантеона» 1852 года.

ЗКОИРГО. Тифлис, 1857. Кн. 4.

О натухажцах, шапсугах и абадзехах

До занятия русскими крепости Анапа, а впоследствии Черноморской береговой линии понятия о народах, населяющих прибрежье Черного моря, были весьма ограниченны, и с того только времени мы начали изучать эту страну. Несмотря на сочинения о племенах этих Клапрота, Палласа, Гюльденштедта, Рейнеггса, Дюбуа де Монпере и Броневского, мы не имеем еще полных о них сведений. Постараюсь поэтому пополнить некоторые пробелы сведениями, приобретенными мною во время пребывания моего между теми племенами.

В исследованиях подобного рода народные предания служат большим пособием; но я имел случай пояснить в предыдущей статье[42], до какой степени можно полагаться на предания тех народов. При таком недостатке собранные мною сведения почерпнуты из рассказов лиц, с которыми я находился в сношениях.

Не вдаваясь в глубокую древность, когда на берегах Черного моря обитали зихи (Zigues), керкеты (Cercetes) и мосщиты (Moschytes) (Strab. Lib. 2), ограничусь приведением здесь на память, что Георгий Интериано (George Interiano), живший в 1552 году, нашел, «что народ, называвшийся адыге, занимал [территорию] от реки Дона по азиатскому берегу Азовского моря до Боспорского пролива и далее по берегу Черного моря».

Хотя черкесские племена адыге считают прибрежье Черного моря старым своим пепелищем (*хекуз*), но трудно разъяснить: первобытные ли они жители тех мест или пришельцы.

До образования своей самобытности натухажцы и шапсуги в числе прочих племен Черноморского прибрежья, из коих главное было *гоаие*, занимали следующие места: а) натухажцы в урочище Тагапс, в верховьях долины Псезюе, или Псезюапе; б) шапсуги в урочищах Атсейниб и Бебеколайге, в той же долине Псезюе. В это время оба эти народа состояли только из пяти коренных отраслей: 1) надхо; 2) нетахо; 3) кобле; 4) схапете и 5) сотох. Первые две вошли впоследствии в состав натухажцев, а последние три – шапсугов. Впоследствии племя гоаие вошло тоже в состав натухажцев.

Абадзехи первоначально составляли тоже небольшое племя и занимали, по мнению одних, места в урочище Мадзмей, области нынешних убыхов, у верховьев речек Шахе и Саше; по мнению других, они обитали в урочище Туб на северном склоне Кавказского хребта. Место это и ныне находится в составе их земель. Что они жили первоначально в верховьях речки Пчеха под покровительством дворянского рода Бешок, это не подлежит никакому сомнению.

Хотя по разности в названиях натухажцы и шапсуги считаются отдельными народами, но в сущности они одноплеменны. Мнение это основано на том, что они адыгейского происхождения, говорят одним языком и вообще называют себя *агучипс*. Наименование это особого значения не имеет, но служит им вроде отзыва при встречах.

Абадзех в буквальном переводе значит «ниже абазцев». Название это некоторым образом доказывает, что абадзехи жили в соседстве с абазами и, не составляя самобытного племени, получили это название от своих соседей.

По рассказам стариков, на их памяти переезд через Восемнадцатигорие (Тугупсукуй), отделяющее Доб от долины Цемезь, где впоследствии выстроен Новороссийск, совершался весьма редко, и место это считалось прибрежными жителями оконечностью их края. По тем же рассказам шапсуги занимали в долине Абин земли только до узкого прохода Недийапчь, далеко от того места, где долина эта расширяется в плоскость, за ней в 1834 году построена была генерал-лейтенантом Вельяминовым крепость Абинская.

---

[42] «Общий взгляд на страны, занимаемые черкесами (адыге), абхазцами (азега) и другими смежными с ними горскими народами».

Описываемые мною народы давали у себя убежище всем недовольным из соседних племен; от этого народонаселение их быстро увеличилось. Приведу некоторые примеры.

Род Гоаго, происхождения хатюкайского, пришел к шапсугам искать покровительства против угнетавших его князей и вошел в состав основных отраслей шапсугского народа. Род Тлебзу, подвластный абадзехскому дворянину (вуорк) Едиге Хатооко, перешел также к шапсугам. О численности этого рода можно судить по его имуществу, которое было перевезено на 300 арбах.

Во время моего нахождения в горах я был свидетелем многих подобных переходов. Так, например, в 1826 году несколько семейств, подвластных абадзехскому дворянину Джанкяте Мамехоге, были причислены к натухажской фамилии Тлечясь. Дворянин этот пользовался уважением и известностью, но, несмотря на это, старания его о возвращении бежавших от него подвластных не увенчались успехом. Между прочим, он обращался к посредничеству анапского паши, но и вмешательство того не имело никаких последствий.

Абадзехи, подобно натухажцам и шапсугам, увеличились в народонаселении тоже пришельцами, а в особенности присоединением к ним дворянского рода Едиге[43], происхождения монголо-ногайского, с подвластными фамилии Цей.

Из следующего расписания можно видеть, как разветвились основные отрасли описываемых племен:

Надхо	*Нетахо*	*Кобле*	*Схапете*	*Гоаго-соотох*	*Гоаше*
Надхо	Схабе	Шеретль	Хагур	Соотох	Екуас
Ацок	Хурум	Карате	Схалахо	Сегиас	Мемет
Байге	Сюайге	Джарим	Аберейк	Берок	Косебичь
Туко	Аласе	Нашь	Тюркоу	Тлохузок	Хагун

[43] Одна отрасль фамилии Едиге, о которой здесь упоминается, существует между ногайцами, живущими на левом берегу Кубани; другая же находится в Крыму под именем Кекуат (почетные мурзы). Обе отрасли признают между собой родство.

Надхо	*Нетахо*	*Кобле*	*Схапете*	*Гоаго-соотох*	*Гоаие*
Айкез	Абере	Дёгуф	Хезетль	Хусер	Сепене
Ергуз	Шюзюк	Ду	Хаху	Инох	Гунай
Емезог	Дежередже	Ханту	Хузетль	Куадже	Пшиуйк
Сохте	Евстагле	Ацемюзь	Кудь	Мысь	Датче
Вотаха	Тлияшь	Сумен	Пцашех	Бжассо	Карджань
Хатхе	Боос	Добох	Огутль	Псекечь	Бжегатль
Ту	Хезикь	Непсау	Хатлох	Усий	Тхаитле
Хатюев	Хахурате	Тесвь	Цюнтыз	Хадишь	Тлетсерок
Коф	Схакумеде	Худизь	Сау	Тлепсук	Тлепхозь
Неметлох	Поох	Погузь	Егум	Джад	Мат
Бзим	Дизь	Тамох	Нагуч	Шуз	Неуйкь
Мелиш	Тхиз	Нагуо		Мет	Хамтоху
Джарим	Чацох	Раток		Сокотль	Мигекиокь
Кеух	Мезег	Тлекузь		Шу	
Мафеуде	Гуризь	Бат		Канасез	
Сомюзь		Баете		Хун	
Хапий		Бгане		Цюсха	
Тлечась		Соузу		Тым	
Чиан		Тлиф			
Худоко		Хамтез			
Богогузь		Шеуген			
Бирк		Хупшь			
Такиак		Тхахоахо			
Шехетль		Хауз			
		Псаоко			
		Негуз			

Примечание. У абадзехов племен (clan) считают до восьмидесяти, из коих главнейшие суть: Цей, Ккуб, Дзид, Хаток, Свюзе, Тлишь, Кут, Кетаур и Бирица.

При занятии натухажцами и шапсугами предгорий и плоскостей все их отрасли перемешались между собой, что имело следствием расслабление связывавших уз. Этому еще более способствует как развившаяся в народе идея о составлении одного политического тела, так и географическое положение занимаемой им местности. Положение этого народа заставляет его заботиться не о частных фамильных интересах, а направить все стремления к общей пользе. До какой степени натухажцы и шапсуги подвинули это дело, сейчас увидим.

Что натухажцы и шапсуги во времена жительства их в Тагапси и Атсейнибе состояли под влиянием феодализма, тому служит доказательством то, что у них существовали княжеские и дворянские фамилии. Князь на языке их называется *пши,* дворянин – *вуорк*. Княжеский род был у этих народов, но впоследствии, как надо полагать, пресекся; дворянские же фамилии, ныне существующие, следующие: а) у натухажцев – Сюпако, Мега, Зеа, Каз, Егороко и Чах; б) у шапсугов – Абат, Немере, Шеретлок, Цюхь, Горкоз, Улагай, Бгый и Тгагурз. Между племенем гоаие, вошедшим, как выше сказано, в состав натухажского народа, следующие дворянские фамилии: Карзейкь, Куецюкь, Дирсюе, Хатираме, Бирджь и Черчь. Дворянские фамилии Сюпако и Абат сохранили по настоящее время родственные связи с первостепенными кабардинскими узденями (тлякотлешь): первая – с Кудейнетами, а последняя – с Тамбиями.

У абадзехов дворянские фамилии в настоящее время следующие: Бешок, Инемок, Едиге, Джанкиат, Анцюок, Негиок и Даур.

Хотя со временем влияние дворян и ослабело, но они сохранили преимущества, присвоенные их званию, до тех пор пока общественный переворот не сравнил их с простолюдинами.

Переворот этот, лишивший дворян их преимуществ и имевший перемену образа правления у натухажцев и шапсугов, постепенно совершался следующим образом.

С ослаблением влияния дворян в народе начали проявляться мысли о свободе и независимости. Народ стал неравнодушно смотреть на преимущества дворян, которыми последние гордились, почитая их единственным оплотом против водворяющегося нового порядка. Из этого возникло безначалие со всеми его последствиями. Надобно было приискать средства к водворению порядка. Для изыскания таких средств стали созывать народные собрания – аристократическое и демократическое. Последнее по большинству своему одерживало перевес над первым. Дворяне, опасаясь утратить свои преимущества, прибегали к разным козням и старались расстраивать единогласие противной им партии, чего иногда с помощью своих приверженцев и достигали. Тогда уничтожались вводимые постановления и водворялся новый беспорядок; но при всем том не нашелся человек, который сумел бы им воспользоваться, а событие между тем совершалось. Аристократия должна была уступить демократии.

Видя неудачу в прениях и происках, дворяне прибегли к силе оружия. Они искали помощи у дворян соседнего племени – бзедухов. В 1796 году произошла одна из кровопролитнейших битв, носящая название в народе *Бзиоко-Зауо* – от местности, на коей она происходила. В сражении этом бзедухи одержали победу, но она не остановила хода событий, напротив, ускорила его. С того времени вся надежда дворян на успех была потеряна. Права и преимущества их уничтожены и всенародно объявлено равенство; пеня за кровь принята одна для всех, и дома простолюдинов закрылись для дворян. Последняя мера сохранилась в памяти у народа под названием *харам;* она оставалась в полной силе до тех пор, пока брожение умов не утихло.

Последствием этого переворота было то, что одни из дворянских фамилий оставили край и нашли убежище у соседей, а другие прибегли под покровительство русских; большая же часть из них решила остаться на родине в надежде на прежнее свое влияние и на своих приверженцев (clientelle), но не пользуется другими преимуществами, кроме тех, которые дают ум, красноречие или храбрость.

Надо, однако же, заметить, что во время этих смут ни один дворянин не сделался жертвой вражды простолюдинов; были даже примеры брачных союзов дворян с простолюдинками; однако же ни одна дворянка не вышла замуж за простолюдина.

Из числа народных собраний, созванных в XVIII и XIX столетиях для введения порядков, следующие по важности своей сохранились в памяти народа (они носят названия мест, на которых были созваны):

1) Джуре-закуо-тхареуо; 2) Псикетоко-тхареуо; 3) Зашепсинь-тхареуо; 4) Абинь-тхареуо и 5) Хауцехясь.

В каких именно годах созваны были четыре первых собрания – неизвестно, последнее же было в 1822 году.

Следствием этого собрания было введение суда по шариату согласно Корану, из коего происходят права духовные, гражданские и политические. Те, однако же, из жителей морского прибрежья, у которых магометанство еще не укоренилось и которые придерживаются прежних своих религиозных обрядов, продолжали разбирательство тяжб и споров посредством третейского суда.

Между абадзехами демократическое образование общества совершалось постепенно и без ощутительных потрясений.

В последнее время административное устройство у натухажцев и шапсугов, до водворения между ними влияния Шамиля через его агентов[44], следующее:

---

[44] В обзорах, которые посылались от начальника Черноморской береговой линии в штаб Отдельного Кавказского корпуса,

I. Общественное управление, как не имеющее главы, республиканское.

II. Законодательная и распорядительная власти имеют начало свое в народе; следовательно, и управление должно считаться демократическим.

III. Способов созывать депутатов, или представителей народных, два: 1) от каждого племени назначается определенное число доверенных лиц, для выбора которых племя должно предварительно собраться; 2) выбор делается у магометан от *Джемагата,* а у жителей прибрежья морского, где еще не водворился закон Магомета, от *Тгахапха,* которые можно сравнить с нашими церковными приходами. Преимущественно же употребляется последний способ.

IV. На время военных действий и набегов черкесы следуют за одним или несколькими вождями. Тут, с одной стороны, является власть, а с другой – подчиненность. Они отправляются охотно, без принуждения, и от доброй воли каждого зависит – участвовать в походе или от него отказаться. В этом отношении нет никаких принудительных мер: это то же, что воинский наряд времен варварства. Бывают, однако же, случаи, когда требуется поголовное вооружение, и от него не может отказаться никто, кто только в состоянии носить оружие.

V. Гражданская часть управления не сосредоточена ни в чьих руках. В каждом племени возникающие споры и тяжбы судятся старшинами, *тамадой.* Старшин выбирают из среды людей, пользующихся добрым именем и известных бескорыстием и мудростью. Они дают присягу в том, что будут разбирать дела по совести и крайнему разумению, что не будут принимать подарков и пр. Старшины эти, люди почетные по летам своим, не имеют никакой определенной власти; обязанность их состоит более в преимуществе давать советы и наставления, но они не повелевают.

VI. С повода обычая, существующего на Кавказе с незапамятных времен (который, может быть, имеет началом la loi du talion), черкес присваивает себе право сам преследовать и мстить за личную обиду, независимо от сего он обязан заступаться и принимать участие в делах не только ближайших родственников своих, но даже целого племени (clan), к которому принадлежит.

VII. Тюрем и телесного наказания не существует. Все наказания ограничиваются штрафами, соразмерными со степенью проступков и увеличивающимися в случае повторений. Если же нарушитель благочиния окажется неисправимым, в таком случае он продается в неволю или бросается в воду с камнем на шее, и это носит название *психядзе.*

VIII. Каждый без различия имеет право давать кров или приют (droit d'asile) своим единоземцам и оказывать покровительство иноплеменному гостю. В этом случае хозяин как кунак ручается перед гостем за его безопасность, а перед своими – за его проступок. Тот, кто решился бы поехать в горы без кунака, попадет в плен и будет принадлежать тому, кто первый его возьмет.

IX. Тот, кто имеет средства купить или достать невольников, владеет ими бесспорно.

X. Право собственности существует, следовательно, и право наследства, которое переходит к ближайшему родственнику.

XI. При разделе наследства признается право старшинства, состоящее в том, что сверх доли делимого на равные части имущества старший получает одну ценную вещь.

XII. Нет общественного имущества, следовательно, и общественных заведений.

XIII. Невозможно определить, на каком основании совершился раздел земель, подвергшихся раздроблению на малые участки. Право владения определено, или, лучше сказать, укреплено, за владельцами несомненно, и переход наследства из рода в род бесспорный.

Примечание. Обычай, или адат, не определяет срока времени, по прошествии которого всякий иск на неправильное владение у многих народов отвергается; напротив, у натухажцев и шапсугов старые права принимаются в уважение, отчего родятся бесконечные тяжбы.

видны действия агентов Шамиля и влияние их на события в стране.

ЗКОИРГО. Тифлис, 1857. Кн. 4.

Верования, религиозные обряды и предрассудки у черкесов

Господствующая вера между черкесскими племенами есть магометанская, секты суннитской. Беспокойная и воинская жизнь, которую они постоянно ведут, охлаждает в них усердие к исполнению обрядов своей веры. Однако ж и между ними встречаются примеры строгого исполнения велений Корана – исполнения, доходящего иногда до религиозного фанатизма. Вера Мухаммеда введена между черкесами религиозным усердием крымских ханов, с которыми они некогда были в тесных сношениях. Из всех племен, населявших северный склон Кавказского хребта, кабардинцы первые приняли веру магометанскую. Впоследствии духовным влиянием турок, занявших крепость Анапа, число поклонников пророка постепенно увеличилось, и ныне ислам совершенно водворился в этой части Кавказа. Надобно, однако же, из этого числа исключить жителей морского побережья, от Геленджика до местечка Хизе, и долин, к нему примыкающих: из них немногие только, совместно с дворянами, придерживаются закона пророка, а все прочие остаются без определенного верования, придерживаясь обряда приношения животных в жертву и возлияния (libation). У них нет ни особых строений для молитвы, ни жертвенников; храмом служит им заповедная роща под открытым небом. Единственный символ предмета поклонения их есть деревянный крест особой формы, в виде буквы Т, прислоненный к дереву, около которого лежат другие подобные кресты, истлевшие от времени. Кроме обрядов, исполняемых при молебствии, черкесы прибрежные имеют верование в единство Бога, в бессмертие души и в будущую жизнь, в которой воздастся каждому по делам его земной жизни.

По имеющимся об этой стране историческим сведениям, известно, что жители ее исповедовали некогда христианство, которое, полагать должно, водворено в ней в X, XI и XII веках[45] и поддержано сначала славянскими князьями тмутараканскими (Tamatarque), владевшими берегом Боспора Киммерийского и покорившими соседственные с ними племена, а потом влиянием Грузии, процветавшей под управлением сильных царей, в особенности в конце XII века знаменитой Тамары, при которой вера христианская была проповедуема в самых недоступных местах Кавказа и усердием которой были воздвигаемы там храмы.

И ныне видны развалины храмов христианских во многих местах в стране черкесов (адыге), по верховьям реки Кубани, в особенности по северному склону от перевала через Главный Кавказский хребет в Абхазию. Дорога через этот перевал из долины Дал на реке Кодор, обитаемой ныне цебельдинцами, служила в древности путем сообщения между южным и северным подножиями Кавказа. Достойно замечания, что ни между верховьями Кубани и Черным морем, ни по берегу от Гагр до Анапы нет развалин, по коим можно бы заключать, что на этом пространстве существовали христианские храмы. По топографическому положению своему это пространство всегда было вне влияния чужестранцев, и даже события, разновременно потрясавшие прочие части Кавказа, не оставили на нем никаких следов.

Южнее, в Абхазии, опять видны развалины многих храмов, из коих один Пицундский устоял против разрушительного влияния времени и довольно хорошо сохранил даже купол свой. При нем до постройки тут укрепления находился сторож – так велико было уважение окрестных жителей к этой святыне.

С ослаблением влияния Грузии[46] на кавказские племена христианская вера между ними от недостатка проповедников и церковных служителей неизбежно пришла в упадок; а с паде-

[45] Фанагория около XI века и Пантикапея в XV веке имели своих епископов. В ту же эпоху на другой оконечности берега процветала духовная метрополия оного – Пицунда.

[46] XI и XII века были самой блестящей эпохой ее при царях абхазо-карталинских.

нием Восточной империи и с появлением вместо оной владычества турок все морское прибрежье впало во мрак невежества и варварства. Время довершило уничтожение остатков христианства, которые, слившись с мифами древних греков, послужили основой теперешних религиозных обрядов жителей восточных берегов Черного моря.

Постараюсь изложить эти обряды и те божества, в честь коих они совершаются, – изложить в том виде, в каком я их видел сам или узнал от стариков, исправлявших в торжественные дни должности жрецов.

Созерис считается божеством – покровителем хлебопашцев. Пришествия его горцы ожидают и празднуют ежегодно в декабре, в одно время с нашим праздником Рождества Христова. К этому времени вносится в дом сук о семи ветвях известного дерева, называемого *гамшхут;* к ветвям прикрепляются свечи из желтого воска, пирожки и кусочки сыра. В ожидании сказанного пришествия мужчины, сняв шапки, произносят известные формулы молитв. В каждом доме имеются полочки, на которых хранятся куски желтого воска для этого употребления, а под полочками висят деревянные сосуды, назначенные исключительно для возлияния. *Созериса* считают мореплавателем и прибытия его ожидают морем. Есть еще поверье, что он отправился от берега по волнам моря пешком и точно так же пешком возвратится. По однозвучию имен и по историческим преданиям, в которых упоминается (у Геродота) о колонии египтян, пришедших в Колхиду задолго до занятия берегов Черного моря греками, Созерис не есть ли Озерис? Замечательно, что и во многих странах Европы есть обычай ставить накануне Рождества Христова елки, украшенные разными подарками для детей. Не относится ли он к первым векам христианства?

Ахин считается покровителем рогатого скота. И ныне существует фамилия, именуемая *Тгахуахо,* в переводе «пастух Божий»[47], которая в известное время приводит в заповедную рощу корову и привязывает там к ее рогам кусок хлеба и кусок сыра. Окрестные жители толпой сопровождают ее в рощу и закалывают там; она и называется *Ахинова корова – Ахин* и *Чеме тлерекуо.* Надобно заметить, что тело ее для снятия кожи и раздела на части переносят в другое место, потом для варки в приготовленных котлах – опять на другое и, наконец, сваренным уже приносится на место пиршества. При каждом таком перенесении присутствующие, сняв шапки и взявшись за руки, пляшут вкруговую (une ronde) с напевом, присвоенным такого рода торжеству.

Есть между горцами поверье, что в старину, когда приближался праздник *Ахина,* одна из коров стада семейства *Тгахуахо* ревом и другими приметами указывала, что она назначена в жертву, и сама отправлялась в заповедную рощу, отчего и прозывается *тлерекуо,* то есть ходячей.

Как все это ни баснословно, но тем не менее справедливо, что такие жертвоприношения совершаются и поныне исключительно у горцев, живущих по морскому прибрежью. Еще замечательно верование горцев, что ноги *Ахина* имеют раздвоенные копыта. Ясно, что *Ахин* есть Пан древних греков.

Зейгутх – покровитель наездников. Его призывают на помощь перед набегами и дальними наездами. Ему не присваивают никаких особых примет: вероятно, предание о том изгладилось. Может быть, это Марс?

Мезитх – божество лесов, которого молят о счастливом успехе охоты. Горцы представляют себе его едущим верхом на кабане, у которого золотая щетина. По его мановению олени и лоси собираются в лесах, и тогда девушки доят самок их.

Емишь – покровитель овец. Его празднуют в день впуска баранов в стада.

---

[47] С этой фамилией состоят в родстве следующие: Екуас, Синепс, Горказ и Харуп, которые искони не употребляют в пищу ни говядину, ни птиц, ни яиц.

Тлепс – покровитель кузнецов. Он весьма уважаем в народе, так что имя его произносится и теперь вроде клятвы или божбы. Празднуют его весной, делая во время моления возлияния на железе плуга (лемехе) и на топоре и по совершении обрядов предаваясь забавам, из коих главная – стрельба из винтовок в цель, преимущественно в яйцо, поставленное на видном месте. Над раненными оружием поют песни, в которых призывается помощь Тлепса к излечению страждущего. Есть также поверье, что Тлепс был ремеслом кузнец, которого память за святость его жизни осталась в уважении потомства. В известном лесу показывают могилу, в которой лежат бренные его останки. Не Вулкан ли это?

Хепегуаш – в переводе «дева вод морских». Празднуется ежегодно летом у берега моря, где после обыкновенных молебственных обрядов в заключение пляшут круговую. Не Наяда ли это?

Псегуаш – дева вод речных. К ней прибегают с молением о дожде, большей частью весной. В таких случаях молодые люди обоего пола обливают друг друга водой и в виде забавы плещутся в воде, до тех пор пока не наскучит.

Хятегуаш – дева, покровительница садов, вроде греческой Помоны.

Тлохумиших и *Шеберис* упоминаются во время молебствия, вслед за Созерисом. Так как им не приписывают никаких особых качеств, то можно полагать, что это суть второстепенные божества свиты Созериса или просто прикладные имена его.

Хакусташ. Натухажцы и шапсуги почитают его своим гением-хранителем, а также покровителем волов пахотных. Еще и теперь зажиточные семейства посвящают ему одного из этих животных, которого не употребляют уже ни в какую работу и которое носит в таком случае название *вола Хакусташа.* Одно из поколений народа шапсугского, именно кобле, почитает его своим заступником. В такой же точно чести *Тугуплоху* у поколения надхо и *Тугузитха* у поколения нетахо, принадлежащих к народу натухажскому.

Кодес. Горцы представляют его себе в виде рыбы и приписывают ему силу, удерживающую море в пределах берегов. Очевидно, это греческий Нептун.

Пишшане, Тгахалейк и Тгакофешу суть божества домашние (Penates, lares). Название последнего в переводе значит «посланец Бога» – должно быть, Меркурий. Празднество в честь их называется *Джегупе-таха,* то есть праздник очага (du foyer).

Следующие праздники носят следы христианства.

Мерием – покровительница пчеловодства. В молитвах своих к ней горцы величают ее матерью Великого Бога – *Мерием тгашхуо и ян.* Нет сомнения, что эта *Мерием* есть Мария, как потому, что ее величают Божьей Матерью, так и по созвучию имен Марии и Мерием. Празднуют ее в августе, около нашего Успения дня. По снятии хлебов с полей, в особенности если урожай вознаградил труды земледельца, первое празднество в честь *Мерием* есть только начало длинного ряда других празднеств, возобновляющихся всякий вечер с плясками, пока не обойдены будут жители всей долины или прихода – *тгахапха.*

Итлес – в буквальном смысле значит «год» и соответствует нашему Новому году, потому что всегда празднуется в зимние месяцы.

Кутиш. Празднуется обыкновенно ранней весной, в соответствии с нашей Пасхой. Перед праздником две недели воздерживаются от употребления яиц в пищу; в праздник же яйца составляют непременную принадлежность стола.

Ллеумёшхе и Коаяште – праздники, наблюдаемые ежегодно ранней весной, один вслед за другим с небольшим промежутком времени. Первое слово в буквальном смысле значит «не ешь мяса», второе значит «взятие сыра». Судя по таковому смыслу названий и по периодическому возвращению сих праздников ежегодно, всегда весной в одну пору, можно считать их мясопустом и сыропустом православной церкви. В это время у горцев непременно подаются пирожки, начиненные сыром, по вечерам же молодежь для потехи наряжает чучело или куклу в

какой-нибудь странный костюм. Это некоторым образом напоминает наши маскарады и переряживания. Забава эта и при ней непременно пляски носят название *дадеуйг.*

Трудно и почти невозможно собрать все разные поверья, существующие у горцев и происшедшие от смешения идей, принесенных к ним христианством и затем магометанством, с предрассудками, оставшимися от времени язычества и идолопоклонства. Скажу о более разительных и примечательных.

К числу второстепенных мифов, уважаемых горцами, принадлежат *нарты,* из коих они особенно отличают *Саузерука.* В честь его в один из зимних месяцев приготовляются яства, коих часть откладывается и ставится в отдельном доме для заезжего; в конюшне же для его лошади припасены сено и овес и постлана в стойле солома. *Саузерук* не является, но приезжает гость заезжий, который его заменяет. Появление гостя почитается добрым предзнаменованием и придает празднеству более веселости. Если б и никто не заехал, то все-таки пируют одни хозяева дома с друзьями и соседями. Замечательно, что в песнях, которые поются при этом, упоминается о земле или стране урусов. *Урусами* называют русских, но из смысла песни никак того вывести невозможно. Таким образом, гостеприимство, смешанное с религиозными понятиями, любовью к родине и старыми предрассудками, есть характеристическая черта нравов горцев, препятствующая и поныне окончательному водворению у них исламизма. Надобно заметить, что со времен принятия закона Мухаммеда всеми племенами черкесскими (за исключением жителей морского прибрежья), к числу нартов причислены наездники и герои легенд аравитян.

К предрассудкам черкесов надобно прибавить страх и уважение к грому: для того, кто убит громом, смерть такая считается блаженством, и его придают земле на том самом месте, где он убит. Замечательно, что в торжественных напевах в подобных случаях часто повторяются имена *Шибле* (гром) и *Алия* (искаженное имя Ильи).

Из записанного видно, что жители морского прибрежья и горных ущелий, отчасти происхождения натухажского, шапсугского и даже абадзехского, не имеют определенных религиозных понятий, но веруют, однако, в единство высшего существа, создателя вселенной. Символ креста, видимый во всех заповедных рощах и лесах, есть ясный указатель, что вера христианская была водворена между горцами не столько силами оружия, сколько моральным влиянием сильного народа, с которым они были в частых сношениях, ибо, судя по орографическому характеру страны их, невероятно, чтобы завоеватель мог когда-либо проникнуть в неприступные горы этой части Кавказа.

Что христианская вера водворена у них царями грузинскими, то это подтверждается названием *джур,* даваемым черкесами кресту. Слово *джур* ясно показывает происхождение свое от грузинского *джвари* – крест. Равным образом, имена дней недельных указывают, что эти народы принадлежали к православной церкви: так, среду они называют *бираскезий,* пятницу – *бираскешхуо,* то есть Малый и Великий пост (*бираск* значит пост, *зий* – малый, а *шхуо* – большой или великий), воскресенье – *тгаумаф,* то есть Божий день, назначаемый для отдыха и в который воздерживаются от всякой работы.

Понятия черкесов в некоторых случаях имеют сходство с понятиями древних скандинавов: так, например, в старых легендах упоминается о великанах и пигмеях, которых черкесы будто бы застали при приходе своем на теперешние земли и коих род впоследствии истребился; точно то же в рассказах скандинавских говорится о некотором муже по имени Нор в Стране великанов; на черкесском языке слово *народ* обозначает «богатырь». Имя Тор, которое живет еще у обитателей Исландии, обозначает бога силы, владетеля – Перуна; у черкесов и теперь бога называют *тга* и *тгар.* Подобное сближение требует филологического исследования.

Изложим обряды, совершаемые при общественных торжествах и праздниках.

Как выше было сказано, у черкесов нет особых строений, посвященных молебствию. Священные рощи и леса, к которым никто не смеет прикасаться, заменяют храмы. Там, под тенью

вековых деревьев, возносят они мольбы к небу, призывая имя всевышнего Тгашхоу. В каждой долине есть по нескольку подобных рощ. К каждой роще причисляют по нескольку домов и семейств, коих можно некоторым образом почитать прихожанами ее – *тгахапх.* В известные дни года один из стариков, некто вроде жреца, избранный раз и навсегда, отправляет служение перед дубовым крестом простой отделки и без украшений. Накинув на себя бурку, сняв шапку и став на колени, он громким голосом произносит молитвы, соответственные празднику или причине сходбища. Молитвы сии большей частью состоят в испрошении благ земных, урожая, дождя, избавления от повальных болезней, нашествия врагов и вообще всяких других бедствий. После молитвы он приступает к закланию приносимых в жертву барана, козла, коровы или быка; берет одну из зажженных восковых свечей, прилепленных к кресту, воском ее натирает волосы на лбу жертвы, затем совершает возлияние над головой ее приготовленным на этот предмет напитком, *бузой*[48], и тут же закалывает ее. Как видно, древний обычай жертвоприношений не изгладился влиянием христианства. Далее, жрец берет в одну руку маленький пирожок или лепешку, а в другую деревянный точеный сосуд, вроде большой рюмки, наполненный бузой, и, воздымая все это к небу, вновь молится. По окончании молитвы он подносит пирожок этот и сосуд старшему из присутствующих, а несколько других чаш и пирожков отсылает другим присутствующим, которые потом передают их друг другу. Окончив таким образом обряд моления, жрец объявляет о следующем ближайшем празднестве и назначает день, когда и куда именно собираться для того. При этих случаях делаются также объявления к общему сведению – по общественным делам, о найденных или пропавших вещах и подобные тому. Торжества эти носят общее наименование *тгаха.* Странно, что нечто подобное существует между татарами Южной Сибири[49], где праздники называются *тахтах.* Замечательны сходством и созвучием эти два наименования.

Означенному торжеству, впрочем, еще не конец. Голову принесенного в жертву животного насаживают на длинный шест, утвержденный в земле неподалеку от креста; кожу жрец берет себе, а мясо приготовляется тут же для пиршества. Во всем этом наблюдаются старые обычаи с неизменной точностью, как будто они определены канонами. Во время приготовления яств старики и старухи, взявшись за руки, составляют круг и с особым напевом открывают пляску. Их вскоре сменяют молодые люди обоего пола, и веселость делается всеобщей. За пляской следует пир. Кроме изготовленного мяса, каждое семейство обязано принести столик, на котором положены *паста* (круто отваренное пшено, или гомия), тщательнее обыкновенного приготовленная, пирожки с сыром и пр. Столики эти небольшого размера, такого, что вокруг каждого могут усесться человека 4 или 5, не более. Пирующие садятся на земле, на подостланные ветви и древесные листья, поджав ноги; садятся, впрочем, только старшие, главы семейств. Не случилось мне видеть при этом отвратительного зрелища пьяных, хотя напитки их – мед и буза – хмельны и могут при неумеренном употреблении произвести опьянение. Молодые люди не участвуют в пиршестве, они довольствуются остатками со стола и во все время пира прислуживают старшим, разнося им яства и напитки. Женщины и девушки во время пиршества составляют отдельные кружки и стараются скрыть от мужчин, что едят: девушки скорее согласятся остаться голодными, чем допустить видеть себя жующими.

Есть празднества, в которых женщины не участвуют, и тогда плясок нет. Иные же совершаются дома, в кругу семейном.

У горцев существует еще обычай прыгать через огонь, как у русских на Ивана Купалу. Это бывает летом. Прыгающие через огонь просят *Мерием* о прощении грехов и после этого почитают себя уже очищенными от них.

---

[48] Буза приготовляется из проса и в нее после брожения подбавляют меду.

[49] См.: Журнал МВД. 1847. Июнь.

Жители морского прибрежья представляли до сих пор редкий пример постоянства в своих обычаях и привязанности к прежним поверьям и обрядам. Но с некоторого времени стало преобладать между ними магометанство, которое давно исповедуется дворянством.

Пренебрежение и насмешки, которыми дворяне и жители равнин осыпают своих отсталых собратьев за их старые религиозные обряды, если не искореняют сих последних, то сильно ослабляют. Обряды эти поддерживаются лишь на южном склоне хребта, и в 20-х годах были еще семейства, употреблявшие в пищу свиное мясо, хотя неявно. У жителей кубанских равнин и предгорий стоят везде мечети, население разделено на джемгаты, прежний быт предков уже забыт, а между кабардинцами и не подозревают его, так что рассказы о былом представляются им невероятной сказкой.

Несмотря на причины, содействующие упадку старых обрядов, одно обстоятельство противоборствует еще скорому их падению, именно недоступность края, сохранявшая его от всякого внешнего вторжения: даже во время внутренних потрясений никогда он не был театром действия. Он вообще мало посещается и между жителями его заметна грубость нравов, даже языка. Итак, оправдывается давнее замечание, что жители равнин вообще более образованны и нравами мягче, чем жители стран горных.

Я выше сказал, что черкесы питают почтение к грому, именуя его *Шибле.* Опишу обряд, совершенный в присутствии моем над тремя козами, убитыми громом.

В один день летом я отправился из дома кунака моего Иендарко Магомета с несколькими спутниками вверх по долине Дуаб. Было ясно, только на вершинах хребта виднелись тучи. Мало-помалу они растянулись и заволокли все небо, пошел дождь, сначала небольшой, а потом сильный. Бурки у меня не было, а потому я должен был искать убежища в ближайшем ауле. Вскоре послышался раскат грома и последовало несколько сильных ударов. Гроза, однако, скоро прошла, небо прояснилось, и мы опять пустились в путь. Проехав несколько верст, мы увидели группу людей обоего пола и разных возрастов, выходившую из небольшого ущелья, примыкающего к долине. Подъехав к ней, узнали причину их сходбища: мы увидели трех коз, только что пораженных громом. Нас пригласили остановиться, в чем, по обычаю, нельзя было отказать, чтобы не обидеть, тем более что то были все люди знакомые. Около коз составился круг и началась обычная пляска с напевом, в котором часто повторялись слова *Шибле и Ялий* (Илья). Между тем несколько человек отправились в лес, нарубили жердей и кольев, устроили из них на четырех столбах довольно высокий помост, уложили на нем коз и накрыли их листьями. Помост делается высокий, для того чтобы укрыть трупы коз от хищных зверей. В то время как они устраивали помост, другие успели сходить в аул и принести оттуда разных съестных припасов, в том числе и несколько живых коз. Эти последние тут же были принесены в жертву с обрядом возлияния, а головы их надеты на высокие шесты, воткнутые в землю около помостов. Вся эта процедура называется *шибласха.* Устроенного помоста, кольев и коз никто не трогает, и все это остается до совершенного разрушения и истления. Нечто подобное существует и у осетин, где в день пророка Ильи также насаживается на шест козлиная голова[50]. Пока приготовлялись яства и варилась паста, заменяющая хлеб, молодежь обоего пола плясала с рвением, веселость и одушевление были общие. Когда все было изготовлено, нас накормили, и только тогда отпустили в путь. Пир между тем продолжался до вечера и должен был, по обычаю, повториться еще в следующие два дня.

Когда гром убивает человека, то его хоронят на том же месте, где он убит, и вместо трех дней пируют семь кряду, ибо приписывают событию мысль блаженства.

Неподалеку от места жительства моего в долине Пшад стояло большое дерево, в которое некогда ударил гром. Дереву этому приписывали симпатическое свойство исцелять лихорадки: страждущий приходил или приезжал к нему с запасом приношений, большей частью пирожков,

[50] *Dubois.* Voyage autour du Caucase. T. 4. P. 447.

которые тут же и съедались приехавшими с больным; перед отъездом они зашивали кусочек этого дерева в лоскуток материи и надевали больному на шею, чтоб он носил его постоянно; остальная часть той же материи привешивалась к ветвям вроде приношения. Дерево все было увешано подобными приношениями.

Суеверие – это общее наследие в роде человеческом – существует и у черкесов, хотя из него не выработалась у них, как у древних римлян, систематическая гадательная наука. Между ними существует также фатализм древних греков – убеждение, что никто не может избегнуть судьбы своей. Сверх того, они легковерны и полагают, что есть дни счастливые и несчастные, что существуют злые духи, привидения, домовые и что есть даже места, где эти духи, привидения и домовые имеют пребывание. Многие уверяют, что они их видели и с большим трудом смогли от них скрыться. У них есть также убеждение, предчувствие и верование в чародейство и сны.

Черкесы, как и другие народы, имеют своих гадателей или, лучше, гадальщиц, потому что гаданьем занимаются обыкновенно старухи, не делая из него, однако, ремесла, а побуждает только желание услужить тому, кто прибегает за этим утешением. Чаще же всего прибегают к ним за оным несчастные влюбленные. Старуха гадает в таких случаях на нескольких зернах фасоли (турецкий боб) с одним камешком.

Гадание у всех черкесов производится по лопатке (os huniera) домашнего животного, барана, например, или козы. Всматриваясь на свет в эту кость, предугадывают по животным линиям, в них находимым, хороший или дурной урожай, дождь или засуху, холод, суровую зиму, войну и вообще всякого рода благополучие или бедствие. Есть в этом роде гадания нечто основательное, конечно до некоторой степени: в наших странах старые, опытные охотники по костям дичи предугадывают же, будет ли зима слабая или суровая. Горцы приписывают лопатке все вещания и приводят в подкрепление тому следующий рассказ: один черкесский князек ночевал в соседнем ауле и после ужина, всматриваясь в лопатку барана, с которой за ужином очистил мясо, сказал присутствующим, что в эту ночь им нужно приготовиться к тревоге. И действительно, так гласит легенда, аул был атакован неприятельской партией, которая, благодаря предуведомлению гостя, была удачно отражена. Вот еще другая подобного рода легенда. Два брата гостили в соседнем ауле у одного доброго своего приятеля. Раз старший из них пошел к другим знакомым в ауле и задержан был где-то за ужином. Возвратившись после ужина в дом приятеля, он не нашел там брата, и когда спросил о нем, то ему сказали, что он во время ужина смотрел в лопатку – и, встав из-за стола, оседлал свою лошадь и поспешно уехал, не объявив куда. Услышав это, старший брат потребовал эту самую лопатку, посмотрел в нее, улыбнулся и сказал: «Брат мой увидел, что с женой его сидит наедине мужчина, но не рассмотрел, что мужчина этот – родной младший брат ее». Присутствующие, изумленные его искусством, захотели проверить, правду ли он говорит, и послали узнать об этом нарочного верхового. Нарочный, возвратясь, привез известие, что сказанное гостем совершенно справедливо.

Страх, наводимый мнимыми колдунами и ведьмами, бывает поводом гонений на них по обвинению пред Богом и людьми в нарушении общественного спокойствия и благополучия. Понятия черкесов в этом отношении таковы, что, по мнению их, есть люди, из обоего пола, которые имеют сношения с нечистым духом и посредством его приобретают способность превращаться в волков, собак, кошек и даже делаться невидимками, когда пожелают. Таких людей они называют *удде* и приписывают им [виновность по поводу] изнурительных детских болезней, заразы и падежа скота, объясняя, что эти беды происходят от вредного влияния их глаз. Их же обвиняют в истреблении и собственных детей своих. Так точно некогда, особенно в конце XII столетия, в Западной Европе закон признавал чародеев виновными в отступничестве от Бога.

Между черкесами существует поверие, что удды весной, в известную ночь, собираются на вершине горы, называемой *Себеркуасха*[51], приезжая туда верхом на животных всякого рода как домашних, так и диких. Ночь проводят они в пиршестве и плясках, а перед рассветом, схватив мешки, в коих у них содержатся все блага земные, а в других – все вредное человечеству, в том числе и болезни, разлетаются по домам своим. Те из уддов, которым мешка не досталось, гонятся за другими, стараясь отнять у них оные. Таким образом, все болезни, коими страдает человечество весной, приписываются уддам.

Было время, когда мнимые удды подвергались частым гонениям, всяким обидам, даже пытке. Были семейства, называемые *цысюе,* то есть знахарь, которым приписывали дар узнавать чародеев. Когда предполагали, что болезни или другого рода страдания в околотке причинялись чародеями, то призывали знахаря и представляли ему подозреваемых в чародействе; а тот, по внимательном осмотре обвиняемых, указывал на виновных и отпускал признаваемых им невиновными. Таким образом, если обвиненные в чародействе не признавались перед обществом в грехе своем, то их подвергали пытке, секли, сажали связанными между двух пылающих костров и заставляли съесть кусок печенки, вынутой из убитой нарочно для этого черной, без малейшего пятнышка, собаки и зажаренной. Бедные жертвы, терзаемые подобными мучениями, принуждены были сознаваться в том, в чем их обвиняли; а как жареная печенка производила в них тошноту, то народ и оставался в убеждении, что они изрыгают все зло, ими причиненное и в них скрывавшееся. Уничтожив таким образом в виновном чары и взяв с них клятву навсегда бросить сношения с нечистым духом, освобождали его.

Теперь подобные расправы стали очень редки, однако ж, не совершенно искоренились. Находясь в 1836 году в Екатеринодаре, я узнал, что у соседственного народа, хамышейцев, коих аулы видны за Кубанью, умы были встревожены от появления разных болезней, приписываемых уддам, что был вызван цысюе и что инквизиционная комиссия переходила из аула в аул для разыскания виновных. Во время пребывания моего в горах я знал одно семейство, которого род был цысюе, и находился с ним в сношениях. Оно и до сих пор проживает в приморской долине Бзид, прозывается *Хутиноко* и принадлежит к поколению Тлечас.

Можно соболезновать о таком заблуждении черкесов, но нельзя и удивляться ему, когда мы видим из истории, что Парижский университет в 1293 году давал наставления к рассмотрению дел о чародействах, жалуясь на размножение их числа, и инквизитор Реми сознавался, что в продолжение 15 лет инквизиторства своего он подписал 900 приговоров против лиц, изобличенных в чародействе.

С того времени, как черкесы приняли закон Магомета, хотя и водворился новый род идеи между ними, но не совершенно забыты и прежде существовавшие предрассудки. В особенности в полной силе существует убеждение во вредном влиянии дурного глаза. Черкесы утверждают, что есть семейства, у которых дурной глаз родовой и передается из поколения в поколение. Для предохранения себя от такого влияния у черкесов-магометан существует обыкновение носить на себе, навешивать на детей и привязывать к уздам любимых лошадей стихи Корана, зашитые в кусочек сафьяна; а в старину стихи Корана заменялись кусочком дерева, в которое ударила молния.

У черкесов есть еще предрассудок, что колокольчик спасает от воровства. Оставляя в поле, вдали от жилья и без присмотра какой-нибудь предмет, они привешивают к нему колокольчик и уже думают, что никто его не похитит. Надобно полагать, что в былое время навешиванием колокола ограждалось церковное имущество от посягательства на оное.

ЗКОИРГО. Тифлис, 1862. Кн. 5.

---

[51] Гора этого имени (на картах: Собероаш) находится в земле шапсугов, в верховьях речки Убин, в одном из отрогов, отделяющихся от Главного Кавказского хребта. Она замечательна по своей высоте, резко отличаясь от прочих возвышенностей, и видна издалека.

Учреждения и народные обычаи шапсугов и натухажцев

У шапсугов и натухажцев нет особо устроенных постоянных судов[52]. Правосудие предоставлено частным лицам. Преступника преследует одно только чувство личного оскорбления. Преступник привлекается к суду только по настояниям обиженного. Исходя в деле своего суда из такого недостаточного основания, горцы, конечно, не могли оградить себя от анархии. Мы постараемся в надлежащей точности изложить все относящиеся сюда подробности.

Взаимная присяга выборных представителей от общин, составляющих описываемые племена, служит для всех и каждого обязательством не делать ничего во вред и бесчестие союзу и кончать со взаимной справедливостью все могущие возникнуть между членами различных общин споры. На этом основании каждый раз, когда обвиняемый требуется обвинителем или обиженным к ответу, то он должен предстать перед собранием выборных представителей; тогда лица эти, уже в качестве судей, имеют право делать приговор и определять взыскание пени, которая должна быть уплачена виновным обиженному в справедливое удовлетворение и возмездие.

Судьи избираются в числе, соразмерном с важностью дела, но не иначе как с обоюдного согласия обеих спорящих сторон. Приступая к разбору, они разделяются на две части и располагаются двумя отдельными кружками на таком расстоянии, чтобы не было слышно в одном, о чем рассуждают и разговаривают в другом. Они называются *тааркохясь*[53], что в переводе значит «присяжный». Из них же избираются два лица, по одному для каждой стороны, вроде адвокатов-руководителей, называемых *тлукуо.* Здесь я считаю уместным заявить в качестве неоднократного свидетеля о том замечательном превосходстве горцев, которое проявляется в легкости, даже, можно сказать, красноречии изложения мыслей, во врожденной способности их вести правильные прения, к которым имеют большую привычку. Адвокаты-руководители выслушивают жалобу и доводы обвинителей, передают содержание их объяснений обвиняемому и таким образом переходят от одного кружка к другому, до тех пор пока судьи не узнают вполне сущности и подробностей дела. Затем судьи обеих спорящих сторон сходятся в общую группу, чтобы выслушать показания свидетелей без присяги или под присягой, смотря по важности тяжбы. Свидетелями могут быть только люди, известные своей честностью и хорошим поведением. По выслушивании свидетелей все посторонние лица удаляются; судьи, оставшись одни, определяют приговор, имеющий силу окончательного судебного постановления и уже никакой апелляции не подлежащий. Прежде объявления решения обвинитель и обвиняемый дают присягу: первый – в том, что обязывается забыть всякое чувство неприязни к обвиняемому, а второй – в том, что обязывается беспрекословно подчиниться требованиям состоявшегося приговора и не позволять себе уклоняться от должного его исполнения. Чтобы больше упрочить взаимную связь налагаемых обязательств, берется и от истца, и от ответчиков по одному присяжному поручителю, отвечающему за поведение каждого. Весьма редко случается, чтобы после этого ответчик или осужденный изъявил свое неудовольствие или несогласие на решение.

Так как по большей части и в наказание, и в удовлетворение определяется пеня, то всегда назначается срок ее уплаты. Пеня уплачивается не иначе как в присутствии лиц, участвовавших в суде в качестве адвокатов-руководителей, а в делах большой важности – даже в присутствии двух судей. Эти люди служат посредниками для определения стоимости вещей,

---

[52] Сведения эти относятся ко времени, предшествовавшему Восточной войне (1853–1855). В последнее время у натухажцев и у шапсугов суд происходил в особых мегкеме.

[53] Все черкесские слова в рукописи автором написаны русскими буквами, поэтому можно ручаться за их верность.

предъявляемых к платежу, а также для решения, по какому именно счету должны быть вещи приняты. О счете этом будет объяснено ниже.

Однако есть и смертная казнь: она определяется по суду в таких случаях, когда преступник, уже несколько раз кряду прежде нарушавший присягу и установленные правила, признается неисправимым. Так как община и родственники виновного отвечают за него и уплачивают часть пени, на него налагаемой, а в случае его несостоятельности платят всю сполна, то, когда тяжесть подобных последовательных значительных издержек делается, наконец, невыносимой, преступника объявляют исключенным из общины, лишенным покровительства законов и всяких прав. Человек, о котором такое объявление сделано, называется *психядзь.* Если он не успеет тотчас после объявления скрыться бегством, то схватывается, заковывается в кандалы, привязывается к дереву и убивается из огнестрельного оружия. Однако никто из своих не поднимет на него руку. Обыкновенно заставляют какого-нибудь раба сделать смертельный выстрел. Чаще же всего такого преступника бросают в воду, привязав ему на шею камень. Отсюда и произошло название *психядзь,* означающее слово в слово «брошенный в воду». Также иногда продают таких преступников в неволю туркам, которые по большей части всех туземных невольников вывозят в Египет и перепродают тамошним беям.

У горцев из-за отсутствия грамотности все житейские сделки совершаются словесным порядком; потому при судебном разбирательстве по большей части весьма трудно найти доказательства, достаточные для определения справедливости претензии. При отсутствии ответственности за показания ложные всякий может смело лгать и давать изворотливые ответы. Особенно затруднительно положение судей, когда дело доходит до фактического удостоверения. В таких случаях за неимением ясных улик обвиняемый призывается к очистительной присяге и даже может предложить ее сам для своего оправдания. Произнеся клятву в своей невиновности, он без дальнейших формальностей освобождается от всякой ответственности. Но так как подобный способ оправдания для многих, кому не страшна ложная присяга, может послужить обеспечением безнаказанности, то в отвращение сего требуется, чтобы оправдывающийся являлся к присяге с известным числом свидетелей безукоризненного поведения. Они со своей стороны для придания большего веса присяге клянутся, что верят всему сказанному обвиняемым. Этот род свидетельства называется *тацркошес* – «ручательство за верность присяги». Число свидетелей соразмеряется с важностью иска и значением преступления.

Для доказательства виновности ответчика необходима присяга по крайней мере двух свидетелей. К присяге не допускаются родственники как обвиняемого, так и обвинителя и те посторонние лица, которые или живут вместе, под одной кровлей, с представителями спора, или участвуют с ними в пользовании общим имуществом.

Если ответчик по истечении определенного судным решением срока будет уклоняться – что бывает весьма часто – от исполнения обязательства, к которому приговорен, то в этом случае он понуждается только одним истцом. Понудительные меры оригинальны не менее самой судебной расправы. Обиженный считает себя обязанным беспокоить ответчика всеми возможными средствами, какие сочтет достаточно действенными, чтобы ускорить уплату следующей ему пени. Он вправе захватывать самовластно всякое имущество, его должнику принадлежащее. Один из общеупотребительнейших приемов понуждения состоит в том, чтобы увести у ответчика одну или несколько штук скота, но оставить при этом особенный знак, обыкновенно палку, воткнутую в землю близ жилья или даже в самом его дворе. Это средство понуждения называется *такго.* Оно повторяется до тех пор, пока должник не выйдет из терпения и не станет, чтобы избавиться от постоянных тревог и опасений, засылать посредников. Весьма часто, когда такое постороннее вмешательство состоится, все захваченное возвращается сполна по принадлежности.

Не подействует и этот способ – есть другой, более враждебного свойства. У упрямого должника начинают случаться один за другим поджоги то сена, то запасов хлеба, то другой

движимой собственности, а наконец, и дома. Не иначе как ночью, когда все спят, делаются подобные понуждения, но всегда, чтобы не подвергнуть хозяина опасности, а только напомнить ему о долге, его будят, предупреждая вовремя выстрелом, обычным сигналом тревоги. Обращаться таким образом можно не только с самим неисправным плательщиком, но и с его родными, чтобы заставить и их позаботиться об окончании дела и употребить для этой цели свое родственное влияние. Нетрудно представить себе, какие последствия может иметь исполнение подобной программы понуждений: право каждого употреблять такие способы для своего удовлетворения, порождая новые споры, делается источником запутанных и нескончаемых распрей.

У горцев кровомщение не есть необузданное, неудержимое чувство, вроде вендетты корсиканцев; это скорее обязанность, налагаемая честью, общественным мнением, требованием крови за кровь. Между тем почти вовсе нет примеров убийств, преднамеренных, хладнокровно рассчитанных с целью обобрать труп, или разбойничества, в настоящем смысле этого слова. Вообще убийства весьма редки и считаются необыкновенным происшествием в крае. Этот факт тем значительнее, что у горцев можно было бы ожидать весьма частых убийств, как естественного и неизбежного последствия права каждого самому преследовать оскорбителя и мстить врагу лично.

Самая тяжелая обида, возмущающая душу горца больше, чем убийство родственника, – это оскорбление, наносимое посягательством на честь родственницы, женщины или девушки, или вообще семейства; подобные случаи почти никогда не оканчиваются примирением, прежде чем позор не будет смыт кровью виновного или кого-нибудь из его родственников.

Обычай требует, чтобы кровный обидчик немедленно по совершении убийства бросал свой дом и искал убежища и покровительства в чужой общине; он должен сделать это потому, что если он останется дома, то ответственность за убийство распространяется не только на близких его родственников, но и на других членов его рода и даже на всех людей одной с ним общины. Если он показывается публично, то не иначе как вооруженным с головы до ног и окруженным свитой. Между тем родственники и друзья его употребляют все усилия, чтобы успокоить раздражительную мстительность родных убитого. Кровный обидчик может, если захочет, остаться дома, но в этом случае должен выплатить семейству своей жертвы цену раба. Плата эта называется *унеимичипше.* Затем окончательное миролюбивое соглашение может быть достигнуто при помощи посредников, когда они силой убеждения склонят семейство убитого принять в выкуп цену крови, *тловуас,* или, если дело идет только о поранении, согласиться на вознаграждение по определению суда. Нечаянные убийства относятся к разряду умышленных или вынужденных какой-нибудь причиной. Они оплачиваются той же ценой крови. Были примеры, что за случайную смерть, причиненную кому-либо домашним животным, вознаграждение требовалось от того, кому животное принадлежит; редко кому удавалось в подобном случае избавиться от уплаты пени. Всегда подыщется случай обвинить хозяина, и вознаграждение уже определяется сообразно степени его виновности. Таков обычай, его признают справедливым и безропотно ему покоряются. Ясно, что, по господствующим у горцев понятиям, преступность определяется не по качеству морального побуждения, а скорее только по количеству наносимого ущерба. Потому и само наказание ограничивается вознаграждением вещественным, основанным на простой сделке.

Из вышеизложенного можно заметить, что у шапсугов и натухажцев из всех преступлений менее всего было терпимо и строже наказывалось нарушение общественных обязательств. Эти обязательства – уважать неприкосновенность личных и имущественных прав каждого – устанавливались между родами и общинами каждого племени, а иногда между самими племенами взаимной присягой выборных представителей их.

Мы сказали уже о преступлениях против личности; остается говорить о нарушениях права собственности, то есть воровстве.

Покушение на чужое добро признается воровством, если оно сделано у своих. В этом случае разумеется не только та же самая община и то же племя, к которым принадлежит вор, но даже чужое племя, если только состоялась с ним присяга жить в добром согласии; так это было между шапсугами, натухажцами и абадзехами. Напротив того, если кто явно промышляет воровством на земле соседей, в отношении которых нет никаких обязательств, то на это занятие смотрят только как на лучшее средство показать свое удальство и ловкость.

Грабежа и разбоя по дорогам у горцев не существует[54], и было бы трудно пускаться на эти предприятия в стране, где каждый носит оружие. Обыкновенное воровство различается, смотря по тому, сделано ли оно: 1) из дома, со взломом дверей, замков и запертых сундуков, или 2) вне жилья, в чистом поле. Воровство со взломом считается более преступным и строже наказывается. Мы несколько раз упоминали о присяге, имеющей большое значение и обширное применение в общественных учреждениях и в судопроизводстве этих народов, потому признаем необходимым описать, как и на чем она приносится.

В прежнее время присягали на посохе, вырубленном в священной роще, называвшейся *кийзехямебзь,* и произносимую клятву начинали словами: «Я клянусь тем, кто создал эту ветвь…» Обычай этот существует и у арабов. Но с распространением в крае учения Магомета Коран заменил посох из священной рощи. Однако, может быть, по сохраняющейся еще привычке, всякий раз, когда надо присягать, Коран вешается на простую палку, воткнутую в землю. Надо при этом заметить, что присяга, как и общественные дела вообще, совершается всегда под открытым небом, то есть публично, а не в доме. Присягающий почтительно подходит, дотрагивается рукой до священной книги и начинает присягу словами: «Я клянусь этой книгой слова Божия…», кончив клятву, он подносит книгу к губам и отходит. Этот обряд распространен повсеместно и проник даже туда, где исламизм не успел еще пустить глубоких корней.

Горцы хотя и знали цену монеты, но денег в обращении у них вовсе не было. Потому уголовные пени определялись и уплачивались по расчету общепринятых издревле определений стоимости. Мы по необходимости оставляем за этими мерами ценности местные названия: *сха, цю* и *тооп.*

Сха, как мера уголовной пени, бывает двух родов: 1) *вуоркесха* – по кровомщению привилегированного класса и 2) *сха* простая – по кровомщению за простолюдина. Стоимость первого рода больше второго. Слово *сха* значит «голова». Народ *(тлфокотль)* платил пеню высшему классу *(вуорк)* по счету на *вуоркесха,* но следовавшие от него пени получал по счету на простое *сха.* Эта привилегия высшего класса уничтожилась вместе с другими многими, как мы уже имели случай объяснить в нашей статье «О натухажцах, шапсугах и абадзехах»; но *вуоркесха* еще в ходу в высшем классе между его представителями. Ценность *сха* нельзя определить точным образом. Хорошая кольчуга, шлем, налокотники, шашка, лук, ружье, большой котел из меди и т. п. вещи, если стоят не больше шестидесяти *цю,* или быков, и не меньше шестидесяти баранов, то составляют вообще одну *сха;* но смотря по сану лица, за которого платится пеня, размеры этой стоимости (в указанных пределах) бывают различные; в уплате за князя *(пши) сха* считается в шестьдесят – восемьдесят *цю* (быков), за дворянина *(вуорк)* – считается уже меньше, смотря по сановитости рода, и доходит, наконец, до 8 *цю* (быков) в уплате за простолюдина *(тлфокотль).* Всякий предлагаемый предмет по качествам доброты, а больше по ловкости и убедительности посредников-оценщиков, может при определении стоимости составить одну или несколько *сха.*

Цю значит «бык». Плата эта принимается натурой, а также предметами домашнего хозяйства и т. п. вещами по оценке посредников: *цю* равняется 6 *тооп.*

---

[54] Впрочем, жители одного селения на берегу Черного моря, называемого *Тигапс*, известны своими разбоями, но и у них не доходит до того, чтобы убивали одиноких странников.

Топ значит «штука, или отрезок ткани», достаточный на платье мужское или женское.

В число наличной уплаты отдают часто детей обоего пола, рожденных в рабстве. Ребенок должен быть ростом не менее 5 *бже (бже* – длина раскрытой кисти руки от мизинца до большого пальца – пядь, четверть). Красота лица, стройное телосложение имеют большой вес при определении стоимости мальчика или девочки. Они оцениваются на стоимость *сха.*

Обычаи и обязательства, составляющие основные начала гражданского и уголовного права горцев

1. Убийство человека выкупается уплатой цены крови *(тлоувас).*

В прежнее время цена крови была *(сха):*
За убийство *пши* (князя) – 100
За убийство *вуорка* (дворянина) – 42
За убийство *тлфокотля* (простолюдина) – 20

Счет, *сха,* за убийство *вуорка* состоял из следующих вещей:
Панцири – 2
Шлемы – 2
Шашки из сорта, который называется *кияме* – 2
Налокотники – 2 пары
Хорошие кони – 2
Ружья (ценой в 16 быков) – 1
Серебряный кубок – 1
Быки – 8
Посредственные лошади для дополнения
счета до 42 *сха* 25
Итого – 42 сха

Счет за убийство *тлфокотля:*
Рабы – 2
Панцири – 2
Шлемы – 2
Налокотники – 1
Шашки – 2
Ружья – 2
Лошади – 2
Итого – 20 сха

Впоследствии цена крови дворянина была назначена в 30 *сха,* а еще позднее цена крови простолюдина возвышена сперва до 28 *сха,* а потом и до 30. По шариату, повсеместно вошедшему в употребление, цена крови определена в 200 нестельных коров *(чемебгуо).* По общему согласию этот штраф признан равняющимся пене в 30 *сха.*

2. Кто убьет раба, тот не подлежит кровомщению со стороны его хозяина; цены крови не полагается, но уплачивается стоимость убитого.

3. Нанесенные раны, если дело кончилось миролюбивой развязкой, осматриваются посредниками и, судя по степени вреда, который они причиняют, по величине отверстия, и в особенности, по повреждению костей, оплачиваются различными пенями – не больше половины цены крови и не меньше ее четверти, если не осталось никакого увечья.

4. Удар палкой, если его след остался заметен, вознаграждается уплатой нескольких *сха.* Если следов удара нет, обидчик платит, как и за удар плетью, несколько *цю.* Эта пеня носит особенное название *ггазюеж* и может считаться платой за бесчестие, которое падает на получивших подобные удары.

В прежнее время удар, нанесенный дворянину *(вуорк),* выкупался пеней в четверть цены крови *(тловуас).*

5. Обида, нанесенная семейству обесчещением женщины или девушки, если дело доходит до миролюбивого соглашения, прежде оплачивалась ценой 15 ценностей *сха* за дворянина *(вуорк);* в настоящее время одна и та же пеня назначается и для дворянина, и для простолюдина *(тлфокотль).* Она составляет двадцать четыре головы крупного скота.

В прежнее время муж сам казнил свою преступную жену – обрезал ей кончик носа и выгонял. Но уже давно обычай этот потерял свою силу. Бывали примеры, что муж убивал жену, не навлекая на себя кровомщения ее родных и не делаясь нисколько ответственным перед ее родственниками. Теперь преступные жены отсылаются обратно в дом родителей. Чаще всего женщины и девушки, впавшие в грех прелюбодеяния, продавались вместе с их незаконнорожденными детьми туркам. Это делалось в той целью, чтобы как-нибудь придать забвению позор, падающий на их родных, и еще по той причине, что для этих женщин нет уже никакой возможности выйти замуж в своем крае.

6. Нет определенного закона для наказания изменников. Собрание народных старшин решает их участь.

7. Совершивший воровство обязан возвратить именно то, что украл; если же он не может этого сделать, то вносит плату, в семь раз большую цены украденного. Кроме того, он платит штраф в девять *цю* (быков).

Если воровство совершено со взломом, штраф увеличивается до десяти *цю,* но не больше, собственно в вознаграждение за бесчестие, нанесенное воровством дому. В прежнее время дворянину *(вуорк)* за бесчестие дома платили пятнадцать *сха,* а простолюдину (*тлфокотль)* – семь.

Если вор попадается вторично, штраф увеличивается до двадцати четырех *цю.* Но если и после этого не исправится и будет продолжать заниматься воровством, то объявляется *психядзе,* то есть «лишенным покровительства законов».

8. У дворян *(вуорк)* и простолюдинов *(тлфокотль)* отцовская власть на семейство неограниченна. Глава семейства может не только лишить сына наследства, но просто убить его без всякой перед кем бы то ни было ответственности. Та же неограниченная власть признается за общиной, которая имеет право [решать вопросы] жизни и смерти в отношении каждого своего члена.

9. Кто оскорбит гостя, в чьем бы доме тот ни был, платит хозяину дома штраф в одну *сха;* в случае убийства гостя платят десять таких цен за бесчестие дома независимо от цены крови *(тловуас),* следующей родственникам убитого.

10. После смерти отца дети мужского пола наследуют все недвижимое и движимое его имущество. Каждый из них имеет одинаковые права на наследство, которое они делят между собой поровну. Женщине права наследства не предоставлено, однако вдове умершего наследники с общего согласия предоставляют в пожизненное пользование доход с некоторой части имения; но и оно после ее смерти поступает для общего раздела к наследникам. Вдова имеет, кроме того, право выбрать для жительства дом одного из младших своих сыновей, потому что дом умершего мужа ее со всеми принадлежностями переходит в собственность старшего его сына. При дележе наследства раздел на равные доли по числу наследников составляется младшим членом семейства; выбор же долей идет по порядку рождения, начиная со старшего. Между прочим, старший в семействе имеет право взять сверх доли ценную вещь по своему выбору, даже раба. Только этим преимуществом и отличается право первородства. Письменных духовных завещаний нет, но последняя воля умирающего исполняется в самой строгой точности: нарушить ее – значило бы подвергнуться всеобщему осуждению и презрению.

11. Кто во время боя первым овладеет пленником или чужестранцем, не имеющим в этой земле кунаков, тот и считается полноправным его владельцем. Если этот пленник будет пойман

кем-нибудь во время бегства из дома своего господина, то все-таки остается собственностью сего последнего; только поимщику в вознаграждение выдается ценность *цю* (бык). Это такса за поимку беглеца.

12. Невеста составляет неотъемлемую собственность жениха. Если в то время, пока невеста остается еще в родительском доме, она будет кем-нибудь похищена, то жених вправе преследовать похитителя и обязан ему мстить. Подобное оскорбление принадлежит к числу самых нетерпимых обид; в этом случае требования чести обязывают всякого решаться на самые крайние меры для получения удовлетворения. Ссоры этого рода по большей части сопровождаются кровавыми последствиями. Если родители невесты из каких-нибудь личных выгод содействовали ее похищению и это будет доказано, то они лишаются калыма, а невеста принадлежит по праву первому жениху.

13. Отказаться от невесты без причины и без основательного повода – значит нанести оскорбление и ей самой, и ее семейству. При этом часть калыма, обыкновенно выплачиваемая предварительно женихом, не возвращается, и он даже должен в виде пени за отказ дополнить к этой части столько, чтобы составилась половина условленного калыма. *Калым* (или плата выкупа) составляет: за дочь князя *(пши)* – от пятидесяти до ста *сха,* за дочь дворянина *(вуорк)* – тридцать *сха,* за дочь простолюдина *(тлфокотль)* – двадцать пять *сха.*

14. Если жена бросает мужа, возвращается в родительский дом и отказывается жить с ним, калым должен быть возвращен мужу. Если, напротив того, муж бросает жену по прихоти и без всякой основательной причины, он теряет право получить обратно весь калым сполна, может требовать только одну его половину и лишается навсегда права требовать другую.

Установлением этих правил освящена неприкосновенность обычаев, считающихся по опыту полезными, приличными и необходимыми; но именно в этих-то обычаях и гнездились главные причины того насильственного порядка вещей, который долго еще оставался бы во всей своей силе, пока горцы успели бы завести у себя порядки, более прочные и неизменные. Уже сделано было у них в разное время несколько попыток переменить общественное устройство, но ни одна не имела успеха. От безначалия и своеволия, от постоянной тревоги и смятений, господствующих в горах, а еще более от недостатка повиновения общественным властям и вообще при отсутствии администрации, которая пользовалась бы уважением, терпит, конечно, более всего частная собственность. Нередко беспорядки доходят до того, что делаются невыносимыми, тогда прибегают к чрезвычайной мере, носящей название *эбер-таареуо,* в переводе – «повальная присяга».

Почетные старшины всех общин и родов, составляющих племя, делают общий сбор, отправляются в те места, где беспорядков больше, и обходят дома людей подозрительного поведения.

Выставляется Коран, привешенный на палке, воткнутой в землю, и, в силу того что предпринимаемая мера касается пользы общественной, начинается повальная присяга всего населения. Каждый присягает отдельно и формулой клятвы обязывается «указать всех, какие только ему известны, виновников беспорядка, сознаться вслух в своих собственных преступлениях против установленных правил и обещать исполнять правила эти на будущее время ненарушимо».

Мера эта оказывалась слишком действенной в отношении людей совестливых; не раз бывали в этих случаях примеры полной откровенности, тем более удивительной и необыкновенной, что за эту откровенность сознавшийся подвергался пеням за все свои преступления, которые без того могли бы навсегда оставаться неизвестными. Впрочем, многие при приближении старшин уходят из дома и скрываются. Есть и такие, которые не затрудняются присягать ложно, вопреки всем уликам и подозрениям, и объявляют на присяге, что ни в чем не виновны, хотя и принадлежат к числу людей, известных своим дурным поведением. Однако всякий, поступавший таким образом, покрывает себя в общественном мнении несмываемым

пятном осуждения и приобретает прозвище *тгаапсе,* клятвопреступника, или слово в слово – «обманщика перед Богом». Мера эта, несмотря на всю свою несостоятельность, по-видимому, приносила некоторое облегчение бедственному положению общества. Положительной пользы она приносить, конечно, не могла, но по крайней мере она останавливала прогрессивное распространение беспорядков и могла бы быть еще действеннее, если бы не встречала противодействия в некоторых испорченных личностях.

Во всяком случае нельзя не удивляться, каким образом эти общества посреди постоянных столкновений между собой, при непрерывных внутренних раздорах отстаивали свое существование. Мало того, в массе большинства всегда можно было замечать постоянное стремление к порядку. Без всякого сомнения, основной причиной тому и другому было господство старинных обычаев. Переходя из уст в уста, будучи при каждом случае приводимы к слову, применяемы к делу и обращаясь таким образом в кровь и сок своего населения, которое есть свидетель и судья поступков каждой отдельной личности, эти обычаи становятся могущественнее всяких законов.

У горцев нет нищих, просящих милостыню, но нет также и людей зажиточных или богатых в полном смысле этого слова. Потому весьма естественно представляется вопрос: каким образом и из какого источника уплачиваются у них судебные пени и, в особенности, цена крови, составляющая весьма крупную сумму. Вопрос этот разрешается нижеследующим объяснением.

Всякая община, составляя часть племени, представляет семью в большом виде и называется по имени своего родоначальника. Члены этой семьи-общины считают друг друга такими близкими родственниками, что не допускают между собой брачного родства и сочли бы такой брак просто кровосмешением. Такая большая семья ведет свои дела сообща. Все члены ее оказывают друг другу при всяком затруднительном обстоятельстве нужную защиту и помогают все вместе каждому отдельно. Всякие оскорбления и ущерб, нанесенные одному из его членов, считаются посягательством на благосостояние всей общины, и, в свою очередь, каждый член подлежит ответственности за свое поведение перед всей общиной. Раз лишившись защиты и покровительства общины, горец не может уже иметь никаких ручательств за свою личную безопасность и жизнь.

На этом основании тот, кому нужно платить, получает вспомоществование от своих собратьев по общине. Но как большая часть общин невелика числом людей, состоя только из нескольких семейств, то и мирской сбор с них не может составить достаточной суммы. В таком случае сбор идет и по остальным общинам племени. Иногда он простирается и еще дальше, тогда за вспомоществованиями обращаются к друзьям и знакомым в отдаленных племенах.

По принятому обычаю, взысканные судебные пени распределяются следующим образом: небольшую часть получают судьи, другая, более значительная, раздается родственникам истца, а затем остальное, то есть около трети всей пени, предоставляется его семейству.

ЗКОИРГО. Тифлис, 1866. Кн. 7.

Евграф Ковалевский. Очерки этнографии Кавказа

Евграф Петрович Ковалевский (1790–1867) – русский государственный деятель, горный инженер. Окончил Горный кадетский корпус в Петербурге. С 1826 года – командир Горного кадетского корпуса, с 1830-го по 1836 год – томский губернатор, с 1858-го по 1861 год – министр народного просвещения. В своей деятельности выдвинул на первый план заботу о народных училищах, воскресных школах, но из-за непродолжительности своего управления успел сделать немного.

С 1859 года – действительный тайный советник, с 1861 года – член Государственного Совета, с 1862 года – президент Вольного экономического общества.

«Очерки этнографии Кавказа» – отрывок из задуманного Ковалевским обширного труда «О народах, живших и ныне живущих в пределах России» (Вестник Европы. 1867. Т. 3).

Предисловие

В манускрипте [эта работа] помещена под заглавием: «Отрывок из сочинения: о народах, живших и ныне живущих в пределах России». Автор, как видно из такого заглавия, поставил себе обширную задачу, но, к сожалению, не успел решить ее во всей полноте. От предполагавшегося им труда мы имеем только настоящие очерки этнографии Кавказа, и, как мы слышали от Егора Петровича Ковалевского, его покойный брат много занимался исследованием сибирских народов, потому в бумагах могут быть найдены подобные же очерки этнографии Сибири. Издаваемый ныне манускрипт доставлен в редакцию по воле покойного Евграфа Петровича Ковалевского, выраженной им в саму минуту смерти. Узнав от нас об основании «Вестника Европы», он сказал нам еще тогда: «Подождите, я вам также помогу», но мы приняли эти слова за одно желание выразить сочувствие к предпринимаемому нами изданию. В самый день кончины, не более как за четверть часа, покойный обратился к своему сыну Михаилу Евграфовичу и поручил достать ему из ящика лежавшую там рукопись, перелистал ее, привел в порядок и, возвращая, прибавил: «Передай это С.[очинение] для «Вестника Европы». Сын, обманутый и твердостью голоса, и направлением мысли больного, не предвещавшими близкой катастрофы, отложил рукопись и вышел из кабинета. Через несколько минут после того Евграфа Петровича не было уже в живых.

При всеобщем уважении, которое так справедливо заслужил покойный своим умом, образованностью и характером, благородным, прямым и откровенным, мы считаем особенной честью для своего журнала поместить на его страницах труд лица, которое находило возможным при своей государственной деятельности посвящать время и науке, и литературе. Такого рода явления особенно редки у нас, где литературное или научное слово и практическое дело отстоят, к сожалению, весьма часто на почтенной дистанции друг от друга: ученый и литератор считается потерянным для практической деятельности, и наоборот, практический деятель до того поглощен этой самой деятельностью, что всякое литературное занятие представляется ему чистейшей потерей времени. Быть может, потому в нашем обществе образовалась такая рознь вообще между словом и делом: так называемые деловые люди впадают в отсталость, а литература страдает платонической любовью к прогрессу. Практик и теоретик при таком направлении не только не служат друг другу, но даже становятся враждебными, а общество между тем ничего не выигрывает: консерватизм, сам того не подозревая, перерождается в обскурантизм, а прогрессисты ограничиваются утопией если безвредной, то также мало и полезной.

Научная и литературная задача, избранная Евграфом Петровичем Ковалевским, имеет близкое отношение к самому возвышенному пункту государственной деятельности покойного как первого министра народного просвещения, избранного настоящим царствованием, которому суждено составить новую эпоху в отечественной истории.

На долю истории русского народа с самых первых моментов его существования выпала тяжелая и вместе великая задача – пронести европейскую цивилизацию далеко на север и восток, введя в семью образованного человечества забытые историей народы и разбросанные ею по пути, в эпоху Великого переселения племен. Первоначально эта колоссальная работа совершалась нами инстинктивно, христианство и русский язык служили орудием просвещения инородцев. На огромных пространствах такая работа закончена до того, что от нее не осталось и следов; но перед нами и теперь еще лежит темная инородная масса, которую мы должны принять в себя и переродить. Изучение нравов этой массы, ее положения, степени умственного развития необходимо, чтобы решить задачу во всем ее объеме. Но и это не все: перерождение инородцев не может быть достигнуто непосредственно правительственными и административными мерами; надобно заботиться о повышении уровня своего собственного народа, который беспрестанно должен являться перед инородцами, как образец новой жизни, в качестве

«припущенников». Чем выше развиты «припущенники», тем быстрее и могущественнее они будут действовать на полуварварских инородцев. Вот почему «народное» образование играет самую важную роль в наших общих политических судьбах и должно составлять первый параграф программы нашей государственной жизни. Так отнесся к этому вопросу и автор начатого сочинения «О народах, живших и ныне живущих в пределах России», когда он был призван высочайшей волей к управлению Министерством народного просвещения. Если история есть суд, то никому не дозволено быть вместе и свидетелем, и историком, а мы были свидетелями министерской деятельности Евграфа Петровича Ковалевского. В качестве простых свидетелей мы обязаны только указать будущему биографу покойного или вообще историку русской образованности в переживаемую ныне нами эпоху на одно обстоятельство: Министерство Евг. П. Ковалевского по народному просвещению было первым выбором настоящего царствования, и направление этого министерства как нельзя более гармонировало со всеми великими реформами, которые были так славно совершены в последующие годы этого же самого царствования. Никогда, как в последнее десятилетие, не было столько сделано для развития здоровых народных сил, и первое Министерство народного просвещения превосходно поняло, чем оно должно послужить новой эпохе нашей жизни. Министерство графа Уварова оставило по себе славу забот о высших и средних учебных заведениях, но то была и другая эпоха. Евграф Петрович Ковалевский при всей краткости своего управления ознаменовал свое время заботами о народных училищах, воскресных школах и т. д. Но мы только указываем на главное, свидетельствуем и не вдаемся ни в подробности, ни в ближайшую оценку всего, что было совершено или задумано покойным; он мог утешить себя мыслью, что в дальнейшей истории нашего народного образования возвратиться назад к его целям и планам будет именно значить – пойти вперед, сделать успех. Справедливо замечено, что такие личности весьма часто испытывают неудачу, что они слишком настойчивы, что они хотят приносить пользу во что бы то ни стало, даже против воли тех, кому считают долгом быть полезными; но таковы всегда бывают люди, которые всецело отдают себя делу и служат этому делу, а не самому себе. Служение делу, конечно, может вредить личным успехам, и, напротив, самослужение иногда обладает многими приятными качествами и может на короткое время нравиться более службы делу; но последнее рано или поздно найдет себе верную оценку, когда мы начнем подниматься от интересов дня на высоту интересов эпохи. Если большинство людей заботится исключительно о том, чтобы как можно более иметь «своих дней», и затем смеется над выгодами доброго имени в потомстве, то это заставляет только тем выше дорожить теми немногими, которые, как Евграф Петрович Ковалевский, не стараются во что бы то ни стало увеличивать числа «своих дней» и служат делу, а не самим себе.

М. С.[55]

I

Кавказ, стоящий каменной стеной между Азией и Европой, по своему географическому положению, по геологическому образованию его гор и по разнообразию его жителей привлекает к себе особенное внимание наблюдателя. Горы, наполняющие Кавказский перешеек, не простираются правильными грядами, но образуют или горные узлы, между собой перепутанные, или громадные плоскогорья, изрезанные ущельями. Между ними то возникают гигантские плутонические сопки (пики), достигающие необыкновенной высоты[56], в ребрах которых

[55] Инициалы редактора «Вестника Европы» (1867).

[56] По последним измерениям, абсолютная высота Эльбруса – 18 523 фута, Арарата – 16 916 футов, Казбека – 16 554 фута. Из атласа, при «Космосе» Гумбольдта приложенного, видно, что Эльбрус уступает высотой только некоторым горам Гималаев и Южной Америки, которые возвышаются над уровнем океана от 20 тысяч до 26 438 футов.

хранится неистощимый запас ледников, то являются живописные пригорки, покрытые богатой растительностью. Низменности, между этими своеобразными группами образовавшиеся, представляют то дикие расселины и котловины, из которых вырываются бурные реки, то плодоносные долины, питающие огромные стада домашних животных. Везде следы какого-то хаоса.

«Пространство между Каспием и Черным морем, – говорит сочинитель очерков геологии Кавказа[57], – взволновано разнообразными горами, точнее сказать, это целый океан гор, бурный, клокочущий, то воздымающийся до облаков, то упадающий в бездны: тут, видимо, происходила некогда ужасная борьба между земной корой и внутренними плутоническими силами, стремившимися поднять и разорвать ее». Действительно, если бросить взгляд на Кавказские горы в общем их объеме, то представляется невольное сравнение их с морскими волнами во время сильной бури, которые в таком виде внезапно окаменели. Но усилие науки восторжествовало над затруднениями, полагаемыми природой и населением Кавказа. Направление главного кряжа отыскано среди кажущегося хаоса; побочные отроги и соединение их с Главным хребтом определены; возвышенные пункты и другие замечательные местности значительной частью измерены барометрически и тригонометрически; географическое положение в той же мере определено астрономически. Всем этим мы обязаны трудам офицеров Генерального штаба Кавказской армии, в числе которых занимает видное место генерал Ходзько. Но усилия науки не остановились на таких успехах. Геологические и геогностические исследования Кавказских гор открыли нам не только внутренний состав их и формации, к которым они принадлежат, но указали главные направления их поднятий, перевороты, при том происшедшие, и геологические эпохи таких поднятий. Последними научными приобретениями мы обязаны преимущественно академику Абиху, посвятившему этому делу лучшие годы своей жизни и связавшему свое имя с геологией Кавказа.

Не такая участь выпала на долю этнографии Кавказа. Прошло с лишком 60 лет, как с владычеством русских на Кавказе началось их знакомство с его жителями, но этнографические о нем сведения недалеко подвинулись вперед. Конечно, этому препятствовала неприязнь большей части народов Кавказа к русским, но независимо от этого обстоятельства существовала и другая, не менее важная причина. При знакомстве с жителями Кавказа не обращалось особенного внимания на существенный признак, отличающий народы между собой, именно на языки, которыми они говорят. Попытки в этом роде наших академиков Гюльденштедта и Палласа и иностранных путешественников Клапрота, Каленатано, Боденштедта и других не могли привести к прочным результатам, потому что эти ученые ограничивались записыванием немецкими буквами со слуха некоторых слов, тогда как только элементарные формы и грамматический строй представляют существенное основание каждого языка и отличие его от других. Для избежания этого недостатка и для разъяснения запутанной этнографии Кавказа путем филологическим составлена была от нашей Академии наук особая программа (в 1853 году). Но она, как и все программы, осталась бы надолго без исполнения, если бы не явился надежный деятель на этом поприще в лице генерала Услара. Знакомый с Кавказом и обладая способностью изучать языки, а вместе с тем и духом настойчивости, пред которой преклоняются все препятствия, он в короткое время успел уже сделать довольно для лингвистики, но предпринятые им труды в последнее время обещают в будущем еще более. Прежде всего, Услар обратил внимание на недостатки употреблявшихся алфавитов для изображения звуков изучаемых языков.

Разбирая с сей целью разные алфавиты, он пришел к убеждению, что система звуков грузинского алфавита есть самая приложимая к кавказским языкам. Но как знаки его употребляются только для языка грузинского, малоизвестного вне Грузии, в самом Кавказе, то изображение букв принял Услар из самого общеизвестного здесь алфавита, который, без сомнения, есть

[57] Профессор *Щуровский.* Геологические очерки Кавказа // Русский вестник. 1862. Март.

русская азбука. Буквы ее, с необходимыми дополнениями, прилагаются к грузинской азбуке, и таким образом составился новый алфавит для языков и наречий Кавказа. При этом пособии разработаны им языки абхазский, чеченский и аварский; результаты трудов его помещены, с лингвистическими дополнениями, академиком Шифнером в «Мемуарах» нашей Академии наук 1862, 1863 и 1864 годов (на немецком языке).

В настоящее время Услар посвящает труды свои изучению языков и диалектов Дагестана. Но, кроме Услара, в последнее время были и другие деятели в разработке кавказских языков. Самое видное место между этими деятелями занимает академик Шифнер, издавший лингвистические разработки Услара со своими дополнениями и исследовавший подробно диалекты языков тушин и удов[58] в своих академических студиях, помещенных в трудах Академии наук 1856 и 1863 годов. Ему же вместе с покойным академиком Шегреном мы обязаны окончательной разработкой осетинского языка до такой степени, что можно было вывести безошибочно родственную связь его с известными уже языками и указать осетинскому народу место в общей классификации народов. Большей же частью сведения о языках Кавказа в настоящее время представляют только материалы, требующие дальнейшей обработки, и недостаточны для выводов сравнительной филологии[59] и для прочного основания этнографии Кавказа.

Кавказский перешеек служил одним из путей, по которым совершалось предшествовавшее Средним векам и падению Западной империи Великое переселение, или, вернее сказать, стремление народов с востока на запад. Народные массы, двигаясь через Кавказские горы, не могли не оставлять там своих осадков. Сверх того, народы, следовавшие по другому главнейшему пути, который шел из Средней Азии, мимо северных берегов Каспийского и Черного морей, и осевшие на привольных для кочевки низменностях Волги, Дона и Днепра, будучи теснимы новыми пришельцами, находили убежище – иногда временно, а иногда навсегда – в неприступных горах Кавказа. Все это могло иметь последствием население Кавказа разными народами, тем более что гористое и разъединенное положение его препятствовало слитию их между собой. Но чтобы это разнообразие кавказского населения доходило до такой степени, как оно казалось в древности Птолемею, Плинию, Страбону и другим и как оно кидается в глаза и нынешнему наблюдателю, чтобы имена, которыми называют себя кавказские жители и которыми испещрены географические карты, действительно принадлежали разным народам, в том усомнится всякий, кому только доступны основания, служащие для народной классификации. Несомненно, что сравнительная филология после исторических данных, доказывающих настоящее происхождение народа, есть самое вернейшее из означенных оснований. Несмотря на то что правильным, систематическим изучением языков Кавказа начали заниматься весьма недавно, однако ж эти занятия довели уже нас до убеждения, что многие из обитателей западной части его, считавшиеся отдельными народами, составляют только отрасли их. Восточная окраина Кавказа, известная под именем Дагестана, как в геологическом, так и в этнографи-

---

[58] Поводом к исследованию языка *удов* послужило любопытное заявление в Географическом обществе члена его Яновского о родстве этого народца, вымирающего, которого остатки сохраняются в Закавказье, в двух деревнях (Варташене и Надже) между Шемахой и Нухой, среди тюркского населения, с финскими вотяками, которые именуют себя также *удью* (вотью). Академик Шифнер, воспользовавшись материалами, переданными ему от Географического общества, и сведениями, полученными им от компетентных лиц о языке удов, составил грамматику его и пришел к убеждению, что он находится в близком родстве с другими кавказскими языками, именно Нагорного Дагестана, но подвергся в течение времени сильному влиянию тюркского элемента. Об отношении же собственно удского языка или наречия к вотякскому г-н Шифнер не сделал особого заключения.

[59] Так как и филология, и лингвистика имеют предметом языки, то многие принимают эти слова за синонимы. Филология употребляет языки как орудие для изучения сущности духовной жизни народа или сравнительно нескольких народов; она преимущественно действует там, где существует литература, а потому принадлежит к *наукам историческим:* может быть филология классическая, китайская, романская, славянская и т. д.; каждая из них объемлет больший или меньший круг исторической жизни одного или нескольких родственных между собой народов. Лингвистика, напротив, занимается языком, не обращая внимания на народ, которому он принадлежит; для нее может быть весьма интересен язык народа, у которого вовсе нет письменности. Лингвистику можно отнести к *наукам естественным:* она, как и эти науки, останавливается на наблюдениях современных. (Подробности – в главе моих исследований «Об основаниях классификации народов».)

ческом отношении представляется наиболее запутанной. Дагестан образуют горные узлы или гигантские плоскогорья, изрытые по разным направлениям ущельями. В этих диких, неприступных местах гнездятся жители небольшими обществами, считающимися отдельными народами, а диалекты их принимаются за особенные языки, которых многочисленность дала повод персиянам называть эту страну «Гора языков». Чтобы выйти из этнографического лабиринта в Дагестане, одна только ариаднина нить – сравнительная филология. Хотя, как выше сказано, наша разработка на этом поприще началась недавно, но тем не менее она уже указывает нам на то, что число настоящих народов, говорящих отдельными языками, а не наречиями, должно значительно уменьшиться и в Дагестане. Этим только путем можно развязать этнографическую путаницу Дагестана и достигнуть важных результатов не только для этнографии, но и для истории Кавказа. Наука ожидает этого от полезной деятельности г-на Услара, посвятившего свои занятия в последнее время изучению языков и наречий дагестанского населения. Затем будет предлежать труд для ученых, специально занимающихся сравнительной филологией: воспользовавшись местными лингвистическими исследованиями, ввести народы Кавказа в общую классификацию и указать им в ней известное место. До того же времени мы должны довольствоваться такими сведениями, из которых можно составить только очерки. Но прежде, нежели мы приступим к ним, просим читателя еще раз бросить взгляд на географическое положение Кавказского перешейка.

Главный хребет Кавказских гор простирается, как вообще принято, от северо-запада к юго-востоку, но, по нашему мнению, будет правильнее сказать в общем орографическом смысле – от юго-востока к северо-западу. Это протяжение его служит основанием к разделению Кавказа на Верхний, или *собственно Кавказ,* и на Нижний, или *Закавказье.* Народы, населяющие Закавказье, большей частью имеющие письменность и историю и занявшие место в общей классификации, вошли уже в наше описание обитателей России в нынешних ее пределах[60]. Настоящую задачу нашу составляют обитатели *собственно Кавказа,* не имеющие ни письменности, ни истории, а потому требующие особенного изучения. Мы будем касаться исторической географии Закавказья, насколько то необходимо будет нам для уяснения происхождения и исторической судьбы народов, населяющих собственно Кавказ. Для большего же удобства и наглядности мы разделим собственно Кавказ на *Западный, Средний и Восточный.* Деление это, впрочем, не будет представлять математической точности. Мы увидим впоследствии, что, например, территория одного из кавказских народов – сванетов, относимых нами к обитателям западной его части, входит несколько и в пределы Закавказья. Но мы не остановились на этом неизбежном неудобстве ввиду очевидной пользы принятого нами деления.

[60] Это описание должно храниться в бумагах покойного. – *Ред.*

Народы Западного Кавказа

Черкесы

Значительнейшую часть Западного Кавказа составляет так называемый Закубанский край, ограничивающийся с севера и востока течением Кубани от истока до устья сей реки, с запада – берегом Черного моря, с юга – частью сим морем, а большей частью Кавказским хребтом и его отрогами. По крайней мере две трети этого огромного пространства занимают горы, и только одну треть – равнины и горные долины. От северной его границы горы постепенно возвышаются: с одной стороны, к берегам Черного моря, в которые они как бы упираются, а с другой – к истокам рек Белой, Лабы, Урупа и Зеленчуков, вытекающих из Главного хребта. Покатости этих гор покрыты девственными лесами разных лиственных и хвойных пород. Равнины тянутся по левому берегу Кубани и по низовьям рек Лабы, Белой и других, в нее впадающих, составляя почву, плодородную и весьма удобную для земледелия и скотоводства. Что касается до продольных и поперечных горных долин, то они представляют разнообразные климатические и почвенные полосы, ожидающие только рук для культуры самых разновидных растений. В этом благодатном крае было самое редкое население, разбросанное на обширном пространстве небольшими поселками (аулами), из которых составлялись общества, носившие разные названия и считавшиеся за особые народы. За исключением русских поселений в казачьих станицах и укреплениях, означенные общества занимали в Закубанском крае, начиная с северо-запада, следующие местности:

натухайцы жили близ Анапы и Суджукской бухты, между морем и реками Адагум и Кубанью;

шапсуги были известны под именами *больших* и *малых*; последние, или *приморские*, граничили с натухайцами и тесно с ними соединялись, занимая места от Анапы до реки Шахе; первые обитали на западе от абадзехов до реки Адагум, а на юге – до реки Псезуапсе по обоим склонам Главного хребта;

убыхи жили на юго-западном склоне Главного хребта, между реками Псезуапсе и Саше; по берегу моря они составляли смешанные общества с шапсугами и абхазами, носившие разные наименования и, между прочим, имя *вардану,* напоминающее реку Кубань, которая у эллинских и римских писателей называлась *Вардан*[61];

абадзехи занимали центральное положение края и обитали по северным лесистым склонам Главного хребта, от истоков Белой до реки Шабша. Эти четыре общества, известные под именем *закубанских горцев*, или *черкесов*, были настоящими представителями своей народности. Они считали себя совершенно независимыми, несмотря на Адрианопольский трактат, по которому Турция уступила их России, и представляли миниатюрные республики, соединенные между собой вроде федерального союза. Поэтому их называли вольными черкесами, в противоположность другим обществам, более или менее подвластным русскому правительству, которые управлялись назначаемыми от него князьями, почему они и носили название *княжеских*, или *мирных*, черкесов. Впрочем, им предоставлялось также внутреннее самоуправление, а владетельные князья обязаны были только наблюдать за сохранением общественного спокойствия, что на самом деле мало исполнялось. Я не буду исчислять здесь всех обществ, принадлежащих к последней категории, нередко состоящих из небольшого числа аулов и пред-

[61] Примечательно, во-первых, что род владетелей Гурии (Гуриель) назывался *Варданидзе* (Кавказ. 1847. № 26), и, во-вторых, что, по свидетельству кабардинца Шоры Ногмова, историографа адигского народа, слово *варде* значит «великий, сильный», откуда происходит *уорд*, или *уорк*, – дворянское звание у черкесов.

ставляющих один и тот же тип, но упомяну только о важнейших из них. Первое место между ними занимают *бжедухи,* жившие между шапсугами и абадзехами, по низовьям рек Пшекупс и Пшеш, и хотя подчинившиеся России за несколько лет до общего покорения Западного Кавказа, но не перестававшие принимать участия во враждебных замыслах [по отношению] к ней вместе со своими соседями. Не в дальнем расстоянии от бжедухов обитали *жанеевцы,* или *жань,* – отрасль, некогда сильная, которой остатки занимают ныне остров, образуемый двумя рукавами Кубани и называемый черноморскими казаками Кара-Кубанским островом. Часть жанеевцев слилась с натухайцами. Далее на восток и на юг от бжедухов закубанцы занимают места, более близкие к русским военным поселениям и потому более удобные для наблюдения. Сюда принадлежат: *гатюкои,* живущие частью на правом берегу реки Сагуаша, частью между Белой и Лабой, в низовьях сих рек; *темиргоевцы,* обитающие по низовьям Лабы; *мохоши* – на левом берегу Лабы, выше темиргоевцев; *бесленеевцы* и *кабардинцы,* занимающие ближайшие места к Кубани: первые по Большой Лабе на Тегенях, а последние, выселенные за разбои в 1822 году из настоящей Кабарды, по реке Уруп. По свидетельству же Люлье (Записки Кавказского отдела Русского географического общества. 1857), и *бесленеевцы* выселились из настоящей Кабарды не более ста лет тому назад, сохраняя и поныне нить родства с кабардинцами. Об этих последних, составляющих одну из самых важных отраслей черкесского народа, мы скажем в своем месте при описании народов Центрального Кавказа. Все так называемые княжеские, или мирные, черкесы представляют небольшие общества – от 3 до 7 тысяч душ и в совокупности составляют от 50 до 60 тысяч душ. Между тем население вольных черкесов до последнего выселения их составляло до 350 тысяч, а по другим известиям, доходило до 400 тысяч душ. Впрочем, эти цифры не представляют безусловной верности, но должны быть принимаемы только как приблизительные. В народе, совершенно замкнутом и к другим враждебном, у которого не сохраняется [память о] времени рождения и смерти, у которого даже почитается грехом считать людей, невозможно достигнуть верности в делах такого рода[62].

Все вышепоказанные обитатели Закубанского края говорят одним языком, изменяющимся только в наречиях, сходствуют между собой образом жизни, нравами и обычаями, наружным видом, нравственными и духовными свойствами, почему, несомненно, составляют один народ, который называет себя вообще по имени языка – *адыге,* и у нас известен под названием *черкесов.* Отличительные свойства этого народа – неограниченная любовь к свободе и привязанность к родным горам своим, дух воинственный, личная храбрость и необузданная страсть к хищничеству и разбоям. Упражняясь с малолетства в делах этого рода[63], черкесы приобретали, с одной стороны, ловкость и отвагу, а с другой – способность переносить всевозможные лишения. Напрягая все свои способности для изыскания средств к верной гибели

---

[62] Генерал Р. А. Фадеев (в 9-м из кавказских его писем, напечатанных в «Московских ведомостях» за октябрь, ноябрь и декабрь 1864 года) показывает, что в 1864 году переселилось в турецкие владения 190 тыс. душ черкесов. Из официальных турецких известий (Wanderer. 1865. 15 февр.) видно, что по произведенной турецким правительством ревизии в начале 1865 года оказалось поселенных черкесов в Болгарии и на границе Сербии 70 тыс. семейств, или до 200 тыс. душ. К этому следует еще присовокупить хотя небольшое число переселившихся в Малую Азию и много погибших на пути черкесов. Далее, исчисляя переселившихся как в турецкие владения, так и на кубанские плоскости, а равно оставшихся мирных черкесов, генерал Фадеев определяет общее число для всех их 320 тыс. душ. Барон Торнау, бывший в плену у черкесов с 1836-го по 1838 год (Воспоминания кавказского офицера Т. // Русский вестник. 1864), определяет число всех черкесов вообще до 500 тыс. душ, в том числе одних шапсугов с натухайцами до 300 тыс., а убыхов только 6 тыс.; но, сопоставляя это с другими сведениями, мы видим, что первое число преувеличено, а второе слишком уменьшено. Ренегат Лапинский (Тафик-бей), живший у черкесов 3 года (Die Bergvolker des Kaukazus), утверждает, что общее число черкесов должно составлять до 900 тыс. душ. Но как он, отвергая вообще имя черкесов, смешивает их с абазами или абхазами, то, вычтя даже число населения сих последних, составляющее до 150 тыс. душ, из означенной суммы, приходится на долю населения черкесов 750 тыс. душ! Впрочем, черкесофил Лапинский смотрит в увеличительное стекло на все, что относится до закубанских горцев. Вышеприведенные разнообразные цифры подтверждают, как трудно достигнуть истинного определения населения такого народа, как черкесы.

[63] Черкес всегда вооружен, как говорится, с головы до ног: за плечами – меткая винтовка, при бедре – острая шашка (по-черкесски: *сашху* – «большой нож»), за поясом – один или два длинных пистолета и широкий кинжал – всегдашние его спутники, с которыми он не разлучается.

противника, не останавливаясь ни перед чем, не щадя ничего, черкес в одно и то же время является и героем, и пошлым разбойником. Воровство всякого рода считается не преступлением, а достоинством; преступен, по понятию черкесов, только тот, кто попадается на деле. К этому следует присовокупить и вероломство черкесов: обмануть не только чужого, но и своего, а особенно русского, и даже вероломно убить его, – это верх достоинства и заслуга пред Аллахом.

Черкесы, говоря вообще, среднего роста, крепко сложены и отличаются правильными и мужественными чертами лица, сквозь которые нередко проглядывает свирепость. Между черкешенками встречаются настоящие красавицы, но это составляет принадлежность более высшего сословия, пользующегося удобствами жизни. В низших же слоях Черкесского общества женщины, по свидетельству лиц, имевших возможность видеть их тысячами при переселении в Турцию, не отличаются красотой, и в этом отношении уступают мужчинам. Сверх того, красота черкешенок непродолжительна и сохраняется преимущественно у девиц, по выходе же замуж самые красивые женщины от тяжелых трудов и беспрерывных забот весьма скоро изменяются и дурнеют. Что касается до молвы о красоте черкешенок вообще, то она возникла оттого, что турки получали для своих гаремов красивых женщин через прибрежных черкесов, которые занимались этой постыдной торговлей по удобству своего жительства; сами же они приобретали их во всем мусульманском населении края.

Замкнутость и отчуждение черкесского народа от чужеземцев и ненависть к гяурам, и особенно к русским, представляли неимоверные затруднения в ознакомлении с их домашней, социальной и политической жизнью. Всем, что нам по этому известно, мы обязаны лицам, которым по особенным случаям удалось ближе познакомиться с черкесами[64]. Добытые таким путем данные, между прочим, показывают, что народ черкесский стоит на низкой степени социального развития; вся жизнь его как домашняя, так и общественная проникнута элементом патриархального, родового быта. Старейший в семействе есть полный властелин над членами его. Родительская власть ничем не ограничена: отец ни перед кем не отвечает за жизнь своего ребенка. Впрочем, злоупотребления родительской власти у черкесов составляют редкость, исключая разве продажу дочерей и мальчиков-сыновей в Турцию, которая в наших глазах есть жестокость, но, по их понятию, показывает только родительское попечение о доставлении детям своим счастливой будущности. В этом случае они руководствовались тем, что проданные дочери попадали нередко в гаремы могущественных пашей и даже султанов, а сыновья достигали высших степеней оттоманской иерархии.

В народе, у которого личная храбрость и физическая сила составляют всё достоинство, женщина не может пользоваться своими правами и должна находиться в угнетении. Действительно, жена или жены черкеса, которых он покупает, – настоящие рабы его. Нет ничего обиднее для черкеса, как уподобить его женщине. Удалец (джигит), предпринимающий какое-либо отчаянное дело, говорит: «Если я не совершу его, то позволю себе надеть через плечо вместо ружья прялку». Сказать черкесу, что он достоин носить юбку, – значит, нанести ему такое оскорбление, какое может быть искуплено только кровью. Если свободный и зажиточный черкес не был на войне и не участвовал в набегах, то или наслаждался дома покоем, или чистил свое оружие, или играл на *пшенаре* (двухструнная балалайка), или, наконец, разъезжал по

[64] Мы укажем на эти лица и на изданные ими сочинения, которыми пользовались. Первое место занимает *барон Торнау*, русский штаб-офицер, с лишком два года бывший в плену у черкесов (1836–1838) и описавший свои приключения в замечательном сочинении «Воспоминания кавказского офицера Т.» (Русский вестник. 1864). Затем следуют: *Теофил Лапинский*, поляк, известный под именем Тафик-бея, который прожил у черкесов три года и по этому случаю издал сочинение «Die Bergvölker des Kaukasus und ihr Freiheitskampf gegen die Russen» (1863); английский турист *Белл*, проживший три года у горцев и издавший о них сочинение под заглавием «Bell's. Journal of a Residence in Circassia during the years 1837, 1838, 1839»; *Фридрих Боденштедт*, живший между черкесами несколько времени и издавший сочинение под названием: «Die Völker des Kaukasus» (1847; 2-е изд., доп. 1855). Кроме того, я пользовался кавказскими периодическими изданиями и сведениями о быте черкесов от лиц, которым по служебному их положению он сделался известен.

гостям. На жене или на женах его лежали все заботы и труды по домашнему хозяйству и воспитанию детей; они, сверх того, приготовляли не только для них и для себя, но и для мужа белье и даже большую часть одежды. По свидетельству очевидцев, черкешенки отличаются замечательным искусством в женских рукоделиях: что они ни делают, во всем видно практическое приспособление и даже хороший вкус. Зато искусство в этих работах, после красоты, считается важнейшим достоинством девушки и служит приманкой для женихов. Чем красивее[65] или искуснее в женских рукоделиях девушка, тем более должно заплатить за нее выкуп (калым) родителям. Этот калым (по свидетельству Лапинского) простирается на наши деньги от 100 до 2 тысяч рублей и уплачивается преимущественно скотом, оружием, разным товаром и весьма редко деньгами. Но удивительнее всего, что (по свидетельству Торнау) черкешенки могут разбирать Коран, умеют читать и писать по-турецки и ведут даже переписку на этом языке за своих отцов и мужей, которые пренебрегают учением. Черкесские девушки пользуются некоторой свободой: им дозволено показываться в мужском обществе с открытым лицом; они могут принимать у себя родных и посторонних в присутствии какой-либо старухи; участвовать при свадебных и других празднествах, даже танцевать там с молодыми людьми. Потеря невинности считается величайшим несчастьем для черкесской девушки, которое искупается только женитьбой или смертью соблазнителя. Вообще девушка ответствует за свое поведение родителям, жена – мужу, а вдова – никому, если только она не нарушает правил общественного приличия; она может выйти вторично замуж, когда пользуется красотой, знатным происхождением или богатством. Но выйдя замуж, всякая женщина становится рабой своего мужа; никто ее не видит, и она не может переступить порога своего дома, не надев длинного белого покрывала. За неверность своему мужу по шариату она наказывается смертью, равно как и соблазнитель ее. Но если муж не хочет неверную жену подвергнуть суду, то имеет право продать ее, как невольницу. Несмотря, однако ж, на всю строгость гаремной жизни и все меры, принимаемые ревнивыми мужьями, случаются иногда примеры нарушения супружеской верности, которые оканчиваются обыкновенно трагически для соблазнителя и для жертвы соблазна. Барон Торнау приводит несколько примеров подобных трагических происшествий.

Право собственности сохраняется между черкесами и редко когда нарушается, а потому существует у них и право наследства, которое обыкновенно переходит к ближайшим родственникам мужского пола. При разделе имущества между наследниками по равной части старший из них имеет преимущество перед другими, состоящее в том, что он сверх своей части получает еще одну ценную вещь. Для разбора споров и тяжб между собой черкесы редко обращаются к кади, зная вперед, что они истолкуют закон в пользу того, от кого могут получить более для себя выгоды, но гораздо охотнее прибегают они к суду избранных старшин (*тамата*), выбираемых из среды людей, пользующихся добрым именем, преимущественно же из стариков, к которым вообще питают большое доверие. За убийство зовут на суд только люди, не имеющие силы отомстить обидчику, или, в крайних случаях, когда кровомщение угрожает принять слишком большие размеры, причем весь народ заставляет кровомстителей кончить распрю духовным судом, назначающим размер кровавой пени по шариату ли, одинаково определяющему цену крови для всех сословий, или по адату, указывающему постепенность в этой цене, судя по сословиям, то есть жизнь князя оценивается дороже, чем дворянина, а жизнь дворянина – более против простолюдина. По большей же части за кровь платится кровью. Кровомщение, *канла*, переходит по наследству от отца к сыну и распространяется на всю родню

[65] Красоту женщины, по вкусу черкесов, должны преимущественно составлять тонкий и гибкий стан с малым развитием грудей. Уверяют, что для достижения этого идеала красоты зашивают талию и грудь черкесских девушек с раннего возраста в кожу, которая остается на них до выхода их в замужество, и что в день свадьбы счастливый муж разрезает со всей осторожностью своим кинжалом этот щит красоты и невинности. Торнау опровергает этот слух, утверждая вместе с тем, что черкесские девушки действительно носят под рубахой так называемый *пшакафтан* (девичий кафтан) – род корсета из кожи, холста или бумажной материи со шнуровкой спереди и с двумя гибкими деревянными пластинками, который сжимает талию и груди.

убийцы и убитого. Самые дальние родственники убитого должны мстить за его кровь. Сила и значение рода зависят от числа мстителей, которых он может выставить.

Наравне с этой характеристической чертой нравов черкесов стоит не менее характерное свойство их, состоящее в гостеприимстве. Хотя оно существует у всех народов, ведущих патриархальную жизнь, но черкесам оно принадлежит по преимуществу. Гость, кто бы он ни был, считается лицом неприкосновенным и самым почетным: его принимают, не спрашивая, кто он, откуда и куда едет, в особом, имеющемся у каждого небедного человека, отделении дома, называемом *кунацкой* (дружеской), и угощают всем, что есть лучшего у хозяина; в некоторых местностях сохранился даже древний обычай омовения ног гостя почетнейшей в доме женщиной. Пока гость в доме хозяина, жизнь его в совершенной безопасности: самый страшный его враг, сам кровомститель не смеет нарушить прав гостеприимства и нападать на гостя, пока он не оставит дома, где он принят.

Не можем оставить без внимания еще одну характеристическую черту черкесских обычаев. Князья и знатные дворяне не воспитывают своих сыновей в родительском доме, но отдают их с младенчества на воспитание посторонним, по избранию, лицам, далеко от них живущим и нередко принадлежащим другому обществу, или народу, как, например: абадзехи шапсугам, шапсуги убыхам и т. д. Цель этого обычая, как кажется, состоит в том, чтобы дети дома не изнежились и привыкли переносить физические труды и лишения. Воспитатель, *аталык* (слово татарское), имеет над своим питомцем родительскую власть, учит его с молодых лет ездить верхом, действовать шашкой, стрелять из пистолета и ружья. Когда же он достигнет юношеского возраста, то аталык отправляется с ним на разные поиски и обучает его, как должно искусно воровать, грабить и джигитовать, – в этом главнейшая состоит обязанность воспитателя. По достижении питомцем зрелого возраста и по изучении им, по понятию черкесов, военного дела аталык возвращает сына отцу, получает от него значительные подарки оружием, лошадьми и прочим и приобретает затем большое уважение от всего дома, особенно же от своего воспитанника, который обязан во всем и всегда ему помогать. Вообще этот способ воспитания служил большой связью между черкесами разных сословий и родов.

Женский пол высших званий отдается также на воспитание в чужие дома, где содержат девиц в строгом повиновении, заботятся о сохранении наружной их красоты и обучают рукоделиям, особенно вышиванию золотом и серебром. В этом заключается все воспитание, по окончании которого и по выходе в замужество девицы часть полученного калыма выделяется воспитаннице.

Черкесы – небольшие охотники до земледелия и производят хлеба столько, сколько потребно для своего продовольствия; гораздо охотнее они занимаются скотоводом и пчеловодством, пользуясь для того всеми удобствами. Из фабричных занятий черкесов заслуживает внимания только приготовление огнестрельного и белого оружия, которое составляет существенную потребность жизни и потому ценится выше всего. Прочие фабричные и мануфактурные изделия, за исключением малого числа приготовляемых дома, приобретались преимущественно посредством контрабандной торговли, которой способствовали малодоступные для наблюдения берега Черного моря. Кроме бумажных, шелковых и суконных товаров черкесы получали этим путем соль, в которой особенно нуждались, серу для приготовления пороха, имея у себя дома селитренную землю, а отчасти порох и оружие. Взамен этих товаров они отпускали свои произведения, преимущественно воск, мед, невыделанные кожи и скот. Отпускная торговля, так же как и привозная, имела большей частью меновой характер. Но самый дорогой из отпускных товаров, идущих в Турцию, составляли девушки и мальчики. Этот живой товар обогащал не только прямых хозяев его, но также и турецких комиссионеров, для приобретения его скитавшихся по берегам Черного моря и в самой Черкесии. Русские крейсеры строго преследовали суда, нагруженные этим товаром, но частью по легкости

хода их, а частью по неприступности морского берега во многих местах им нередко удавалось скрываться от таких преследований. Теперь положен конец этому постыдному торгу.

Черкесское общество представляет четыре сословия: высшего дворянства, или князей (*пши*), дворян (*уорк, уздень*), свободных людей (*твокол*) и рабов (*тльхо-кошао*). Князья ведут свой род с глубокой древности и стараются сохранить чистоту своей крови, не смешиваясь даже с дворянами, так что сын, родившийся от князя и дворянки, не может почитаться настоящим князем. Между вольными черкесами древних княжеских фамилий сперва было немного, но число их увеличилось впоследствии пожалованием некоторых семейств в княжеское достоинство турецким правительством. Что касается до мирных, или княжеских, черкесов, то у них еще более княжеских фамилий, которые преимущественно переселились из Кабарды. Хотя князья вообще пользуются в Черкесии особенным почетом, но влияние их на общественные дела мало отличается от влияния дворян и зависит преимущественно от личных свойств и достоинств каждого. Дворяне, по большей своей численности и по большему влиянию на народ, представляли сильный аристократический элемент у черкесов. Но в последнее время от распространившегося мюридизма (воинственно-религиозной секты, игравшей великую роль в магометанском населении Кавказа), которого главный догмат составляет приведение в один уровень всех сословий народа и прямое подчинение его единоличной власти имама, а может быть, и от других жизненных условий аристократический элемент стал упадать, а народ, или свободные люди, начали возвышаться и преобладать. Вот как описывает Люлье эти события у шапсугов и натухайцев[66]: «В сих обществах было много княжеских и дворянских фамилий, но влияние их мало-помалу стало ослабевать, а в народе начали проявляться стремления к большей свободе; из этого возникли столкновения партий и безначалие. Для восстановления порядка были созваны народные собрания, но не общие, а отдельные – дворянские, или аристократические (как называет их автор), народные, или демократические; последние по своей численности одержали верх над первыми. Дворяне старались потом разными средствами удержать свое влияние, но, не успев в том, прибегли к оружию и при помощи дворян соседних бжедухов одержали было победу над народом, но это не остановило хода событий, а, напротив, ускорило его. Вся надежда дворян на успех была потеряна: права и преимущества их уничтожены, всенародно объявлено равенство и пеня за кровь определена одинаково для всех». В обществе же бжедухов дворяне даже были изгнаны из общих аулов и принуждены были жить со своими рабами, в отдельных аулах[67]. Вообще раздоры между сословиями не могли не отразиться на прочности союза, связывавшего черкесов, и послужили одной из причин его шаткости в последнее время.

Независимо от сословных преимуществ пользуются у черкесов большим уважением: старики, и особенно те из них, которые обладают даром слова, имеющего сильное влияние на весьма воспламенительный черкесский народ; люди благочестивые, посещавшие гроб Магомета и носившие почетное название *хаджи*; удалые храбрецы, *гаджериты*, известные у нас под именем абреков, которые обрекали себя на все опасности, сопряженные с заклятой местью русским[68]; наконец, народные барды, *гекуокамы*, сохранившие в памяти геройские подвиги своего народа или особенных личностей, отличавшихся необыкновенной храбростью, – все это излагалось в песнях, нередко рифмованных, которые гекуокамы пели на пиршествах и перед началом сражения для возбуждения храбрости; с усилением ислама гекуокамы стали постепенно исчезать.

---

[66] *Люлье Л. Я.* О натухайцах, шапсугах и абадзехах // ЗКОИРГО. Тифлис, 1857. Кн. 4.

[67] Четвертое письмо из Тифлиса генерала Фадеева // Московские ведомости. 1864. Ноябрь. № 7.

[68] «Не было, – говорит Торнау в своих «Воспоминаниях…», – ни хитрости, ни вероломного обмана, считавшихся непозволенными для абрека, когда дело шло убить русского, а для казака – когда предвиделась возможность подкараулить абрека; ни казаки, ни абреки при встрече не просили и не давали пощады».

Между черкесами, которые сами пользуются неограниченной личной свободой, существовало рабство в полном смысле этого слова. Всякий свободный черкес мог иметь столько рабов, сколько позволяли ему средства, и продавать их кому и как хотел. Дворянин же, а тем более князь не могли даже обойтись без рабов, потому что личный труд для них почитался постыдным[69]. Рабы приобретались или покупкой, или захватом в плен и употреблялись для всех тяжелых работ. Если они не знали какого-либо ремесла, полезного для владельца, то участь их была самая жалкая. В особенности подвергались всем возможным угнетениям русские пленные, если только не имелось в виду получить за них значительного выкупа. Дети, рожденные от рабов, оставались в том же состоянии, но с ними обращались человеколюбивее, так же как и со стариками, на основании вообще уважения, питаемого черкесами к сединам. Торговля рабами была самая выгодная для черкесов. Ею преимущественно занимались убыхи и производили ее или сами, или посредством турецких агентов, приезжавших нарочно для того из Константинополя и, конечно, получавших огромные барыши[70]. Число рабов в каждом из черкесских обществ было различное. По свидетельству Лапинского, между убыхами рабы составляли почти четвертую часть всего населения, между абадзехами – десятую, а между шапсугами – едва двадцатую.

Двор, помещавший несколько домиков, в которых жили не только владелец с семейством, но и родные его по прямой восходящей и нисходящей линии со всеми рабами, им принадлежащими, составлял у черкесов административную единицу (*юнег-дом*, или двор). Сто таких дворов, образующих несколько аулов, рассеянных на довольно значительном пространстве, представляли общину, или волость (*юнег-ис*), которая управлялась старшинами (*тамата*) при содействии мулл и кади. Несколько таких общин, расположенных обыкновенно по течению какой-либо реки, составляли род или область, в которую входило до двадцати и более общин. Из областей уже образовалось то, что носило название народа абадзехов, шапсугов и т. д. Так как ни одно важное дело не предпринималось у черкесов без предварительного совещания, то на советы посылалось обыкновенно от каждой общины по два и более выборных старшины (тамата). В делах же особенной важности, касающихся религии, ополчения против русских, обсуждения предложений турецкого правительства и т. п., составлялись общие федеральные советы из нарочно избранных для того старшин от каждого народа, известных своей опытностью в делах военных и административных и пользовавшихся особенным влиянием. На этих советах избирались военные начальники и определялось, сколько каждая община должна выставить вооруженных воинов, пеших и конных[71]. Такой, по-видимому, простой и приспособленный к духу и степени развития народа порядок нарушался и колебался в своем основании от необузданного своеволия черкесов, от внутренних их раздоров и беспрерывных кровомщений. Последний из трех наибов Шамиля, высланных им к черкесам для распространения между ними мюридизма, – Мегмет-Эмин, бывший при Шамиле секретарем и постигший вполне его политику, видя, что администрация и суд у них находятся в большом расстройстве, старался ввести порядок и поэтому начал учреждать мехкеме, или окружные судебные приказы, которые составляли не одни только судьи, но и лица, заведующие полицией и другими отраслями

[69] Когда Торнау самым вероломным образом был взят в плен, то гнусный владелец его Аслан-бек Тамбиев, кабардинский узденъ чистой крови, прежде всего, спросил его: дворянин ли он по рождению или только по чину? Получив ответ, что он природный дворянин, Тамбиев объявил, что в таком случае нельзя заставлять его работать. Но тем не менее он приковал несчастного Торнау к стене и окружил его всеми возможными стеснениями. Это, по понятию истого черкеса, не нарушало преимуществ прирожденного дворянина.

[70] Вот местные цены этому живому товару на наши деньги, по указанию Лапинского: обыкновенный мальчик стоил около 100 рублей серебром; отличающийся особой красотой – от 300 до 500 рублей; взрослый мужчина, годный для военной службы, – 200 рублей. На женщин не было постоянных цен, за них платилось по градусам их красоты: 5 тыс. рублей было, однако ж, максимум. В Константинополе товар этот стоил вдвое, втрое, а иногда в десять раз более против показанной цены.

[71] Черкесы так же храбро сражались на коне, как и пешие, чем и отличались от других горцев. Удальство их в наездничестве и искусство в эквилибристических приемах (джигитовке) усвоены нашими казаками вполне.

администрации. Распоряжения эти, однако ж, не нравились привыкшим к своеволию черкесам: шапсуги скоро их отвергли, а у абадзехов, где Мегмет-Эмин пользовался особым влиянием, мехкеме существовали кое-где до самого падения наиба.

Все вышесказанное применяется к черкесам вообще, но преимущественно принадлежит вольным черкесам, сохранившим в чистоте национальный тип. Они составляли, как выше сказано, четыре отрасли: *абадзехи, шапсуги, натухайцы и убыхи*. Но из них только *абадзехи* и *шапсуги* представляли основу и могущество черкесского народа по чистоте типа и по числу населения: первых считалось приблизительно от 140 до 150 тысяч душ, последних – от 120 до 130 тысяч душ. *Натухайцы*, ничем не отличаясь от шапсугов, составляли одну с ними массу, а потому численность ее должна увеличиться по крайней мере еще на 60 тысяч душ натухайцев. Что касается убыхов, то они представляли самое малочисленное общество между вольными черкесами, простиравшееся до 25 тысяч душ. Но тем не менее убыхи имели значительное влияние на общие дела союза, по большему социальному своему развитию и по богатству сравнительно с другими обществами. Этим они обязаны были близости к ним морского берега, дававшего им возможность иметь сношения с более их образованными народами и производить прибыльную торговлю, особенно живым товаром. По этим особенностям и по говору, который отличается от прочих наречий языка адиге, некоторые считают их за народ особого происхождения. Такого мнения держится, между прочим, Люлье, считая убыхов отдельным народом, имеющим особенный язык, который, по его же словам, составляет только принадлежность простого народа, и то жителей горных ущелий; дворяне же и обитатели морского берега все говорят адыгским языком, удобно понимая притом и соседственный абхазский говор. Гюльденштедт, Лапинский, Белл, Боденштедт и Торнау утверждают, что убыхи составляют с прочими черкесами один народ. Последний из них присовокупляет к тому, что, может быть, они составились из черкесов, абхазов и европейцев, выброшенных, как говорит предание, на Черкесский берег во время первого Крестового похода. Все это указывает на то, что убыхи – народ смешанный, в основе которого, однако же, остался адыгский элемент преобладающим. К этой основе удобно мог присовокупиться элемент ближайших убыхам соседей – *джикетов*, отрасли абхазов, с которыми они находились в самых тесных сношениях. Может быть, в состав смешанного народа вошел и европейский элемент – тем ли путем, как свидетельствует предание, или, вернее, посредством влияния оставшихся от прежнего поселения греков, имевших, как известно, свои колонии по восточному берегу Черного моря и преимущественно на территории, которую занимали убыхи и соседние с ними абхазы, как в своем месте будет разъяснено. Ближайшее знакомство с убыхами при переселении их в Турцию показало, что они свободно объясняются с прочими черкесами и легко усваивают их наречие[72], а потому они, очевидно, сохранили общий с ними тип и должны составлять один с ними народ.

В настоящее время все черкесы исповедуют магометанскую веру по суннитскому обряду. Но, что прежде у них было распространено христианство, это доказывают предания, памятники и история. До сих пор у черкесов существует смутное воспоминание о христианстве; до сих пор сохраняются у них некоторые обряды и праздники христианской церкви, которые они смешивают с обрядами ислама и язычества. Они чтят память Иисуса Христа, признавая его Сыном Божьим, но еще более питают благоговение к Матери Божьей и празднуют торжественно вознесение Ее на небеса в июне. По морскому берегу и даже несколько в глубь гор встречаются развалины церквей и остатки надгробных памятников с латинскими и греческими надписями. Памятники с латинским крестом и гербом Генуэзской республики попадаются более в северной части прибрежья, а с греческими надписями и с изображением гре-

[72] Академик Шифнер в разборе сочинения барона Услара «Этнография Кавказа: абхазский и чеченский языки», представленного к соисканию Демидовской премии, упоминает мимоходом, что Услар занимался и языком убыхов, но, к сожалению, нам неизвестны результаты его трудов.

ческого креста находятся преимущественно в южной части Черкесии. Встречаемые здесь, и особенно ближе к Абхазии, остатки христианских церквей носят на себе явственно тип византийского стиля. Из византийской истории известно, что в VI веке были посылаемы из Византии особые миссионеры для введения христианства на Западном Кавказе. С восточной стороны предпринимались подобные подвиги грузинскими царями, на что указывают источники грузинской истории.

Когда фанатические последователи Магомета стали мечом и огнем распространять его учение повсюду, куда только могли проникнуть, тогда и жители Кавказа подверглись их напору. Из народов, обитавших на Кавказе и в Закавказье, одни только армяне и грузины, просветившиеся христианством в начале IV столетия, отстояли свою веру; прочие же волей и неволей сделались мусульманами. Турецкие султаны, заняв в средине XV столетия престол византийских императоров, распространили магометанскую веру между кавказскими народами, в том числе и между черкесами, и с того времени начали считать их своими подданными. Для поддержания своей власти они построили в XVI столетии приморские крепости Поти, Сухум, Апсюг и др. Несмотря на то, черкесы, которых турецкий султан считал своими подданными, на деле никогда ему не повиновались. Они признавали его, как наследника Магомета и падишаха всех мусульман, духовным своим главой, но не платили никаких податей, не поставляли солдат и не допускали вмешиваться в их внутренние дела, терпя турок, занимавших несколько укреп-ленных мест, по праву только единоверия. В случае посягательства на их свободу они прибегали к оружию и выходили победителями. Так продолжалось до 1829 года. По силе Адрианопольского трактата, Оттоманская Порта уступила России Закубанскую область с ее жителями-черкесами вплоть до границ Абхазии, предавшейся России лет двадцать ранее. Но эта уступка осталась только на бумаге и не имела никакой фактической силы. Черкесы упорно стояли на том, что они и предки их были всегда независимы. Султан никогда ими не владел, а потому и уступать их никому не мог[73]. Должно было брать силой то, что следовало по праву трактата, после побед, проложивших русским войскам путь к стенам Константинополя. Но вести войну с горцами обычным способом было невозможно.

Как дикие птицы, когда их спугнут с одного места, перелетают на другое, пока не найдут неприступного для себя убежища или пока не утомят охотника, – так поступали черкесы с нашими войсками. Наши укрепления, построенные в стратегических пунктах, были страшны для тех только черкесов, которые жили на расстоянии пушечного выстрела и которые не могли переселиться далее в глубь гор и там удобно устроить свои подвижные жилища. Приморские же укрепления, требовавшие так много жертв, были полезны только против внешних, враждебных нам вмешательств, но не могли иметь прямого влияния на покорение черкесов. В продолжение тридцати лет после Адрианопольского мира много было пролито русской крови, много было геройских подвигов с нашей стороны, но покорение края продвигалось медленно.

Между тем на противоположном конце Кавказа разыгрывалась кровавая драма, в которой действующими лицами были фанатики ислама – мюриды, главная обязанность которых состояла в возбуждении религиозной войны против неверных, и, конечно, прежде всего против русских. Известный в России и весьма памятный на Кавказе Шамиль сделался имамом мюридов, неограниченным повелителем Дагестана и непримиримым врагом России. Для противодействия его замыслам нужно было отвлечь часть войск с запада, где и без того их было недостаточно; это дало возможность усилиться здесь козням против России. Шамиль имел

[73] При приеме шапсугских депутатов генерал, командовавший Черноморской береговой линией (Раевский), старался объяснить им обязанности их по Адрианопольскому трактату. Видя же, что они не понимают его, и желая поставить дело ближе к их понятию, он сказал, что падишах отдал их русскому царю в беш-кеш (подарил их).«А! Теперь понимаю, – отвечал один из депутатов и, указав на птичку, сидевшую на дереве, прибавил: – Генерал, я дарю тебе эту птичку, поди возьми ее». Сравнение шапсуга было вполне верно и оригинально. Это происшествие было лет десять спустя после Адрианопольского мира и явилось в печати, если не ошибаемся, в первый раз в «Воспоминаниях кавказского офицера Т.» (Русский вестник. 1864. Сент.).

тайные сношения с черкесами, пытался было в 1846 году со своим войском проникнуть к ним через Кабарду для личного возбуждения их против русских; наконец, посылал к ним с этой целью своих наибов, из которых первые два не имели успеха, но последний, Мегмет-Эмин, настоящий питомец Шамиля, исполнил удачно возложенное на него поручение, долго имел влияние на абадзехов и только после падения своего имама, видя его судьбу, а может быть, склоняясь и на другие убеждения, покорился России и увлек с собой абадзехов. В конце 1859 года они дали клятву покорности России, а в начале 1860 года последовали их примеру и натухайцы, но при первой возможности как те, так и другие соединились с воюющими против России собратьями своими. Восточная война представляла черкесам самый удобный случай завоевать независимость, а покровительствующей им Турции и прочим воюющим против нас державам – нанести сильный удар России на Кавказе. Большая часть войск ее должна была двинуться на юг для защиты границ со стороны Азиатской Турции. Черкесы ожидали существенного пособия со стороны Турции и ее союзниц – войск и воинских припасов, – но к ним прислали только военачальника в лице старого, неспособного Сефер-паши, потому только, что он был родом натухаец и в молодости служил в русском войске. Вместо того чтобы соединиться с ловким Мегмет-Эмином и действовать с ним заодно, паша не преминул поссориться с ним, а эта ссора еще более усилила несогласие между черкесами, из которых одни начали держать сторону паши, а другие – Шамилева наиба. Прибытие потом в Анапу еще высшего турецкого сановника, Мустафы-паши, не могло пособить делу, и на вызов его едва явилось до 20 тысяч натухайцев и шапсугов; из абадзехов же никто не прибыл. Англичанин Лонгворт и его агенты напрасно тратили английские деньги. Черкесское войско, усиленное горстью польских туристов и турецких солдат, ограничило свои действия несколькими набегами и стычками с русским войском, которые оканчивались всегда в пользу последнего[74]. Между тем время ушло, и с ним потерян невозвратно благоприятный для черкесов случай. Тяжелый для России Парижский мир был началом счастливых событий на Кавказе. Свободные и притом усиленные войска были направлены против Шамиля, с падением которого покорился и Дагестан. Оставалось покорить черкесов, для чего было под руками весьма достаточно войск. Но кавказское начальство, наученное опытом, пришло к убеждению, что для достижения этой цели необходимо вести с ними войну значительными массами, окружая их со всех возможных сторон, вести войну энергично, безостановочно, без отдыха, в занятых местах, где предстоит удобство, ставить казачьи станицы, продвигаться таким образом все далее и далее, до самых крайних пределов – до Черного моря, не давая неприятелю вздохнуть и собраться с силами. Система[75]

[74] Высадка Омер-паши с войском в Сухум-Кале в конце Восточной войны имела целью отвлечь наши победоносные войска от пределов Малой Азии и не могла иметь прямого влияния на общее восстание черкесов.

[75] Старожилы кавказские утверждают, что этой системы держался в тридцатых годах и генерал Вельяминов, пользуясь ею по мере имевшихся у него ограниченных средств; с этой же целью он устраивал и дороги в горах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.